

10.335/
1963/2

№ 5 * 1963

საქართველო
საბჭოთაო

ლიტერატურная рузика

10335/
1963/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная рудзия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ГЕОРГИИ ЛЕОНИДЗЕ. Самоцветы грядущего. Стихи. Перевод с грузинского А. Яшина	3
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Цари, апрель! Стихи. Перевод с грузинского В. Тура	3
АЛЕКСАНДР ЯШИН. Просьба. Стихи	4
МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Мечта. Стихи. Перевод с грузинского Ю. Линника	4
ЭММАНУИЛ ФЕЙГИН. Штык и перо. Главы из повести	5
СИМОН ЧИКОВАНИ. Стихи начать... Стихи. Перевод с грузинского А. Тарковского	28
ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Дорогу Маю! Стихи. Перевод с грузинского В. Панова	28
АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ. Воспоминанье. Стихи	29
ОТАР ЧИЛАДЗЕ. Громко дождь стучал. Стихи. Пе- ревод с грузинского Ю. Мориц	29
АРЧИЛ СУЛАКАУРИ. Если искушают тебя... Рассказ. Перевод с грузинского Г. Миндадзе	31
КАРЛО КАЛАДЗЕ. Весеннее утро. Стихи. Перевод с грузинского В. Корнилова	47
ТЕЙМУРАЗ ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Письмо Мелитону Кантария. Стихи. Перевод с грузинского Т. Степанова	47
ОТАР МАМПОРИЯ. Проходят дни. Стихи. Перевод с грузинского Б. Окуджава	48
АЛЕКСАНДР ЦЫБУЛЕВСКИЙ. Рача. Стихи	48
ДЖАНСУГ НИКАБАДЗЕ. Раздумье у моря. Стихи. Перевод с грузинского Д. Голубкова	49
ОРДЭ ДГЕБУАДЗЕ. Королева утренней зари. Приклю- ченческая повесть. Перевод с грузинского М. Эса- кия	50

085-67

5

М А Й

1 9 6 3

См. на обороте

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ГЕОРГИИ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Крылья творчества.
Публицистические заметки 60

БЕСО ЖГЕНТИ. Акакий Белиашвили 67

ДАВИД МАЙСУРАДЗЕ. Прошлое и настоящее грузин-
ской книги. 75

ИСКУССТВО

В. БЕБУТОВА-ГАБУНИЯ. Мастер чеканки 79

ОЧЕРКИ

СЕМЕН СВЕРДЛИН. Во льдах Арктики 82

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

ВЛАДИМИР ЗЕМСКОВ. Маяковский рецензирует,
Маяковский говорит 92

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Подписано к печати 25 мая 1963 г. 6 печ. листов
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}.

Заказ № 710 Тираж 2400 УЭ 66875

ქართული ლიტერატურისა და ხელოვნება
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Адрес редакции: Тбилиси, 7. Улица Махарадзе 14, телефон 3—44—08.

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова,
Тбилиси, проспект Руставели, 42.

Георгий ЛЕОНИДЗЕ,
народный поэт Грузии

САМОЦВЕТЫ ГРЯДУЩЕГО

Перевод с грузинского А. Яшина

Дело всей жизни, песня моя —
Отчет моего поколения.
Я родине в трудных ее боях
Служил до самозабвения.

Подвиг наш станет примером в веках,
Дня без труда не пропущено.
Пот выступал на наших руках,
Как самоцветы грядущего.

Ираклий АБАШИДЗЕ

ЦАРИ, АПРЕЛЬ!

Перевод с грузинского В. Тура

Ты — не полет;
ты — жажда высоты.
Ты — птица, что еще не оперилась...
Но погоди — грядет неоспоримость
Земли и неба,
Ветра и воды.

Быть может, через несколько минут
В тебя, как в новорожденное море,
Лиахви, Алазани и Иори
Свои струи дочерние вольют.

Уж скоро, скоро перейдут на «ты»,
Как спорщики в едино-жарком споре
Болнисский камень,
высота Гомбори
И Цинандали древние сады.
Ну, а пока шумят еще на «вы»,

Едва-едва намечены тобою,
Хорей дождя,
гексамер прибоя
И белый стих размеренной листвы.

Весь мир весенний во главе с людьми
Наполнен вестью о твоем приходе...
Цари, апрель!

На каждом повороте
Да изнеможет сердце от любви!

Эммануил ФЕЙГИН

Ш т ы к и п е р о

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Повесть о герое Советского Союза Якове Чапичеве — новое произведение Эммануила Фейгина.

Яков Чапичев — поэт, солдат, коммунист — родился в Париже незадолго до первой мировой войны, был выращен и воспитан Советской Россией и погиб на подступах к Берлину, в боях за освобождение братской Польши, не дожив всего два месяца до нашей победы над фашистской Германией. Это была яркая, смелая, чистая жизнь, вся без остатка отданная Советской Отчизне, партии, народу, великому делу Ленина.

Новое произведение Э. Фейгина повествует о детстве и юности героя, о его службе в рядах Советской Армии, о его подвигах на фронтах Отечественной войны. Книга о Чапичеве в скором времени выйдет в военном издательстве Министерства обороны СССР.

Мы публикуем две главы из этой новой повести Э. Фейгина.

Действие первой главы «Тревога, тревога!» происходит в 1935 году, в учебных лагерях стрелковой дивизии, где служил тогда командир орудия, молодой крымский поэт Яков Чапичев, а глава «Глазами однополчан» переносит нас на Волховский фронт, где отважный политрук Чапичев впервые скрестил свое оружие с ненавистными врагами нашей Родины.

ТРЕВОГА, ТРЕВОГА!

Мы пришли к себе в палатку вскоре после отбоя. Обычно мы засиживались в клубе за работой допоздна. На этот раз Миша Вейс неожиданно забастовал.

— Шабаш, — сказал он, лениво потягиваясь. — Работа не волк, в лес не убежит.

Я запротестовал. Мне нравилось работать в «послеотбойной» ночной тиши.

— Давай, давай не задерживай, спать хочется, — поторопил меня Миша и беспцеремонно погасил свет. Я нехотя пошел за ним.

Но прежде чем улечься в постель Миша тщательно очинил карандаши и вставил их в специальные патроны полевой сумки, подаренной ему комдивом. Затем в сумку были уложены блокноты, бритва, мыльница, зубная щетка, полотенце, пять пачек первосортных «курортных» папирос и большая жестяная коробка с леденцами. Я вопросительно смотрел на

Мишу, но он явно не торопился удовлетворить мое любопытство и, плутовато щурясь, продолжал таинственные приготовления. «Что он от меня скрывает, куда это он, негодяй, собрался и главное без меня?»

Я не удержался.

— Для чего тебе столько папирос?

— Как для чего? Курить.

«Финтит, конечно, — решил я, — никогда он не делал таких запасов курева». Миша не был заядлым курильщиком, но зато, начиная с кем-нибудь деловую беседу, он тотчас же доставал пачку папирос и любезно предлагал: «Закуривайте, чтобы жинка дома не журилась». А если собеседник оказывался некурящим, Миша протягивал ему коробку с леденцами: «Угощайтесь, освежают». Я посмеивался над наивным «профессиональным» приемом начинающего журналиста, но Миша всерьез считал, что нашел вернейший способ «разговорить» любого человека.

Покончив с сумкой, Миша разделся и с аккуратностью, способной удовлетворить самого придирчивого старшину, сложил на табурете одежду. Это меня еще больше удивило. Несмотря на немецкое происхождение, Мише ни в какой степени не была свойственна пресловутая немецкая аккуратность. Обычно, раздеваясь, он небрежно разбрасывал одежду как попало, за что ему однажды крепко всыпал дежурный по лагерю, случайно заглянувший в нашу «привилегированную» палатку.

Миша улегся на койку, обернулся к стене, даже всхрапнул притворно. Я стаянул с него одеяло.

— Выкладывай!

— Отстань, я хочу спать, — захныкал Миша.

— Скажешь правду — будешь спать, не скажешь — до утра проманижу, — твердо сказал я.

— Да, видно, спать сегодня не придется, — покорно согласился

Миша.

— От тебя самого зависит.

— Не от меня.

— Почему?

— Похоже, что поднимут по тревоге. Учение.

Так вот оно что! Как же я сам не догадался? Ведь в лагере последнее время только об этом и говорили. Только и слышалось повсюду «учение, учение», но я по неопытности решил, что оно еще не скоро начнется. Ах, тятя!

Я лег не раздеваясь, только разулся. В те годы я еще спал крепко и разбудить меня было не легким делом. Помню, когда я начал работать в мастерских «точмеханики», мать обычно принималась меня будить часа за полтора до срока, а однажды, потеряв терпение, вылила на меня ведро холодной воды. На этот раз я решил и вовсе не спать. Вот только прилягу, отдохну немного, а спать ни-ни. Не дай бог просплю тревогу и не увижу, как начнутся долгожданные, первые в моей жизни военные учения. Но сколько я не боролся со сном, он все же одолел меня. Я даже не заметил, не понял, как это случилось.

Меня сильно встряхнули и рывкнули в самое ухо:

— Тревога, тревога, — вставай!

Миша уже был одет по форме, перетянут скрипучими ремнями. Ничего не скажешь — начсостав. Эталон командира. А я спросонья все пытался натянуть левый сапог на правую ногу.

— Спокойствие, — сказал Миша. — Левую на левую, правую на правую. Главное — спокойствие.

Спокойствие! Ему легко так говорить, ему все это не в новинку. А меня впервые поднимают по тревоге. Сердце вот-вот выскочит из груди, его ничем нельзя удержать, ничем нельзя успокоить. А руки непослушны и ни на что не способны. Я чувствовал себя прескверно. Тревога не для того, чтобы бездействовать. Тревога — призыв к действию, но я ничего не мог поделать со своими внезапно-одеревеневшими руками.

Мелькнула капитулянтская мысль: «Хреновый из меня вояка, ничего из меня не выйдет». Но взглянув на Вейса, я понял, что несмотря на опыт (его уже в третий раз призывали для прохождения службы), он тоже

волнуется. Я не удивился этому. Тревога потому и тревога, что она волнуется и тревожит, в этом ее назначение. Никогда она не может стать привычкой.

Сколько раз потом меня поднимала среди ночи военная тревога и чаще всего не для учения, а для боя. Со временем я приучил свой мозг принимать по тревоге необходимые решения, приучил руки соответственно действовать, но приучить сердце к спокойствию так и не смог. Ну и пусть, пусть успокоится, пусть неистово колотится о грудную клетку, пусть отсчитывает на бешеной скорости не положенное ему медицинское количество ударов. Пусть. На то оно и человеческое сердце.

Да и теперь, хотя уже меня вывели в запас, я нередко просыпаюсь от торопливого стука в окно и ясно слышу один и тот же, неизменно переходящий из сновидения в сновидение, хриповатый, натруженный голос: «Тревога, товарищ командир, тревога, вставайте». Я вскакиваю, протягиваю в темноте руки к одежде, чтобы немедленно бежать на сборный пункт, указанный в военном билете, и проходит секунда-другая, пока я начинаю сознавать, что мне это только почудилось. Я живу на пятом этаже, никто, конечно, не мог постучать ко мне в окно, разве только ветер, разве только ночной летающий жук, разве только неведомо кем разбуженная ласточка, чье гнездо прилепилось к карнизу нашего дома. Но все равно, заснуть я уже не могу и долго лежу с закрытыми глазами, прислушиваясь к гулким ударам растревоженного сердца, и думаю о своих товарищах и сверстниках, о тех, кто в юности не знал, что такое покой. Бой и подготовка к бою. И снова бой, и снова ожидание боя.

Тревоги, тревоги, тревоги.

Всю жизнь — тревоги!

...Мы, конечно, рассчитывали, что прибежим в политотдел чуть ли не первыми, но там уже шла напряженная работа. Нам пришлось более часа просидеть в приемной у занятого неотложными делами Кубасова. И мы терпеливо ждали. Работа нам предстояла большая и непривычная. Когда еще в начале лета составлялся план книги «Выше оценки нет», было решено, что третья ее часть будет посвящена героям осенних учений. А как их найти, как вывить в ходе учения, как собрать о них материал, мы тогда не знали и надеялись, что начподив все нам разъяснит, все подскажет. Но Кубасов, видимо, считал, что мы люди взрослые и сами должны знать что делать.

— А, литераторы! — без особого восторга сказал Кубасов, когда мы вошли в его кабинет. — Что ж вы тут околачиваетесь? Идите в подразделение, действуйте.

— Мы пришли узнать, — начал было Вейс, но Кубасов перебил его.

— А что вы тут узнаете у меня в кабинете. Сейчас все знания, дорогой мой, в подразделениях. Там все и решается. Шагайте, товарищ Вейс, к танкистам, у них замечательный народ. А вы, товарищ, в артиллерию. Поживите с недельку с лучшим расчетом и поднимите его на щит. Вот так. Вопросы есть?

Вопросов у нас было много, но задавать их не имело смысла. Мы видели, как занят начподив. И все же я не удержался:

— Разрешите мне пойти в расчет Чапичева. Мне хочется написать о нем.

— О Чапичеве? А почему именно о Чапичеве? Он и так знаменит на всю дивизию. Поэт! — Кубасов на мгновение задумался: — Впрочем, можно и о Чапичеве написать. Только учтите, осенние учения это проверка для всех, это самый строгий экзамен. Недаром говорят, что цыплят по осени считают.

Кубасов пожелал нам успеха, и мы отправились в подразделение.

Накрапывал холодный осенний дождь, и я основательно промок и отсырел, пока напутной подводе с фуражом добирался до огневых позиций артиллерии. Мне посчастливилось, я был доставлен «точно по адресу» на батарею Колесникова.

Артиллеристы всю ночь долбили каменистый неподатливый грунт, оборудуя огневую, и, разгоряченные этой адовой работой, можно сказать,

дышали огнем и паром. Яков, казалось, ничуть не удивился моему появлению. Я подал ему руку для пожатия, а он протянул мне кирку:

— На, согрейся.

И сразу послышался насмешливый голос:

— Этим он не согреется, товарищ командир. Ему бы чаек с малиной или кофей со сливками, а этим он только ручки свои сотрет. А чем потом писать будет?

— Кажется, Кобзев? — спросил я.

— Он, кто ж еще, — недовольно буркнул Яков и строго прикрикнул на Кобзева:

— Разговорчики!

И тем же командирским тоном мне:

— Не стой без дела, работай.

Часа еще не прошло, а я не то что согрелся — во мне, как сказал тот же Кобзев, «все подшипники перегрелись и расплавились». Начало светать. Рассвет был блеклый, холодный, как искры, которые вылетали из-под кирки, когда она обрушивалась на камень. Приехал командир полка, придирчиво осмотрел огневую, кажется, остался доволен и приказал всем отдыхать.

Мы усьелись в узком, тесном окопе, в нескольких метрах от орудия.

— Сейчас буду вчерашний сон досматривать, — сообщил Кобзев. — Такая мне, хлопцы, ягодка снилась, с ума сойти можно.

— Не советую, — сказал Яков, — дадут команду открыть огонь, а ты спросонья будешь вялым, как курица.

— Можно и потерпеть, — согласился Кобзев. — К терпелу мы привычные. Вот только пострелять охота. Как думаете, товарищ командир, скоро начнем?

— Когда прикажут, — ответил Яков и пояснил: — Мы «синие», мы в обороне. «Противника» пока еще нет. Появится «противник», тогда и ударим. Понятно, товарищ Кобзев?

— Понятно, да не очень. Не понимаю, почему надо ждать, пока он нас ударит. А если мы его упредим, да сами по кумполу стукнем, чтоб не лез. По-моему, так оно лучше будет.

Яков рассмеялся:

— Так это по-вашему, товарищ Кобзев.

— У тебя, Кобзев, все, что по-твоему — самое умное, самое лучшее, — вмешался в разговор наводчик Барабаш. — Удивляюсь после этого, чего ж ты у нас замковым служишь. С такой головой тебе в штабе дивизии сидеть.

— А что ж, могу и в штабе, — спокойно подтвердил Кобзев. — Меня куда хочешь посади, хоть в штаб, хоть в наркомат, я всюду заметным буду, не то что некоторые.

Барабаш обиженно нахмурился, но промолчал. Да и что тут скажешь. Кобзев и впрямь заметный человек — и не только на батарее и в полку, но и во всей дивизии. Синеглазый красавец, статный и сильный, удачливый и ловкий, он к тому же обладал множеством талантов. Метко стрелял из карабина, легко, как бы играючи, исполнял свои обязанности замкового в орудийном расчете, а при необходимости отлично мог заменить и наводчика, проникновенно пел трогательные украинские песни, хорошо играл на гармонике, лихо плясал, особенно гопак и лезгинку, а в зимнее время блистал на самодеятельной красноармейской сцене, бесцеремонно присваивая себе по праву избалованного драмкружковского премьера самые выигрышные роли. Но это еще не все. Главным кобзевским козырем было умение перешивать красноармейские штаны. Делал он это великолепно, и портновская слава его была велика, хотя, насколько мне известно, портным Кобзев никогда не был и стать им не собирался. Просто у человека был талант. Стандартные красноармейские брюки массового пошива (в казенных бумагах их именуют «шаровары х/б», то есть хлопчатобумажные) — одежина, к сожалению, не очень изящная. Как их ни крути, ни верти, то они сзади пузуются, то спереди на коленях, то с боков. Молодым воинам от этого, конечно, моральный ущерб. Особенно артил-

леристам, они народ щеголеватый. Вот и идут с жалобной просьбой к Кобзеву — «помоги, братец». И Кобзев помогает. Поколдует часок, вооружившись иголкой и ножницами, и ты уже владеешь не обычными шароварами х/б, а удивительно элегантным произведением портновского искусства.

Никому Кобзев ни разу не отказал: пожалуйста, сделаю. Сердился только, если предлагали ему денег. За свою поистине художественную работу он требовал другой платы. Как-то, разыскивая в арtpолку Якова, я случайно стал свидетелем такой сценки: красноармеец-первогодок только что примерил чудесно преображенные Кобзевым шаровары и протянул «волшебнику» новенький, хрустящий червонец.

— Убери гроши, — потребовал Кобзев.

— Так цеж не просто гроши, цеж злато, — смущенно пошутил красноармеец.

— Плевал я на все злато мира! — И хотя эти слова были явно заимствованы из какой-то сыгранной роли, сказал их Кобзев убежденно, как свои собственные. — Я из уважения работаю. Понял? Из уважения.

— Спасибо. Я тебя тоже уважаю, — еще более смутившись, сказал парень.

— Вот как! Тоже, значит, уважаешь? Я тебя, ты меня, так что ли?

— Да я...

— А ты не якай. Причем тут ты? Это я себя уважаю. Понял? Самого себя. Петра Григорьевича Кобзева. Его золотые руки. Понял?

Вот оно, оказывается, какую плату требовал Кобзев за свое искусство. Неуступчиво требовал. Нисколько не сомневаясь в своем праве взымать ее с людей. Тем более, что платили ему покорно, даже с охотой. А Яков возмущался. Как-то сказал мне:

— Не знаю еще, как с этим бороться, только терпеть такое в здоровом коллективе нельзя. Ненормально.

— Выдумываешь, — возразил я. — Что же, думаешь, ребята незаслуженно уважают Кобзева?

— Заслуги и услуги, брат, разные бывают. Такому лучше платить за работу деньги и... полный расчет. Большого он не стоит.

Признаться, я был удивлен. Мне казалось, что Якову должен нравиться Кобзев. Хотя бы потому, что они чем-то похожи друг на друга. Как и Яков, Кобзев был общительным, веселым, находчивым, умелым, артистичным парнем. Так в чем же дело? Может, Яков просто ревнует? Наверное, ревнует. Ну и глупо. Я так и сказал Якову. Он посмотрел на меня с сожалением.

— Ничего ты не понял. Да чтобы я к этому самовлюбленному пустоболту ревновал!

— Ты несправедлив к человеку.

— Ты как думаешь? Человеком, брат, нелепо стать. Да и не всякий хочет.

Меня искренне огорчил этот разговор. Ну, конечно, у Кобзева есть недостатки. А кто из нас без недостатков? Ну, конечно, Кобзев чрезмерно честолюбив и даже нагловат. Согласен. Плохо это, противно. Согласен. Но зато сколько у него безусловных достоинств. Ну как же так, Яков, ты всегда такой справедливый, а тут? И мне стало стыдно за друга.

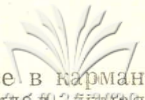
Примерно через неделю после нашего разговора в очередной «банный день» я присутствовал при серьезном столкновении Якова с Кобзевым, а вернее сказать, Кобзева с коллективом.

В «банный день» у каждого свои бытовые дела и заботы: починка обуви, стрижка, мелкий ремонт одежды. Да мало ли подобных забот у красноармейца. Хачатуру Погосяну — ездovому из орудийного расчета Якова, застенчивому доброму пареньку — понадобилось в этот день сходить в лагерную парикмахерскую. А там очередь — за день не управиться. Хачатур обратился к Кобзеву:

— Слушай, Пета, у тебя есть бритва. Можешь мне голову побрить?

— Спрашиваешь! Я все могу.

Бритьё Кобзев начал почему-то с макушки. Выбрil дорожку шири-

ной в два пальца до затылка, затем вытер бритву, положил ее в карман и, ни слова не сказав, ушел. Некоторое время Хачатур еще ждал, удивляясь, что веселый Кобзев шутит. Но когда понял, что дело плохо, с вольным брился к Чапичеву, забыв от волнения русский язык.

— Товарищ командир! Она меня позорила. Ай-ай, какая позор!

Яков велел разыскать Кобзева и, когда тот явился, спросил:

— Почему обижаешь товарища?

— Я его обижаю? Ничего подобного, товарищ командир, это он меня.

Я его брею, как полагається, все чин-чином, как в лучшем симферопольском салоне, а он, товарищ командир, на зло мне корчится, гримасничает, аж глаза на лоб закатил, будто я его, дурака, не брею, а режу. Я его спрашиваю: «Ты что Ваньку валяешь, разве больно?», а он назло мне: «Больно, больно». А я знаю, что врет. Обидно это, товарищ командир. Вы же понимаете, вы же сами, как я, мастеровой.

— Не мастеровой ты, а... — Яков сдержался, но красноармейцы рассмеялись и кто-то даже подсказал недоговоренное словечко.

— А ну, цыц, смехачи, тут не до шуток, — раздраженно прикрикнул на товарищев Кобзев.

— Это верно, — сказал Яков, — пошутили и хватит. Давайте, Кобзев, добрейте Погосяна.

— Приказываете? — спросил Кобзев.

— Понадобится — прикажу! — все так же спокойно сказал Яков. — А сейчас это только добрый совет, товарищ Кобзев.

Похоже, что Кобзев и сам не ожидал такого оборота. Командир есть командир, и сего приказами не шутят. Только дураки лезут на рожон, а Кобзев не дурак. Он даже изготовился, чтобы в случае необходимости застыть в положении «смирно». Но уж поскольку это не приказ, то можно поговорить, можно настоять на своем. И Кобзев повеселел.

— За добро спасибо, товарищ командир, — сказал он с подчеркнутой почтительностью. — Но только разрешите доложить, совет принять не могу. Все равно Погосяна брить не буду. Потому что нарочно это он, чтоб унижить меня. А я... Вся дивизия знает, кого хошь, хоть стеклышком от бутылки, хоть шилом побрею, не пикнет. У меня рука легкая, а бритва... Вот смотрите, товарищ командир, немецкая, фирменная, лучшая в мире.

— Ага, теперь все ясно, — сказал Яков. — Бритву свою драгоценную для товарища жалеете?

— Я жалею?! — Кобзев, как говоритесь, завелся с полоборота. — Да в жизни я ничего не жалел. Плевать я хотел на эту бритву. Вот берите, дарю. На всю батарею. Для общего пользования.

Яков молча и спокойно выслушал Кобзева. Зато красноармейцы взволновались.

— Молодец, Кобзев!

— Какой там молодец. На что плюет, то дарит.

— А тебе какая разница? Дают — бери.

— На кой нам его заплеванной подарок.

— Ты помолчи лучше. У тебя борода еще не растет, а нам, мужикам, чего тут отказываться. Хорошая у тебя бритва, Кобзев?

— Хорошая, лучшая в мире — «Два близнеца», — подтвердил Кобзев.

— У батареи есть бритва не хуже вашей, — сказал Яков и достал из полевой сумки новенький футляр с золоченой надписью. — Ничем не хуже, тоже «Два близнеца».

— Так это ж ваша, подаренная, — растерянно пробормотал Кобзев. — Наградная от командира полка.

— Была моя — теперь батарейная, — сказал Яков. — Так что уберите свой подарок, товарищ Кобзев. Как говорят французы, «гранд мерси», но...

— Товарищ командир, — Кобзев побледнел. Губы его жалко дрогнули, голос прозвучал умоляюще. Он протянул свою бритву сначала Якову, затем красноармейцам. Но те молчали. А Яков едва заметно усмехнулся и спокойно, как ни в чем не бывало, сказал Погосяну:

— Пошли, Хачатур, сейчас мы тебя приведем в порядок.

Я долго не видел после этого Кобзева. Но вот мы встретились на огневой, в тесном окопчике, а он как и прежде бахвалится, высокомерно чает. Неужели тот урок не принес ему пользы. Как видно, не принес.

Над нашими головами вдруг возникли огромные сапоги, подбитые подковками такой величины, какие, пожалуй, и битюгу-тяжеловесу будут по мерке.

— Эй, гляди под ноги, Сердюк, — с нарочитым испугом воскликнул Кобзев.

— Можно до вас?

— Можно, только осторожно, — ответил за всех Кобзев. — Прошу, прошу к нашему шалашу.

— Чего тебе, Сердюк? — спросил Яков.

— Махорки хочу разживиться, товарищ командир. Курить хотца, аж уши пухнут.

Сердюку дали махорки. Все молча наблюдали, как он свертывает сигарку, как закуривает.

— Ух, полегчало! — сказал он, сделав первую затяжку. И только после этого Яков спросил Сердюка:

— Ну, как там кони, в порядке?

— А чего им! Им бы только жрать да жировать, — равнодушно сказал Сердюк, пренебрежительно пожав плечами. Но равнодушный тон его голоса и пренебрежительное это движение никого не обмануло. Все знали, что ездовой Федор Сердюк обычно так и говорит о лошадях, то равнодушно и пренебрежительно, то раздраженно и ворчливо, будто о врагах своих, а в самом деле души в них не чает. А сейчас всем ясно — судя по такому началу, Сердюк, конечно, намерен серьезно поговорить о каких-то неотложных лошадиных делах и можно не сомневаться, что он оставил своих подопечных не только для того, чтобы разживиться махоркой.

Так оно и есть! После третьей затяжки Сердюк сообщил:

— Орлик на правую переднюю жалится.

— Что это он? — встревожился Яков. Тревога его понятна. Нелегко быть командиром орудия на конной тяге. В его хозяйстве семерка лошадей — шестеро ходят в упряжке, седьмая под самим командиром. И у каждой свой нрав, свои особенности. Ведь это живые существа — они и ласку чувствуют, и боль, строгость и равнодушие. Они требуют от людей доброго ухода и неусыпных забот.

— Подкова тесная, жмет, — сказал Сердюк.

— Как же это вы?

— Виноват, товарищ командир, не доглядел.

— Надо было кузнецу сказать.

— Да что ему говорить. Это ж не коваль, а партач. Он ухнали заколачивает, как баба гвозди, — один раз по головке, два раза мимо. Так он нам всех коней закует. Вы бы доложили кому надо, товарищ командир.

— Обязательно доложу.

Но тема эта еще не исчерпана. Кроме Орлика, есть и другие кони. Это серьезный разговор, деловой. Он касается каждого из бойцов расчета, и все принимают в нем участие. Кажется, один только Кобзев не проявляет никакого интереса. Некоторое время он что-то насвистывал сквозь зубы, затем протяжно зевнул и, наконец, не выдержал и вмешался в разговор. Роль молчальника ему явно не под силу.

— Интересуюсь, товарищ Сердюк, что вы будете делать, когда полк переведут на мехтягу?

— Когда еще это будет! — отмахнулся Сердюк от нелепого с его точки зрения вопроса.

— Скоро, товарищ Сердюк, скоро. Напрасно вы на политзанятиях спите. Как раз вчера нам доложили, сколько тракторов делают советские заводы. Так что скоро всех коней на колбасу и на мыло.

— Типун тебе на язык, Кобзев.

Кобзев иронически хохотнул, обрадовался, что испугал лошадирика.

— А я тут причем? Эх, и отсталый вы человек, товарищ Сердюк. Вам говорят про технический прогресс, а вы про свой старорежимный типун. Вам говорят, что трактор на место коня идет, а вы...

— Нехай трактор на землю идет, — сказал Сердюк. — Там ему сейчас самое место. Нехай землю пашет, хлеб сеет.

— Вам бы только хлеб да хлеб, — сказал Кобзев. — А военная сила государства вас, значит, не интересует, товарищ Сердюк.

— Попробуй повоюй без хлеба. Вся сила в нем, — убежденно сказал Сердюк.

— Ну и отсталый вы... — снова начал Кобзев, но Яков прервал его:

— Что вы пристали к человеку?

— Я не пристаю, а просвещаю его, товарищ командир. Это ж интересно, что он будет делать, если...

— Ишь какой заботливый, — усмехнулся Яков. — А вы о Сердюке не беспокойтесь, товарищ Кобзев. Он, слава богу, пушкарь и пушкарем останется. При всех обстоятельствах.

— Пушкарь, — фыркнул Кобзев. — Пушкарем быть не просто, товарищ командир. Уметь надо. А что он умеет? «Пру да но». Великое умение.

— Напрасно вы так о товарище думаете, — сказал Яков. — Он многое умеет и не хуже вас. Не верите? Тогда сделаем так: я вас поставлю ездовым, а Сердюка замковым.

— Меня ездовым?

— Вас. Я как раз Рыжего думаю под седло приспособить, хватит ему в пристяжке ходить. Вот и покажете свое умение.

Сказано это было серьезно, но все рассмеялись. Должно быть, ребята не могли без смеха представить себе Кобзева ездовым, Кобзева верхом на Рыжем. Посмотреть на такое — и в цирк ходить не надо. Давно известно, как Кобзев относится к лошадям, и если все бойцы расчета ухаживают за ними по обязанности и по любви, то для Кобзева эта обязанность хуже любого самого тяжелого наказания. А Рыжего он просто терпеть не может, да к тому же побаивается его, Рыжий — зверь непокорный, норовистый, злощущий, хитрый. Правда, красивый — за это и любят его бойцы. Но Кобзеву, видать, такая красота ни к чему — какая это красота, если она, бесовская, все время лягается и кусается. Конечно, Кобзев не из трусливого десятка, но интересно все же, как это он оседлает Рыжего? Интересно, кто на ком поедет? Ну как тут не посмеяться?

— Смеются надо мной, товарищ командир, — пожаловался Кобзев.

— Что ж делать, если смешно, — ответил Яков. — Вы же любите над товарищами посмеяться.

Трудно сказать, чем бы кончился этот разговор, но командир полка снова приехал на огневую и неожиданно вызвал Чапичева. С чего бы это? Такое ведь не часто бывает.

— Посоветоваться хочет, — предположил Сердюк.

— Кто с кем? — спросил Кобзев.

— Комполка с нашим командиром, с товарищем Чапичевым.

Кобзев фыркнул.

— А ты не фырчи, — оборвал его Барабаш, — комполка у нас не гордый. Он людей уважает. Если хочешь знать, так он сегодня и со мной советовался.

— С тобой? — усомнился Кобзев. — Интересно о чем?

— О делах, — сказал Барабаш.

— Сказочка. Какие у вас совместные дела.

— Угадал, Петя. Вот именно совместные. Он меня спрашивает: «Ну как, будем стрелять, пушкарь? Не уроним честь полка?» А я отвечаю: «Никак нет, товарищ командир, не уроним!».

— Понятно, Барабаш, можно не продолжать, — сказал Кобзев. — Об этом, если хочешь знать, он со всеми говорит.

...Что-то уж слишком задержался Яков у командира полка. Бойцы явно встревожены этим. Они притихли, разговоры ведут вполголоса.

— А может забирают у нас товарища Чапичева.

— Куда это его заберут?

— Мало ли куда. Может на спецзадание.

Спецзадание. Оно совсем недавно вошло в наш обиход, это слово. Неуклюжее, корявое как-будто слово. Но как оно волнует наши сердца, как разжигает мечту о подвигах и славе. «За образцовое выполнение специального задания правительства, за проявленное при этом мужество и героизм...» — кому из молодых не хочется, чтобы так было написано о нем. А тут еще прибыл недавно в полк для дальнейшего прохождения службы новый командир орудия с орденом боевого Красного Знамени на груди. Поглядишь — обыкновенный паренек, не гордый, сверстников своих не чурается, не зазнайка, о чем хочешь с ним говори. Но спросишь, где отличился, за что орден, и всем один и тот же ответ, одно таинственное, приманчивое, как магнит, слово — спецзадание.

— А что, вполне могут послать товарища Чапичева. Голова у него — дай бог каждому. Грамотный, стихи пишет. А также парашотист.

— Это кто парашотист, — не сдержался я, — Чапичев?

— Он самый. А вы и не знали?

Оказывается, Яков в прошлом году отпросился на сборы спортсменов-парашотистов и совершил несколько прыжков с самолета. Сообщили мне об этом с подробностями. Как поднимался с земли самолет, и как Яков шагнул в пустоту, и как раскрылся над его головой парашют. Значит, Яков все это им рассказал. А мне ни слова. Ну погоди, дружок!

— Эх, мне бы такое дело, — сказал Кобзев. — В самый раз по моему характеру. С любой высоты прыгну, глаз не зажмурю.

— А я вот не смог бы, — вздохнул Сердюк, — страшно.

— А что тут страшного? — спросил Кобзев.

— А так как-то... С рождения по земле хожу.

— Ну, если так — рожденный ползать, летать не может.

— Потыше, Кобзев.

— А ты не обижайся, Сердюк. Во-первых, не мои это слова, а пролетарского писателя Горького. А во-вторых, я же по-дружески! Жалею я тебя, Сердюк. Времячко сейчас такое — технический прогресс, а ты уцепился за хвост коняги и ни с места.

Сердюк отвернулся, пробормотал:

— Жалел волк кобылу.

Послышались чьи-то торопливые шаги. Я выглянул из окопа. Ну да, это Яков. Интересно, что нового он скажет.

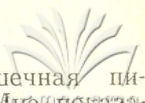
— Сердюк, к упряжке, бегом, — уже издали приказал Яков, и всем стало ясно, для чего вызывал его командир полка.

Артиллерия снялась с огневых позиций. Всю ночь до кровавых мозолей трудились, создавая их, бойцы. И вот на тебе: не пригодились, не нужны. Ну что ж, горевать долго не приходится. Потому что впереди что-то новое, неизведанное, а новое, еще неизведанное всегда неудержимо влечет к себе молодые сердца.

Мы поднимались в гору. Медленно, осторожно, часто наощупь, потому что то и дело нам преграждали путь облака, и тогда мы слепли. Казалось в такие минуты, что дорога уходит, уплывает из-под ног. И это было страшно. Она и так была не очень верной, эта заброшенная, размытая осенними дождями лесхозовская дорожка, проложенная на узком карнизе — слева отвесная стена, справа — крутой обрыв в глубокое ущелье.

Около часа я шел рядом с Яковым, придерживаясь рукой за стремя. Мы молчали. Когда я о чем-то спросил его, он мне даже не ответил. Только чуть придержал коня и строго посмотрел на меня. Ему было не до разговоров.

Неожиданно откуда-то справа, с противоположной стороны ущелья ударили пулеметы. «Противник» навязал нам встречный бой. Послышались команды: «С передков! Орудия к бою! Упряжки в укрытие!». И тут случилась беда. Когда ездовой первого уноса Сердюк развернул своих коней, чтобы увести их в укрытие, ходивший у него в пристяжке Рыжий, испугавшись чего-то, оборвал упряжь и заметался на узкой дороге.

Потом мне сказали, что Рыжего испугала какая-то крошечная пичужка, внезапно выпорхнувшая из-под его ног. Я удивился. Мне показалось, что такому сильному и гордому зверю, как Рыжий, незнакомо чувство страха. Но может быть это был не самый страх, а лишь воспоминание о страхе, испытанном когда-то в детстве, когда Рыжий был еще маленьким, беспомощным жеребенком. Может и так.

Еще не решив, куда, в какую сторону бежать, Рыжий метался по дороге, создавая этим самым сумятицу, мешая артиллеристам выполнить нужный маневр. Так случилось, что в этот момент ближе всех к Рыжему оказался Кобзев.

— Справа заходи, справа, Кобзев! Держи его!

Если Рыжий испугался маленькой птички, то Кобзева не меньше испугал этот разъяренный, вырвавшийся на свободу конь.

— Справа заходи! — кричали Кобзеву. Но справа был обрыв, и Кобзев, отступив влево, прижался спиной к скале и, замахав руками, истощно заорал.

— Стой, проклятый, стой!

Рыжий взвился на дыбы, желая отступить на задних ногах от орущего на него Кобзева. Но отступить было некуда, и мы не успели опомниться, как бедный конь сорвался вниз.

Он лежал на небольшом ребристом уступе метрах в 6-7 от нас, и я не сразу понял, каким образом ездовой Сердюк оказался почти в тот же миг рядом с Рыжим. Прыгнул он что ли с такой высоты? Не может быть. После я узнал, что несколько метров Сердюк преодолел, цепляясь руками и ногами за острые камни, а затем действительно прыгнул. И не очень удачно. Некоторое время он лежал неподвижно недалеко от Рыжего.

— Веревку мне, живо! — приказал Яков.

Сердюк поднялся, припадая на левую ногу, подошел к Рыжему, склонился над ним и тут же выпрямился. Мы ждали что он скажет, а он только безнадежно махнул рукой.

Мы спустили Якова на уступ.

— Ты не крепко ушибся, Сердюк? — спросил Яков.

— Отгулялся наш Рыжий, — ответил Сердюк.

— Не верится. — Яков опустился на колени и обеими руками приподнял голову Рыжего. Но мы даже сверху видели, что несчастному коню ничем уже нельзя помочь.

Яков поднялся и, не глядя вверх, приказал:

— Красноармеец Кобзев, ко мне!

Коснувшись ногами уступа, Кобзев, даже не отвязав от пояса веревку, тотчас же приложил руку к козырьку. В тот же момент рука эта дрогнула, и Кобзев, отпрыгнув от Якова, прикрыл ею глаза. Должно быть от страха. Я тоже вздрогнул от страха, потому что Яков быстро расстегнул кобуру и вытащил наган.

Что он делает!

— Пристрелите коня! — сказал Яков и протянул наган Кобзеву.

Тот взят револьвер и опустил дулом вниз.

— Товарищ командир!

— Красноармеец Кобзев, стреляйте! Вы слышали мой приказ?

— Товарищ командир! — словно глухонемой, одними губами сказал Кобзев.

— Стреляй же, сволочь! — сжав кулаки, вскрикнул Сердюк.

Кобзев отвернулся от Рыжего и выстрелил ему в голову.

Потом мы в угрюмом молчании долго сидели с Яковом на лафете его безмолвного орудия, Шел «бой». Все орудия полка вели огонь, а орудие Якова бездействовало, так как несговорчивый посредник временно вывел его из строя.

Неожиданно Яков попросил у Барабаша покурить, но, сделав одну лишь затяжку, закашлялся и затоптал папиросу ногой.

— Ну и дрянь, ну и глупые же люди, — ни к кому не обращаясь, пробормотал Яков. — Ишь ты, большие потери... А в настоящем бою

потерь что ли не будет. В настоящем бою ведут огонь до последнего сна-
ряда, до последнего человека. А тут условности, черт бы их побратал!

— Не горюй, Яков, — сказал я. — Это же временно.

Он поднял на меня злющие глаза.

— А ты что тут делаешь, утешитель?

— Будто не знаешь, — ответил я. — Я же пишу о вас. В историю дивизии.

— О нас пишешь? В историю. О позоре нашем пишешь. Иди ты знаешь куда... Ну, что сидишь? Уходи, тебе говорят.

В другой раз я бы, конечно, возмутился. Но сейчас... Что с ним сейчас спорить. Я ушел.

В артиллерийский полк я попал снова только на пятую ночь учения. Полк занимал оборону на опушке леса, у самого моря. Ожидалась высадка морского десанта «противника».

Бойцы чапичевского расчета спали в окопе на подстилке из сухой листвы. Я прилег рядом с Яковом.

— Спишь? — спросил я.

— Сплю, — ответил он. И я понял, что у него нет желания разговаривать со мной. Что ж, ясно, что настроение у него неважное. Я уже слышал, что возвращенное в строй орудие Якова прошлой ночью замечательно стреляло. Пожалуй, лучше всех в полку. Но все равно о ЧП никто не забыл. Такое не сразу прощается. И я не решился надоедать Якову разговором. Спросил только о Сердюке.

— Отправили в госпиталь, у него растяжение. И давай спи, я устал, как собака.

Он отвернулся от меня, и хотя я тоже устал черт знает как и мне тоже хотелось спать, но я уснул не сразу. В сотне шагов от окопа, в темноте непроглядной ночи, глухо и сердито рокотало море. И это почему-то тревожило меня. Морской десант. Как это будет, как это произойдет? Конечно, противник условный. Конечно, это только игра. Военная игра. Игра в войну. Но все же. И вдруг я услышал знакомый и чем-то неприятный мне голос.

— Товарищ командир?

— Чего вам, Кобзев? — спросил Яков.

— Вот хочу вас спросить. Отчего вы так не уважаете меня?

— А вы кого-нибудь уважаете, Кобзев?

Молчание.

И снова:

— Не любите вы меня, товарищ командир.

— А вы кого-нибудь любите, Кобзев?

Кобзев вздохнул.

— Вот, видите, Кобзев. Как говорится, нечем крыть. Потому, что вы только себя любите.

— Так что ж тут плохого, товарищ командир. Я как все. Каждый самого себя любит. А как же иначе.

— Врете, Кобзев. Люди не волки.

— Может и не волки, только и не ангелы. Вот не любите вы меня.

— Не люблю, — сказал Яков.

— А за что?

— Кулацкая у вас душа, потому и не люблю.

— У меня кулацкая?! — возмутился Кобзев. — Да я может на всю батарею самый что ни на есть пролетарий. Батяка мой всю жизнь в порту горбил грузчиком. И я с десяти лет.

— А это еще ничего не значит, Кобзев. Бывает и так — происхождение пролетарское, а душа кулацкая.

— Душа, душа, — с горечью повторил Кобзев. — А вы, попробуйте, загляните в мою душу.

— И загляну, — обещал Яков.

— Знаю, как заглянете! Кобзеву выговор. Кобзеву наряд вне очереди. Кобзеву прогирка с песочком перед строем. Знаю я. А вот Рыжий перед смертью своей заглянул. Как вспомню, какими глазами он на меня смотрел. До гроба не забуду... Но разве вы поймете.

— Пойму, — сказал Яков. — Лишь бы ты сам понял. Кажется, они замолчали, а может и нет. Потому что я уснул. Разбудил меня топот множества ног, лязг железа и громкий топот Якова, отдающего команду:

— Орудие к бою!

Опять тревога. А я ведь, кажется, только-только задремал. И так трудно проснуться уставшему телу. Но надо...

Тревоги, тревоги.

Всю жизнь тревоги.

ГЛАЗАМИ ОДНОПОЛЧАН

Вот они и написаны, эти главы повести о Якове Чапичеве. Двадцать глав. Это в книге двадцать, а в жизни их было намного больше. Всю его жизнь, понятно, вместишь в одну книгу невозможно. Это я знаю. Но плохо, если упущено что-то важное, может быть, главное. Надо бы прочесть написанное тем, кто знал Якова в разные годы, — друзьям его детства и юности, однополчанам, фронтовым товарищам. Желание естественное, только, пожалуй, почти неосуществимое. Где они теперь, друзья его детства и юности? Многих наших сверстников уже нет на свете, а тех, кто здравствует, время раскидало во все концы земли. Кое-кто по-прежнему живет в Крыму, другие стали жителями Киева, Ленинграда, Львова, иные подалеже забрались — за Уральский хребет, на Сахалин и Камчатку. Так просто их не соберешь. Так просто к ним не доберешься.

А найти фронтовых товарищей Якова еще труднее. Я почти ни с кем из них не знаком.

И все же мне повезло. Мне посчастливилось прочитать эти главы человеку, которого солдатская судьба свела с Яковом Чапичевым в первые, самые тяжкие месяцы войны. Фамилия этого товарища Борзунов. Он полковник, живет и работает в Москве.

Зимой 1962 года Союз писателей СССР и Главное Политическое Управление Советской Армии и Военно-Морского Флота проводило в Тбилиси совещание по военно-художественной литературе. Поскольку и я причастен к этому делу, московские товарищи (среди них был Семен Михайлович Борзунов) спросили, над каким военным произведением я работаю.

— Пишу повесть о Якове Чапичеве.

— О Якове Чапичеве? Так это же мой однополчанин! — воскликнул Семен Михайлович. — В сорок первом мы работали вместе на Волховском фронте.

Надо ли говорить, как я обрадовался? Волховский фронт — одна из самых малоизвестных мне страниц в биографии Якова. Тогда же возникла мысль: пусть в повести о Чапичеве будет глава «Глазами однополчанин», созданная не только мной, а совместно с фронтовыми товарищами Якова, по их материалам и воспоминаниям. Возможно, на первых порах таких рассказов будет немного, но если выйдет в свет книга и если попадет она в руки однополчанин Якова, то я несомненно получу возможность дописать ту часть повести, без которой она, вероятно, всегда будет казаться неполной, незавершенной.

Я поделился с полковником Борзуновым этой мыслью. Она показалась ему интересной.

— Попробую сделать почин, — обещал Семен Михайлович.

В Тбилиси, а затем в Москве и в письмах ко мне полковник рассказал о Якове много такого, что я не знал и не мог знать. У Семена Михайловича сохранилась фронтовая фотокарточка Якова, его стихи и заметки, напечатанные в армейской газете «В бой за Родину», и другие материалы.

Так постепенно передо мной раскрылись новые страницы жизни Якова, так сложился еще один рассказ о нем.

На исходе сентября 1941 года.

Волховский фронт.

Пробираясь запутанными лесными тропами в один из батальонов переднего края, корреспондент красноармейской газеты «В бой за Родину» Семен Борзунов неожиданно вышел к командному пункту какой-то незнакомой ему части. Можно и нужно было идти своим путем, не задерживаясь, потому что в батальоне, куда направлялся корреспондент, у него было срочное дело. Но корреспондент задержался здесь. Надолго задержался. И вот почему.

Неподалеку от землянок командного пункта стоял подбитый танк. Может, кто другой не обратил бы на него внимания — обыкновенная «тридцатьчетверка», которой, видать, не очень повезло в бою. Вмятины на почерневших от дыма бортах, зияющая пробоина в стальной груди. Да, видать, не повезло бедняге. Ну что ж, шагай дальше, корреспондент, нечего тебе тут останавливаться, ты уже не раз видел на войне подбитые и разбитые машины. Какой же тебе интерес?

Интерес?! Нет, не просто интерес, не праздное любопытство. Судьба этой искалеченной вражескими снарядами «тридцатьчетверки» вдруг, как-то сразу завладела всеми помыслами Борзунова.

Вероятно, для человека иной профессии это был лишь бездействующий, уже бесполезный и, конечно, безмолвный металл. Но ведь давно известно, что тот, кто умеет слушать, — услышит; и даже придорожный камень поведаст ему повесть своей жизни.

Было в этом танке какое-то сходство с воином, только что вышедшим из боя, и всем своим обликом он как бы говорил корреспонденту: «Ты думаешь, мне не повезло? Зря так думаешь. Я был создан для боя, и я сражался. Я был создан для истребления врагов, и я истреблял их огнем и гусеницами. Правда, меня тяжело ранили, но я еще буду сражаться. Я не побежден, нет, не побежден».

Корреспондент приблизился к машине, положил руку на броню. На ощупь она была холодная, и все же ему почудилось, что металл еще дышит неостывающим жаром недавнего боя.

Из открытого люка выглянул танкист с гаечным ключом в руке.

Поздоровались.

— Чья машина? — спросил Борзунов.

— Командирская, — ответил танкист.

— Давно из боя?

— Позавчера.

— Экипаж уцелел?

— Как тут уцелеешь. В такое пекло попали. — Танкист вздохнул. —

Башенный стрелок сгорел, нынче утром похоронили, — он показал на невысокий холм, уже запорошенный снегом. — Славный парень.

— А остальные? — спросил корреспондент.

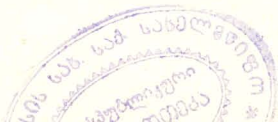
— Тоже пострадали. Механика-водителя отправили в медсанбат.

Сильно ему досталось, но, может, еще выживет. Да вот наш политрук идет, это его машина.

Борзунов обернулся.

К подбитому танку шел человек лет двадцати восьми, крепко сбитый, плотный, на первый взгляд даже несколько излишне грузный. Он был в черном меховом полушубке, в ватных брюках и в больших кирзовых сапогах. На узком невоенном поясе, почему-то с левой стороны, болталась необычного, неказенного образца кобура, из которой торчала рукоять «парабеллума». На забинтованной голове, слегка сдвинутая на затылок, щегольская кубанка из рыжеватого каракуля. Густые брови нахмурены, большие глаза воспалены, припухлые губы в кровоточащих трещинах.

Какой-то очень уж не танкистский, а партизанский вид был у этого парня. Но корреспондент не удивился — война не парад, в этом он уже успел убедиться.

Борзунов представился.

— Чапичев, — назвал себя политрук. Голос у него был глуховатый, усталый, но руку Борзунову он пожал крепко. Хорошо что приехали, — хмурость сошла с его лица вильно сделали, а то я уже сам хотел писать в газету.

— А вы напишите, — подхватил корреспондент, — мы всегда рады.

— Знаю, что рады, — согласился политрук. — И я бы с большой радостью, да где время возьмешь? Третьи сутки они нас атакуют, без передышки.

— Держитесь? — спросил Борзунов.

Чапичеву явно не понравился этот вопрос.

— Удержимся, — строго сказал он. — Пусть никто не сомневается, удержимся. Потому что люди у нас такие... что ни боец — то герой. Так и просится каждый в поэму. Понятно, они не ради славы бьются, но славы заслуживают. Это точно. Эх, нам бы своего Пушкина. Вот бы написал Александр Сергеевич.

Корреспондент смутился и пробормотал что-то невнятное.

Чапичев рассмеялся.

— А вы чего извиняетесь? — И уже серьезно. — Работы у нас для газетчика хоть отбавляй. О том, что было, — расскажем, что есть и будет — сами увидите. И главное — с нашими людьми познакомитесь. Они вас вдохновят на такое... Только успевай писать и печатать.

— Я напишу о ваших героях, — обещал корреспондент.

— Значит, договорились. А то, примечаю, вы все в сторону поглядываете. Думаю, еще чего доброго сбежит корреспондент. — Чапичев снова рассмеялся. — И вот решил маленько поагитировать.

— Агитировать меня не нужно, не сбегу, — сказал корреспондент, удивляясь проницательности политрука.

Внезапно начался минометный обстрел командного пункта. Одна мина разорвалась совсем близко от «тридцатьчетверки», и осколки ее пронесли над головой корреспондента. Тот невольно присел на корточках и тотчас же выпрямился, почувствовав на себе взгляд политрука. Правда, во взгляде этом не было ничего плохого: ни укора, ни презрения, ни насмешки, только понимание — видно, политрук Чапичев хорошо знал, что действительно стыдно и не стыдно на войне.

— Силаков, — обратился Чапичев к танкисту, — проводите корреспондента в нашу землянку и скажите, чтобы накормили товарища.

— Слушаюсь!

— А сами не задерживайтесь, Силаков. Захватите побольше гранат и догоняйте меня. Я буду в третьем.

— Я пойду с вами, — сказал корреспондент.

— Нет смысла. Там не поговорим. Лучше в землянке подождите, я скоро.

Ждать политрука пришлось долго — несколько часов, но корреспондент теперь и вовсе не помышлял о том, чтобы уйти, предвкушая удовольствие от беседы с человеком, который чем-то понравился ему. А чем? Возможно, корреспондент и самому себе не смог бы тогда ответить на такой вопрос. Слишком короткой была их первая встреча. Но, видимо, Чапичев не из тех людей, мимо которых можно пройти равнодушно. Такого раз увидишь, и он, как говорится, уже запал тебе в душу.

Танкисты, которых корреспондент расспрашивал о Чапичеве, отзывались о нем тепло, одобрительно. Правда, без всяких там охов и восклицаний. Похоже, что в их обиходе и вовсе не было таких слов, как смелый, храбрый, отважный, доблестный.

Силаков сказал о Чапичеве:

— Находчивый человек. Быстро думает. Раз, два — и сообразил что надо.

— Остроглазый у нас политрук, все наскрозь видит, — сказал другой танкист.

А третий охарактеризовал политрука еще короче:

— С умом воюет.

...Политрук, не раздеваясь, присел к раскаленной печке-времени

— Порядочек в танковых войсках, — сообщил он корреспонденту и неожиданно пожаловался: — Не холодно как будто, а руки все время зябнут.

— Жар у вас, потому и зябнут, — сказал Силаков. — Вам бы сейчас молока кипяченого.

Политрук усмехнулся:

— Молока... Еще чего предложите, Силаков? Может, еще гоголь-моголь, чтобы горлышко не болело, и валерьянку для успокоения нервов. Так, что ли? Эх, Силаков, Силаков... Вот примечайте, товарищ корреспондент, как трудно мирному человеку перестроить свою психологию на военный лад.

— Вам, конечно, легче, — добродушно возразил Силаков. — Вы человек военный, кадровый, а я...

— И вы тоже военный. Все мы теперь военные, — убежденно сказал Чапичев. — И воевать нам...

— Воевать и воевать, — вставил Силаков. — Это уже и ребенку ясно. В один момент с ними не справишься.

— Вот именно, товарищ Силаков. Воевать нам и воевать до полной победы. Пока из Гитлера всю душу его поганую не вытрясем. Пока последнего гитлеровца не пристукнем. А после... После можно будет и молоком побаловаться, я не против. Горячее молоко с пончиком. Это, я вам скажу, совсем не дурно. Вы ведь любите пончики, Силаков. Откуда знаю? Должность такая — политруку все положено знать. Только вот еще не знаю, с какой начинкой вы их любите. С кремом? С повидлом?

— Да ну их, эти пончики, — смеясь, отмахнулся Силаков, и корреспондент заметил себе, что здесь любят и понимают шутку. — Как-нибудь без них обойдемся. И без кипяченого молока. Лучше я чаек соображу.

— Вот это дело, — одобрил Чапичев. — А я тем временем «пушку» свою почищу.

Уверенно и быстро, без единой задержки политрук разобрал пистолет. И в том, как спорилось у него это дело, в каждом рассчитанном, осознанном и в то же время естественном движении его рук, в каждом мягком и бережном прикосновении его тонких и чутких пальцев к деталям пистолета, чувствовался не только многолетний опыт военного человека, не только умение обращаться с оружием, то есть приобретенные в повседневной практике навыки и знания, но и то, что принято называть любовью, а лучше бы называть более точным и строгим словом — уважением.

Вот так и подумал корреспондент: «Уважает оружие, видать, по настоящему уважает».

— Ловко вы с ним управляетесь, товарищ политрук, — сказал Борзунов.

— Ничего особенного.

— Все же не наш это, другая система.

— Не имеет значения. Принцип одинаковый. У меня и наш есть, табельный. А как же иначе? Я ведь кадровый, как сказал товарищ Силаков, значит, пришел на фронт полностью вооруженный и снаряженный. Все по норме, как положено. А этот трофейный... Ну как вам объяснить...

Корреспондент подался вперед, надеясь услышать несомненно интересную, вероятно, очень захватывающую историю о том, как немецкий офицерский пистолет попал в руки политрука. Конечно, это произошло в бою, и скорее всего в разведке. Такую историю газетчик без внимания не оставит, обязательно прихватит про запас, когда-нибудь да и пригодится. Но Чапичев сразу разочаровал его:

— Его наши ребята с убитого фашиста сняли. Догадались черти, что я до оружия большой охотник, и преподнесли. А у меня, знаете, в самом деле к оружию какое-то непреодолимое любопытство. Нравно-

душе, словом. Ну и вот, дай, думаю, попробую, как она в деле, эта штука. И ничего, знаете, хорошо работает. Вполне надежная вещь парабеллум.

— Название у нее мудреное, — заметил Силаков.

— Это верно, мудреное, — подтвердил Чапичев. — Si vis pacem, bellum. Вы латынь знаете, товарищ корреспондент? К сожалению, я тоже не знаю, пожалуй, только эту фразу. По-русски она означает: если хочешь мира, готовься к войне. Хорошенький путь к миру, ничего не скажешь. Чисто фашистский, другой им, понятно, не по душе.

— Ишь ты! Неужто и бандиты мира хотят, — удивился Силаков.

— Как бы не так! Держите карман шире, Силаков, они такого мира в него всыпят, что жить вам не захочется. Их война породила, они войной живут, и теперь их только войной можно прикончить.

— Так-то так. — кивнул головой Силаков, — только война не на век.

— Верно. Всякая война когда-нибудь да кончается. И наступает после нее мир. Но какой? Известно, какого мира они хотят, известно. Хотят усесться на шею народам и погонять их как рабочий скот. А мне такой мир не нужен. Мне нужен наш мир, советский, чтобы я жил в нем человеком, а не рабочей скотиной. И я до этого нашего мира дойду. Через десять войн понадобится пройти до него — пройду. И потому — парабеллум. Готовься к войне. Готовься к бою.

Чапичев протянул Силакову ствол пистолета:

— А ну, посмотрите, кажется, порядок?

Силаков оторвал от газеты полоску белой бумаги и, прищурившись, посмотрел на нее через ствол.

— Ничего как будто.

— Что значит — ничего?

— Да так, ничего себе.

— Сначала вы говорите: ничего себе, а потом будете смеяться над политруком, — недовольно пробормотал Чапичев.

— Да кто над вами будет смеяться, товарищ политрук? — возмутился Силаков. — Да я...

— Вы первый. Смеялись же вы над лектором.

— Так он сам виноват.

Чапичев повернулся к Борзунову:

— Тут к нам недавно лектор приезжал. Международник. Докладывал о политико-моральном состоянии фашистской армии. Ничего лекция, толковая, а лектор, к сожалению, с изъяном. Юмора ни столечко у человека. Сам на него неспособен и чужого не понимает. Трудно без этого жить с людьми, но что поделаешь — природа, следовательно, обидела, на нее не пожалуешься.

— Раньше про таких говорили: богом обиженный, мухами обсиженный, — не без ехидства сказал Силаков.

— Вы это бросьте, Силаков, и так человека обсмеяли, хватит с него. Сами посудите, товарищ корреспондент: сидим мы так полукругом в капонири, народ покуривает, кое-кто перешептывается, кое-кто дремлет потихонечку, но в общем слушают лектора. Словом, все чин-чином. Кончил лектор, спрашивает: «Вопросы есть, товарищи?» Молчат. Спрашиваю: «Все ясно?» Кто-то голос подает: «Все ясно, товарищ политрук». Только хотел я скомандовать «разойдись», как подымается этот наш тихоня и скромница товарищ Силаков. «Разрешите вопрос». А я сразу увидел, что тут без подковырки не обойдется. По глазам его увидел. Вы поглядите, какие они у него хитрючие и озорные. Хотел я как-нибудь деликатно намекнуть, чтоб он на время прикусил свой язык, но лектор меня упредил: «Пожалуйста, пожалуйста, охотно отвечу». А Силаков еще жметя, разыгрывает смущение: «Может, вопрос не по существу, товарищ лектор, так извините, но я интересуюсь, для какой цели у вас оружие в таком непопозженном состоянии?». А я забыл вам сказать, что лектор имел при себе карабин. Трофейный, шкодовский. И такой у этого карабина был жалкий, сиротский вид — смотреть на него без слез не-

возможно. Будто нарочно его в грязи измазюкали. Ужас! А ведь оружие не плохое, я пробовал такое — отлично бьет.

— Что же он ответил Силакову? — спросил Борзунов.

— В том-то и дело, что ничего не ответил. Ему бы обернуть все в шутку, посмеяться вместе с народом — и делу конец. А он, наоборот, надулся, губы обиженно выпятил и молчит. Решил я его выручить. Взял я этот разнесчастный лекторский карабин, показал ребятам и говорю: «Прослушали мы лекцию о политико-моральном состоянии фашистских войск, а вы еще спрашиваете, для чего лектор трофейный карабин с собой возит. Разве не ясно — для чего? Чтобы наглядно подтвердить свою лекцию».

— И поверили вам? — спросил корреспондент.

— Как бы не так! У нас тут народ умный, тертый, стреляный, танкисты, одним словом, не воробьи. Их на мякине не проведешь. Врага и его оружие они уже сами неплохо знают, как говорится, по личным встречам. А шутка для них только шутка — не больше того. Посмеялись, но вежливо так, чтобы не очень обидеть залетного гостя. А что нужно, поняли, уверяю вас. И на ус себе намотали, потому что как раз перед этим у нас серьезный разговор был о сбережении оружия и кое-кому была сделана крепкая протирка. Товарищ Силаков может подтвердить.

— Куда уж крепче, — неохотно подтвердил Силаков.

— А лектор понял? — поинтересовался корреспондент.

— Думаю, что понял. Только вида не показал. Как говорят у нас в Крыму: «Лопни, но держи фасон». Есть у некоторых такое ложное представление об авторитете. Но, по-моему, это очень плохо, когда человек смешного не чувствует. Как можно так жить, не представляю. Я б от тоски преждевременно зачах.

— Наверное, все же обиделся лектор, — предположил Борзунов.

— Возможно. Но меня он даже похвалил на прощание. «Вы, товарищ политрук, отлично используете местные факты для пропаганды». Ну, как вам это нравится? Хорош местный факт. Он его с собой привез, а я его используй... Товарищи, ну куда вы девали ветошь? На закуску, что ли? Спасибо, Силаков, этого мне хватит.

Чапичев смазал пистолет, так же уверенно собрал его, обтер ветошь и вставил обойму с патронами.

— Вот теперь полный порядок. Потому что, как сказано в нашей любимой армейской газете, — оружие любит ласку, чистку и смазку.

— А что, разве неправильно сказано? — насторожился корреспондент.

— Нет, почему же, все правильно, — успокоил его Чапичев, — хотя рифма неважнецкая. Да и не следует все рифмовать. Зачем? Мне, например, и так ясно, что оружие должно стрелять, и хочешь не хочешь, а дай ему все, что требуется, — и ласку и смазку. Так при чем же тут рифма?

— Что-то неясно мне, — признался корреспондент. — Вы против рифмы что ли?

— Совсем не против. Когда в этом есть необходимость, я и сам рифмой пользуюсь.

— Ах, вот оно что, — догадался Борзунов, — вы пишете стихи?

— Писал, — уточнил Чапичев. — А сейчас лишь изредка, так разные заготовки на будущее.

— Печатались? — спросил Борзунов.

— До войны печатался. И немало. Больше всего в военных газетах и журналах. Даже сборник выпустил в крымском издательстве.

— Послушайте, товарищ политрук. Вы же для нашей газеты суший клад, находка. Как раз сейчас мы ищем поэта.

— Не там ищите, не по адресу, — сказал Чапичев. Он нахмурился, густые черные брови сошлись на переносице.

Борзунов упрекнул себя в том, что, видимо, задел в душе политрука что-то потаенное, упрятанное подальше от посторонних глаз. Но и

отступать Борзунову тоже не хотелось. И он сказал, осторожно подбирая слова:

— Почему же не по адресу? Вы поэт, а нам поэт вот так нужен. Почему бы вам не перейти в редакцию?

— Вам нужен профессиональный поэт, а я профессиональный военный, — сказал Чапичев. — К сожалению, есть такая профессия и долго еще будет в ней нужда. Долго. А лично для себя я ее сам выбрал. Понимаете — сам.

— Я понимаю вас, — сказал Борзунов, — и все-таки, если у вас есть призвание...

— Извините, но я знаю, что вы скажете, — прервал его Чапичев. — Маяковского собирались цитировать? Вот видите, я угадал. Ну ладно, ладно, не обижайтесь на меня. — Он невесело усмехнулся. — Я ведь не спорю с вами, а так — говорю, что думаю. И я рад, конечно, что сейчас перо приравнивали к штыку, как хотел этого Маяковский. Но и сам Маяковский говорил, если помните, что даже штыком можно пользоваться по-разному, а не то что пером. Одному штык нужен для того, чтобы разить врагов, а другой сукин сын ковыряет штыком у себя в зубах после сытного обеда. А мне, уважаемый товарищ, штык надобен только для одного — убивать фашистов. Физически убивать. И чтобы своими руками. В этом сейчас мое призвание. Вот именно — призвание. По-другому не назовешь. Революцией мобилизованный и призванный. Это тоже Маяковский сказал. И покуда я могу действовать для дела революции, пока целы мои руки, я добровольно на другое не соглашусь. А прикончим войну, можно будет и перевооружиться. Может, смену штыка на перо. Может быть... Загадывать такое сейчас трудно, сами понимаете. Вот так-то, товарищ корреспондент. Давайте лучше чай пить.

Волей-неволей корреспонденту пришлось прекратить этот разговор. Хотя было досадно — Борзунов гордился боевой профессией журналиста... Но спорить с Чапичевым трудно. Сейчас война, и каждый сражается тем оружием, которое ему сподручнее.

Некоторое время молча пили чай, пока Борзунов не вспомнил о том, что привело его в эту землянку. Танк. Подбитый танк. Что такое с ним приключилось?

Корреспондент достал из полевой сумки блокнот и карандаш. Рассказ политрука был немногословен.

...Танкистам было приказано преградить путь наступающему врагу. Политрук Чапичев пошел в этот бой на машине Николая Потапова. Незадолго перед войной Потапова призвали в армию, зачислили в школу младших командиров, где он овладел профессией механика-водителя.

Искусно маневрируя под огнем, Потапов повел машину наперерез врагу. В скоротечной, но жаркой схватке было уничтожено немало гитлеровцев. Но вот два страшной силы удара обрушились на машину. Погиб башенный стрелок, командир танка политрук Чапичев ранен и оглушен. Собрав последние силы, Чапичев выбросился из танка и залег в канаве. Из этого ненадежного укрытия он повел огонь по фашистам, которые уже подбирались к неподвижной машине.

Николай Потапов еще некоторое время оставался в объётом пламенем танке. Попытался сдвинуть его с места — не вышло. Потапов выбросился из машины. Осмотрелся. В нескольких шагах от себя он увидел гитлеровца, который строчил из автомата по политруку. Николай бросился на врага и уничтожил его выстрелом из револьвера. Затем ползком добрался до канавы и залег рядом с Чапичевым. Вдвоем они сумели сдерживать первый натиск восьми гитлеровских автоматчиков. Но что будет дальше? Временами раненный в голову политрук терял сознание, и Потапов решил вынести его из неравного боя. Сам раненный в руку, дотащил его до ближайшего леса. Потапов спас жизнь своего командира, а сам...

— Только бы он выжил, — сказал Чапичев. — Теперь он мне дороже брата.

На рассвете корреспондент уходил из землянки политрука с испитанным блокнотом и с твердым убеждением, что поэту Чапичеву место в редакции. Борзунову удалось уговорить Чапичева прочитать свои стихи. Но когда он попытался записать, — сам Чапичев ничего не записывал и сложенные на фронте строки держал в памяти, — политрук решительно запротестовал:

— Нет, нет, прошу вас, не записывайте. Это еще очень сыро, необработано, это не для печати.

— А когда же для печати дадите? — спросил Борзунов.

— Вот отгоним фашистов от Ленинграда, устроим перекур, передохнем маленько, ну сами знаете, — в баньку сходим, переобуемся перед новым походом, и вот тогда... тогда обязательно поработаю для газеты. И стихи вам пришло, и прозой попробую, — обещал Чапичев, пожимая на прощание руку Борзунову и, перехватив его недоверчивый взгляд, шутливо добавил: — Не бойтесь, не обману, дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток.

Но вышло так, что Чапичеву пришлось участвовать в работе газеты еще задолго до того, как фашистов отгнали от Ленинграда. Борзунов рассказал о своей встрече редактору, тот очень заинтересовался поэтом-танкистом, доложил о нем начальству, и делу, как говорится, был дан законный ход. Чапичев упорно, сколько мог, отбивался, но когда ему вручили приказ, беспрекословно подчинился. Революцией мобилизованный и призванный, он был ее послушным и дисциплинированным солдатом.

Все же в редакцию Чапичев явился недовольный, с угрюмым и даже обиженным выражением на лице — еще бы, ведь его оторвали от единственного, как он был убежден, настоящего дела. И, встретив Борзунова, тут же (человек прямой и бесхитростный, он не умел скрывать свои истинные чувства) сказал ему об этом:

— Удружили называется. Но имейте в виду, я к вам временно. Сбегу при первой возможности. Я своим танкистам так и сказал. Однако работать буду на полную железку. Об этом не беспокойтесь. Иначе я вообще не могу — совесть не поволит. Так что помогите своему крестнику разобраться, что здесь к чему. Я ведь в редакциях никогда не служил.

Борзунов охотно исполнил просьбу Чапичева. Познакомил его с работниками редакции и типографии, показал, как делается газета. Маленький коллектив армейской газеты работал напряженно и четко, в полном смысле этого слова по-фронтовому, и это, конечно, не могло не понравиться Чапичеву. Впервые за этот день на губах его появилась улыбка.

— Боевой экипаж, ничего не скажешь. Теперь покажите мне мое место в расчете.

Чапичеву дали на правку несколько красноармейских писем из последней почты. Об одном он сказал:

— Хвастовства много. Просто неприличное, какое-то мальчишеское бахвальство. К чему оно нам? Если можно, я всю эту трескотню вымарю. Можно?

Через полчаса Чапичев показал Борзунову выправленную заметку.

— Так оно, кажется, лучше будет. Я привел ее в полное соответствие с положением на фронте.

Другое красноармейское письмо Чапичев долго читал и перечитывал и, наконец, сказал с доброй укоризной:

— А этот автор, наоборот, чересчур скромничает. По всему видно, что ребята, о которых он пишет, дрались замечательно. То, что они сделали, несомненно подвиг. А сказано о нем глуховато, застенчиво. Нет, так, я думаю, она не пойдет. О настоящем подвиге надо во весь голос говорить, на весь мир. Разрешите, я в это письмо огонька подброшу? А? Не возражаете?

И он действительно подбросил огонька, да еще какого! Можно сказать, весь жар своей бойцовой души вложил в эту маленькую заметку. И она зазвучала как должно, в ней появились слова мужественные, сильные, те единственно точные слова, которыми только и можно говорить о подвиге и героизме.

Обычно в любом коллективе новичок должен как-то показать себя, прежде чем его примут как своего или отвергнут как чужого. Для этого нужно время, а Чапичев сразу пришелся ко двору, хотя и не предпринял ничего для того, чтобы показать себя здесь, в редакции, с какой-то своей лучшей стороны. Просто он всегда во всем оставался самим собой, и это, пожалуй, было самое привлекательное в нем. У новых товарищей Якова не было нужды долго, изучающе приглядываться к нему, не было необходимости гадать, каков этот человек. Да и зачем гадать, когда нет загадок. Душа нараспашку, говорят о таких людях. Думается, что человеком открытым, с душой нараспашку он был не только по природе своей, в значительной мере таким его сделала многолетняя служба в армии в должности младшего командира, потому что младший командир всегда живет на виду у своих подчиненных, он весь перед ними как на ладони.

Борзунов был вполне доволен своим крестником. Человек всего несколько дней на новой работе, а уже почти не отличишь его от старых газетных волков. Даже не очень щедрый на похвалу секретарь редакции сказал Чапичеву:

— Через недельку мы вас, пожалуй, на выпуск поставим, ответственным дежурным, думаю, что справитесь.

— Через неделю? — переспросил Яков. — Значит, всю неделю мне здесь сидеть?

Нет, он вовсе не намерен засиживаться в редакции, хотя, безусловно, понимает, что ему, как новичку, нужна еще дальнейшая «притирка» к сложному редакционному делу. Дежурство по выпуску это, конечно, немалая честь для молодого журналиста, но...

— Возьмите меня с собой на передовую, — попросил он Борзунова, увидев, что тот собирается в очередной поход за материалом. — Сами знаете — бездействующий штык ржавеет. А на передовой сейчас серьезные дела.

То были очень тяжелые дни. Потерпев поражение в лобовой атаке на Ленинград, фашистские войска стали обходить его с восточной стороны, прорвались к Ладожскому озеру и овладели крепостью Шлиссельбург. С севера Ленинград был блокирован белофиннами. Связь Ленинграда с Большой землей осуществлялась лишь по воздуху, и только позднее, лишь к зиме удалось создать ледовую ладожскую трассу, получившую название «дороги жизни». Но немецко-фашистское командование попыталось лишить ленинградцев и этой возможности. Оно разработало план глубокого обхода Ленинграда с юго-востока, решив нанести мощный удар из района Чудово в направлении Тихвина и Волхова. Гитлеровцы намеревались тем самым соединиться с белофинскими войсками, стоявшими на реке Свирь, и замкнуть восточнее Ладожского озера большое кольцо вокруг Ленинграда.

В середине октября враг перешел в решительное наступление. Пробив брешь в стыке наших 52-ой и 54-ой армии, он устремился в направлении Тихвина.

На фронт непрерывным потоком шли машины, и военным корреспондентам на этот раз не стоило большого труда добраться до передовой. Немного времени понадобилось Чапичеву и для того, чтобы освоиться с корреспондентской работой в войсках.

— Вы только разок покажите, — попросил он, — а дальше я сам.

Борзунов показал. Вскоре Чапичев вручил ему несколько красноармейских заметок, уже обработанных и даже переписанных начисто.

— Добре, — сказал Борзунов.

— Ну раз так, давайте подумаем, как дальше действовать. Мне думается, вдвоем нам тут делать нечего, — сказал Чапичев. — Давайте зайдемся по подразделениям, а через несколько дней встретимся. Ну, допустим, здесь или в другом месте, как вам удобнее.

Борзунов без колебания согласился, уверенный, что новый военный корреспондент Яков Чапичев способен действовать самостоятельно и в опеке больше не нуждается. Договорились о месте и времени встречи, о способах пересылки корреспонденции в редакцию и разошлись. Однако в ус-

ловленное место в назначенное время Чапичев не явился. Борзунов забеспокоился. Конечно, Чапичев человек бывалый, опытный фронтовик, но... война. Мало ли что могло случиться. И Борзунов отправился на поиски товарища.

— Да, ваш корреспондент Чапичев был у нас, — сказали Борзунову. — Повоевал, собрал материалы и отправился дальше.

Оказалось, что, находясь в этой части, Чапичев со взводом лейтенанта Малахова ходил в боевое охранение, участвовал в отражении атаки гитлеровцев.

— Не знаю, правда, как Чапичев о нас написал, в газете еще не было, — сказал Борзунову лейтенант Малахов, — но с фашистами он дрался здорово, боевой у вас корреспондент. Так и доложите своему начальству.

В другом подразделении Яков «пристроился» к пулеметчику Белову и провел с ним в окопе около суток. Фашисты напролом лезли к переднему краю нашей обороны. Подпустив их на близкое расстояние, Белов нажал гашетку станкового пулемета. Второй номер пулеметного расчета был убит. Чапичев подобрал его автомат и поддержал Белова метким огнем. Атака за атакой. Фашисты стремились захватить выгодную позицию пулеметчика, но этого им сделать не удалось. Белов, который был уже несколько раз ранен, и Чапичев пресекли все попытки немцев.

Когда пулеметчика Белова отправляли в медсанбат, он сказал своему командиру:

— Передайте корреспонденту мой привет. Хороший он, верный товарищ. Я ему говорю: «Уходите, товарищ корреспондент, не ваше это дело, сам как-нибудь управлюсь». А он смеется, шутит и лупит фашистов. А когда они особенно сильно нажали, он говорит: «Давай резанем их, Белов, под корень резанем, чтоб духу их на нашей земле не осталось».

На другом участке фронта, в небольшой деревушке, неоднократно переходившей из рук в руки, Чапичев, разыскивая вместе с писарем Осипенко штаб полка, неожиданно натолкнулся на группу фашистских разведчиков, которая попыталась взять их в плен. Корреспондент и писарь действовали настолько смело и решительно, что разогнали всю группу, уложив на месте схватки десять вражеских разведчиков.

Потом, при встрече, Чапичев сказал Борзунову:

— Вот это война! Писарь, понимаете, обыкновенный штабной писарь, а сражался, как бог войны. Вы бы поглядели, как он их колошматил, любо посмотреть, честное слово. Красота! Сила! И они еще думают победить нас. Как бы не так!

Встретившись наконец с Чапичевым, Борзунов для порядка отчитал своего непосредственного коллегу, но, по совести говоря, ему очень понравилось, как ведет себя в деле новый корреспондент газеты «В бой за Родину».

А Чапичев, переполненный впечатлениями, кажется, даже не обратил внимания на дружеский выговор Борзунова.

— Ну, кажется, все в порядке, — сказал он. — Материал, по-моему, первоклассный. Точный, проверенный. И все из первоисточника. Теперь можно в редакцию. Быстренько отпишемся — и назад. Договорились?

После этого они часто выезжали в части переднего края вдвоем, теперь их связывала дружба, а против таких «спаренных» поездок в редакции не возражали. И каждый раз Чапичев с каким-то особым удовольствием окунался в горячую и опасную фронтовую действительность. Везде и всюду он хотел побывать сам, увидеть все своими глазами и непременно принять непосредственное участие в боях.

— Не то я и вовсе воевать разучусь, — говорил он Борзунову. — А я ведь всю свою сознательную жизнь только этому и учился.

В одном из своих писем ко мне полковник Борзунов вспоминает, каким Яков Чапичев был в один из самых тяжелых дней той памятной битвы.

«5 ноября 1941 года, это я помню точно, — пишет Семен Михайлович, — когда шли наиболее ожесточенные бои с вражеской группиров-

кой, прорвавшейся к Тихвину, Яков Чапичев и я вернулись с боевого корреспондентского задания. Редакция наша располагалась еще в Тихвине, но все находилось в готовности номер один. Редакционные дела и архивы погружены на машины. Обстановка была очень напряженной. Каждую минуту могла достигнуть критической точки.

Но, что бы то ни было, газета должна выйти. В спецмашинах — наборной и ротационной — кипит работа. Готовится очередной номер газеты. Вокруг здания школы, в котором разместилась редакция, поочередно патрулируют наши сотрудники. Не исключена возможность, что сюда могут просочиться вражеские разведчики и автоматчики.

Кончился короткий ноябрьский день, и быстро наступила ночь. Погода стояла холодная. Улицы занесены рыхлым снегом. Небо покрыто плотной завесой туч.

Сдав секретарю срочный материал, мы с Яковым в двенадцатом часу заступили на пост. С автоматами в руках, с изрядным запасом гранат, мы ходили вокруг здания школы, пристально всматриваясь в тревожную темноту, вслушиваясь в близкий гул боя. До нас доносились даже пулеметная и ружейная стрельба. По соседней улице шли на Запад наши танки, артиллерия, пехота. Солдат мы не видели, но всем сердцем чувствовали их душевную тревогу. Начиналась битва непосредственно за Тихвин. Трудно было предугадать, чем она закончится для нас. Устоим ли? Надо устоять. Надо. Но если... Что тогда будет с Ленинградом?

Где-то совсем близко разорвалась бомба. Зазвенели и со звоном посыпались на землю чудом еще уцелевшие стекла в соседнем доме.

— Какой-то мудрец писал, что от войны больше всего страдают окна и дети, — сказал Чапичев. — Ближе к правде, хотя слишком красиво сказано. Война и для испытанного бойца тяжелое, страшно тяжелое дело. А дети и старики! И не говорите. Им в тысячу раз тяжелее. У меня вот в Крыму старики остались. Не знаю еще точно, но, видимо, остались там. Нет, не думаю, не надеюсь, что выбрались. Куда им! Очень они уж старые и больные. И оба, понимаете, неграмотные. Совсем беззащитные. Они и в мирное время слово за себя сказать не могли. А тем более в оккупации. Да и о чем им разговаривать с фашистами? С этими гадами сейчас один разговор. Убивать их надо. Только убивать.

О многом мы говорили с Яковым в ту ночь. Вернее, говорил Яков. Я больше молчал и слушал. Яков был старше меня, у него было о чем рассказать. Он вспомнил свое детство и юность, многих товарищей своих и даже рассказал какую-то забавную историю, не помню уж какую, но помню, что она очень меня рассмешила, хотя, как говорится, на душе кошки скребли.

Когда нас сменили, мы вернулись в помещение школы, но уснуть уже не могли. Слишком были напряжены нервы.

— Поработаем, — предложил Яков. Не раздеваясь — в комнате было холодно, — Яков пристроился у подоконника, а я у стола, на котором, подложив кулак под голову, спал один из наших уставших товарищей.

К утру я написал корреспонденцию о подвиге танкистов, у которых был накануне, а Яков несколько небольших заметок и стихотворение об отважном командире батареи Г. Можарове. «Батарея героя» — так называлось это стихотворение. Оно потом было напечатано в нашей газете.

Становился ветер злее,
Вьюга надвигалась.
От фашистов батарея
Храбро отбивалась.
Бьют враги из автоматов,
Смертью угрожая.
С трех сторон «арийцы»-гады
Пушку окружают.
Против горсточки расчета
Наступает рота,
Злобно строчат пулеметы

Вражеской пехоты.
Командир — герой Можаров
Снайперски стреляет.
И могучие удары
Немцев отрезвляют.
Хоть несут враги потери,
Кровью обливаясь,
Воят дурни, словно звери:
«Русские, сдавайтесь!».
Комсомольцы-патриоты
Клятву не нарушат.

Добивают волчью роту,
Бьют в упор из пушки.
Где ж герои силы брали
В схватке той неравной,
С чем же банду побеждали

По-геройски славно?
Эта сила и отвага —
В боевом походе,
В славной воинской присяге
В партии, в народе.

Не знаю, как оно вам покажется, это стихотворение. Я понимаю, что оно далеко не совершенно. Да это и не из лучшего, что написал Чапичев. Но учтите то, что тогда у него не было ни силы, ни возможности работать над своими произведениями. Я уверен, что доживи Яков до мирных дней, он обо всем этом написал бы намного сильнее, ярче. Я верю, что он мог бы стать отличным поэтом. Да вот не дожил. Не довелось. Горько и больно думать об этом.

И все же он сказал в этой простой и искренней песне то, что хотел сказать, — о силе, которая вела наших бойцов на беспримерные подвиги. В нем самом была эта сила. Революцией мобилизованный и призванный, он был верен ей до последней минуты своей жизни. Таким он и живет в моей памяти, мой добрый, мой веселый и смелый однополчанин — коммунист, воин, поэт политрук Яков Чапичев».

Симон ЧИКОВАНИ

СТИХИ НАЧАТЬ...

Перевод с грузинского А. Тарковского

Стихи начать — как жизнь построить снова,
И не могу я разгадать черед
Живых приливов и отливов слова,
Хоть душу мне зародыш песни жжет.

Что стоит стих, с которым из гортани
Душа не хлынет? На его призыв
Не отзовется горных вод журчанье,
Цветок не вздрогнет, венчик приоткрыв.

Скажи мне, песня, что твоя основа?
Отрада ближних, боль от ран моих,
Дождь — воспитатель хлеба золотого,
Или туман в морщинах гор седых?

Рябь на воде? Плоты на синей глади?
Дыханье сена, сметанного в стог?
Иль у моей единственной во взгляде
За огоньком бегущий огонек?

Начать стихи не легче, чем сомненья
Стереть сплошную ржавчину с души,
В кустах найти кольцо, в одно мгновенье
Звезду избрать (все в небе хороши).

Нет во вселенной силы, непреклонней
Мечты, возвращенной сердца глубиной.
Стих — это ладан тлеет на ладони,
Стих — это юность спорит с сединой.

Иосиф НОНЕШВИЛИ

ДОРОГУ МАЮ!

Перевод с грузинского В. Панова

Гремит набатом с небосвода
веселый гром, весенний гром!
И пробуждается природа
в раскатах первых майских гроз.

Приходит май в ветвях сирени
и в снежной вьюге миндаля,
встает в кипении весеннем
навстречу Маю вся земля.

Отчизна в утреннем сиянье,
в гирляндах праздничных огней.
Весна свершений и дерзаний
проходит гордо по стране.

Май, как хозяин, — все он знает,
все подчиняется ему.
Дорогу Маю! — это значит
дорогу новому всему!

Дорогу новым космонавтам
в полет на дальнюю звезду!
Дорогу солнечному завтра,
дорогу миру и труду!

Шагает Май по всей планете,
повсюду сломлена зима.
И льется песней на рассвете
преображенная земля.

Александр МЕЖИРОВ

ВОСПОМИНАНЬЕ

В отрезке от шести и до восьми
На этажах будильники звонили;
В подъездах люди хлопали дверьми,
На службу шли. А мертвый спал в могиле.

Мне вспоминалась песенка о том,
Как человек живет на белом свете,
Как он с мороза входит в теплый дом,
А я лежу в пристрелянном кювете.

Воспоминанье двигалось, вился
Во тьме кремешной и при свете белом,
Между Войной и Миром — грубо, в целом —
Духовную налаживая связь.

Отар ЧИЛАДЗЕ

ГРОМКО ДОЖДЬ СТУЧАЛ

Перевод с грузинского Ю. Морис

Мне надоело думать. Я читал.
В окне качались мокрые деревья.
Читал — и все. И громко дождь стучал.
Отяжелели мокрые деревья.

И облако качалось, как звезда.
Качался дождь и дерево качалось.
Кричали на дорогах поезда —
У них по-человечьи получалось.

И померещилось, что кто-то, близкий мне,
Маячил на перроне, ростом низок.
И я не мог окликнуть в тишине
Того, кто был мне так предельно близок.

Ведь я не знал ни имени его,
Ни цвета глаз. Я ощутил впервые,
Что мысли у меня и у него
Похожи, словно капли дождевые.

Он был отяжелелый от дождя.
К его плащу от ветра листья жались.
Огромные составы, проходя,
В туманных лужах сверху отражались.

И облако, и дерево качал
Холодный ветер, над землей летящий.
Качался дождь, качался мост блестящий.
Не мог я больше думать.
Я читал.

Арчил СУЛАКАУРИ

Если искушают тебя...

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Г. Миндадзе

1

С Тянь-Шаня Цотнэ вернулся раньше времени. Неотложные дела звали его в Тбилиси, и он решил выйти в несколько дней, оставив альпинистскую группу.

Мать встретила его страшной вестью: на Ушбе погиб Джаба.

Несколько мгновений Цотнэ стоял как вкопанный, уже не слыша слов матери. Потом хотел сказать что-то, но не смог: звенящая пустота окружала его. Говорить было нечего.

— Ты не представляешь, — слово издали доносилось до него голос матери, — что я пережила. Вдруг мне показалось, что и ты погиб на своем Тянь-Шане. Я — в клуб альпинистов... Там уже вся родня, все друзья ушедших в горы. Беспокоятся, волнуются о своих! Когда узнали, что погиб бедный Джаба, все плакали...

— Когда это случилось?

— Уже дней двадцать, как похоронили.

— Как это было?

— Непонятно. Говорят, сорвался со скалы.

— Чуть какая-то! Такой альпинист, как Джаба!

— Я и говорю, ужасный случай.

— Бедняга.

Цотнэ принялся ходить по комнате. «Бедняга, — повторял он про себя, — бедняга». Он испытывал острую жалость. Сколько раз ходили они вместе, в ветер и в стужу. Ночевали, прикованные к ледяной стене. Цотнэ вспомнил, как Джаба тащил его на Памире. На себе тащил. Если бы не Джаба, распрощался бы Цотнэ с жизнью. А теперь он не может придумать ничего лучшего, как «бедняга»!

Джаба был первым близким из тех, что умирали вокруг. До сих пор всё умирали чужие, малознакомые люди: дальние родственники или знакомые друзья. Те, с которыми мимолетно встречался на улице или в университете. «Ах, как же, помню... Бедняга»... — говорил Цотнэ, и это было все.

Правда, иногда вдруг выплывало в сознании, как он учился в первом или во втором классе. Вспоминалось смутно, словно увиденное во сне... Учеников построили парами и повели

к дому, где у входа толпился народ. Какие-то люди плакали. Детям всучили тяжелые венки, по одному на двоих. Первая пара несла увеличенную, вставленную в рамку фотографию. На ней был их одноклассник. Процессия медленно двинулась. Шли так долго, что стало скучно, тогда начали кидать друг в дружку цветы, выдергивая их из венков. Учительница остановила детей, выбрала. Усталые, обессиленные, они шли бесконечно долго. Пудовые венки падали из рук. Казалось, никогда не кончится это шествие...

А потом все пошло по-прежнему. Не показывался лишь тот их одноклассник. Им все казалось, что он придет в школу, но он не шел. Потом о нем забыли и уже не думали, придет он или нет.

— Почему не телеграфировали? — после долгого молчания спросил Цотнэ.

— Решили не сообщать... В клубе так решили.

— Глупости! Я должен был быть здесь.

— Да, конечно, ты должен был быть здесь.

— Я мог приехать. Я бы вернулся один, никого не дожидаясь.

Цотнэ пошарил в карманах, достал сигарету, чиркнул спичкой, глубоко затянулся.

— Но ведь он не собирался в этом году в горы! Ты же помнишь, как я звал его на Тянь-Шань.

— Не собирался. Очень хорошо помню, не собирался.

— Что ж он вдруг? — спросил Цотнэ и про себя подумал: я должен был настоять, непременно должен был настоять! Вдвоем всегда лучше.

— Мне кажется, — неохотно проговорила мать, — все это из-за истории с Софию.

— Софию? С ней-то что приключилось?

— Ничего особенного, замуж выходит. За Куджи.

— За Куджи?

— Да, за Куджи. Если бы не смерть Джаба, они бы давно уже поженились.

— А как же Датуна? — спросил Цотнэ.

— Датуна?

— Да, Датуна!

— Не знаю, сынок... У вас ведь ничего не разберешь...

Цотнэ и сам не мог разобратся. Ошеломленный, он опустил глаза на мать. Казалось, ему легче было поверить в смерть Джаба, чем в эту историю с Софию.

— Перед тем, как идти на Ушбу, он зашел к нам, — продолжала мать, — просидел в этом вот кресле целый час, все молчал. Джаба, говорю, давай поужинаем. Отказался. Потом говорит: «Тетя Нино, слышали, что отколола моя сестрица? Знать не знал и представить не мог, что может произойти подобное. Датуна не могу в глаза смотреть!» Я говорю: не то, мол, теперь бывает, но он не стал слушать, ушел. Так и ушел, не попрощавшись...

Цотнэ вскочил, в дверях крикнул:

— Я к Датуне, мама.

— Датуна уехал, сынок.

— Куда?

— Гиги сказал, где-то в Кахетии работает на дорожном строительстве.

— Гиги в городе?

— Да, он здесь.

— Так я пойду к Гиги. Не застаю, отправлюсь прямо к Куджи.

— К Куджи не надо, сынок... Мальчики не ходят к нему. Лучше побрейся, на кого ты похож...

Посреди передней валялся брошенный Цотнэ рюкзак. Он перешагнул через него и вышел.

2

Цотнэ торопливо вышагивал по улице, ведущей вверх, в Сололаки. «Застать бы Гиги, — думал он. — Не пойду же я в самом деле к Куджи. Застать бы Гиги...»

Но Гиги не оказалось дома. Вообще в квартире не было ни души. Куда же понесло его днем, в воскресенье?

Озадаченный Цотнэ повернул обратно. На углу, увидев папиросный лоток, купил сигареты и спички.

Потом долго раздумывал, идти ему к Куджи или не идти.

На противоположной стороне улицы из окна второго этажа на него глядели две девушки. Лукаво улыбаясь, они делали вид, что заняты своим делом и вовсе не замечают Цотнэ.

Цотнэ повернул обратно. Девушки засмеялись ему вслед. Не оставившись, Цотнэ обернулся. Де-

вушки стояли у окна и смеялись. Одна из них трогала свой подбородок. Цотнэ провел рукой по лицу.

«Надо было побриться. Оброс, как леший, люди смеются!» Он стоял, задумчиво глядя на девушек, которые отскочили от окна и исчезли.

Цотнэ вспомнил, что Джаба кого-то любил. Об этом говорили все друзья, но никто ничего толком не знал. Был слух, что любит он замужнюю женщину, да еще с ребенком, по другой версии, замужнюю, но ребенка как будто бы нет.

Этого не знал и Цотнэ. Конечно, если бы он постарался, то знал бы. «Не мое это дело», — думал он тогда...

Странный человек был Джаба. Все помнят случаи с красными гвоздиками. Мать послала Джаба за хлебом, денег не было, пришлось занять у соседки. На полдороге в булочную Джаба увидел красные гвоздики и купил их. А домой вернулся без хлеба. Гвоздики преподнес девушке или женщине, в общем, преподнес той. Откуда это стало известно, Цотнэ не мог припомнить. Помнил только, что много смеялись над Джаба.

А сейчас ему почему-то захотелось увидеть эту женщину. Цотнэ знал Джаба в семье, с друзьями, но никак не мог представить, каким он был там, с той женщиной, и какой жизнью была та жизнь. Любила ли его она или из вежливости принимала красные гвоздики? Он не знал этого и теперь с сожалением думал, что все так и остаются неизвестными до конца.

Никогда еще не испытывал Цотнэ подобного чувства и не знал, как называть его. Вернее всего это была просто боль. Ему было больно от того, что у человека, которого он всегда считал другом, оказалась другая жизнь, и с этой жизнью у него, у Цотнэ, не было ничего общего.

Узкими улочками Цотнэ возвращался домой, уже не желая ни с кем встречаться. Вещельно вглядывался он в низкие, прижатые друг к другу дома, окна которых выходили прямо на тротуар, так что прохожий мог свободно рассмотреть все комнаты.

Цотнэ шел и думал, как он ошибался, когда считал, что дружба должна быть ограничена кругом простых истин: я знаю тебя, ты знаешь меня, наши отношения и есть

дружба. Что там, за пределами наших отношений, мне безразлично. Что нас не касается, то нас не беспокоит, не так ли?

Но были ли мы правы друг перед другом?

Цотнэ впервые задал себе этот вопрос и не смог найти на него ответа. «Что нас не касалось, то нас и не беспокоило», — повторял он в мыслях и вспоминал один-единственный случай, когда они — он и его друзья — вмешались в чужое дело.

Это было как раз в день его отъезда на Тянь-Шань. Ребята сговорились, что никто не пойдет к Софику на день рождения, так как Софику накануне без всякой причины поссорилась с Датунной. И сказала при этом: не утруждай, мол, себя хождением ко мне, мириться с тобой не буду.

Ребята решили наказать Софику.

3

До самолета оставалось часа три. Ребята собрались у Цотнэ, чтобы поговорить и проводить его на аэродром.

Июльская жара была нестерпимой. Цотнэ оторыл настежь окна и двери, но и это не помогало. Ребята сняли сорочки и, голые по поясу, сидели кто на тахте, кто на стульях. Разморенных зноем, их не стесняло даже присутствие тети Нино, помогавшей Цотнэ упаковывать вещи.

— Так что же делать с Софику? — спросил привалившийся к письменному столу Гиги. Среднего роста, широкоплечий и полнолицый, с сединой, рано тронувшей его растрепанные каштановые волосы, он всегда имел такой вид, словно его только что разбудили.

— А что надо делать? — вопросом на вопрос ответил Куджи. Он лежал навзничь на тахте, закрыв глаза. — Все это чепуха!

Гиги привстал.

— Ты так считаешь?

— Да, я так считаю, — сказал Куджи.

— А я считаю, что мы должны как следует проучить Софику. Никто из нас не пойдет к ней на день рождения.

В передней Цотнэ, стоя на одном колене, утрамбовывал рюкзак. В открытую дверь он видел друзей и с

удивлением прислушивался к их перебранке.

— Может, вы думаете, что это у меня с Софико первая ссора? — Датуна спрыгнул с подоконника и, переваливаясь, пошел к открытой двери. — Мы с ней снова помиримся, а вы пожалуйте.

— Ничего, мы с тебя взыщем потерянное угощение. — сказал Куджи, не открывая глаз.

— Я, например, не пойду. — Акакий уставился рыжими глазами на Гиги и улыбнулся. Такая у него была манера — ни с того ни с сего улыбаться.

Датуна вошел в ванную, отпустил воду и подставил затылок под струю.

Затянув туго набитый рюкзак, Цотнэ вернулся в комнату. Он был удивлен упрямством Гиги.

— По-моему, это все чепуха. Вы все должны пойти. И вы, и Датуна. Пусть пойдет и помирится. В конце концов парень всегда должен уступить...

— Из нас никто не пойдет, — твердо сказал Гиги.

В комнату кто-то вошел. Ребята подумали, что вернулся Датуна, и даже не посмотрели на дверь.

— Здравствуйте, — сказал вошедший.

Одновременно повернулись все голы. Куджи открыл глаза и сел. Перед ними был Джаба — небольшой, мускулистый, лицо сухощавое, волевое.

— А где Датуна? — спросил он.

— Я здесь, — отозвался Датуна из ванной, высунул мокрую голову и оскалил белые зубы. — Где полотенце? — спросил он у Цотнэ.

— Там же! Протри глаза...

— Что делаете сегодня? — спросил Джаба.

— Сегодня? Провожаем Цотнэ, — ответил Куджи.

— Это я знаю. Я тоже провожаю Цотнэ, — сказал Джаба. И, немного помедлив, добавил: — Датуна приведите к нам.

— Я не приду, Джаба.

Джаба повернулся к открытой двери. Стоя на пороге, Датуна растирал полотенцем мокрые плечи и лицо. Джаба посмотрел на друзей — они отвели глаза.

— Ты не обращай внимания на эту дуру, — сказал Джаба, — ты ко мне приходи. Там, между прочим, живу и я, — добавил он вяло.

— Я уже сказал тебе, — ответил Датуна.

— Когда ты летишь? — спросил Джаба, повернувшись к Цотнэ.

— В восемнадцать двадцать.

— Ладно, я еще увижу тебя на аэродроме.

— Погоди... — начал Цотнэ, но Джаба прервал его.

— Некогда, дела... — и пошел к двери.

Цотнэ вышел с ним на лестницу и еще раз предложил: останься! Но Джаба рукой показал — не могу! — и сбежал вниз по ступеням.

Цотнэ стоял растерянный. Он не мог понять, почему ребята так холодно встретили Джаба. Почему Гиги так упрямо настаивал на том, чтобы не идти к Софико? Ерунда какая-то! Почему Джаба должен отвечать за капризы своей сестры? И вообще, что за идея наказывать девушку! Влюбленные дурачатся, а нам-то какое дело!

Все-таки Гиги добился своего. Ребята решили к Софико не идти, а встретиться прямо в аэропорту. Датуна молчал, держался как бы в стороне, но Цотнэ заметил, что он доволен поддержкой ребят.

Джаба пришел в аэропорт словно пристыженный. Ребята уже сидели в ресторане. Упрашивали Джаба сесть за стол, но тот отказался — обнял Цотнэ, поцеловался с ним и тотчас же вышел из ресторана. Цотнэ и Гиги высочили за ним.

— Ты чего обиделся? — сказал ему Гиги. — Завтра я забегу к тебе и объясню в чем дело.

— Я не обижаюсь, — ответил Джаба, — почему я должен обижаться?

Конечно, это были одни слова. Джаба не только волновался, он, казалось, даже чувствовал себя виноватым перед Датуной.

Цотнэ улетел, так и не узнав, чем закончился тот вечер. Выполнили ли ребята свое обещание? Один из них, вероятно, нарушил его, и это был наверняка Куджи! Черт возьми, а может быть Гиги догадывался о намерении Куджи и именно потому был так тверд и настойчив?

Цотнэ решил идти к Куджи.

4

Дверь отворил Куджи. Увидев Цотнэ, удивленно воскликнул:

— Цотнэ, когда ты приехал?

Շոտնэ так вошел в комнату, как будто Куджи и не стоял на пороге. Куджи отступил и покорно последовал за Шотнэ.

В комнате Шотнэ увидел Акакия. Засунув руки в карманы, он стоял около окна и смотрел на улицу. Улыбав шагив, обернулся, спокойно направился к Шотнэ, протягивая руку и моргая рыжими ресницами.

Шотнэ немного растерялся. Он рассчитывал застать Куджи одного. От матери он знал, что из друзей к Куджи никто не ходит, и теперь удивился, увидев Акакия. «Может быть, и лучше, — подумал он. — Может быть, и Акакий потому же пришел, что и я».

На круглом столе лежала раскрытая шахматная доска. Шотнэ сел и облокотился на доску. Он так уставился на нее, словно собирался продолжать партию.

В молчанье шло время.

— Ты, конечно, знаешь? — печально спросил Куджи.

Шотнэ не ответил. Он по-прежнему смотрел на доску. «Если белые выигрывают, — подумал он, — тогда в моем приходе сюда есть смысл...»

— Бедняга... Кто бы мог подумать...

Шотнэ поморщился. Куджи сказал те же слова, что и он, когда узнал о гибели Джаба.

— А помнишь, Шотнэ, как вы вернулись с Памира? — сказал Куджи.

Почему молчит Акакий? Оба вырядились, словно идут на бал. Кто бы мог подумать, что так все обернется...

По правилам выигрывают белые.

Интересно, кто из них играл белыми? Впрочем, совсем не важно, кто именно. Белые выигрывают.

Шотнэ поднял голову и взглянул на друзей. Куджи прислонился к старинной кафельной печи. Черные вьющиеся волосы были смочены водой. Акакий по-прежнему стоял у окна, засунув руки в карманы, теперь уже спиной к улице.

— Куджи, — начал Шотнэ, — помнишь, мы условились, сначала у меня дома, потом на аэродроме, — никому не ходить к Софику...

Шотнэ подождал и не получил ответа.

— Был ты или нет в тот вечер у Софику? — спросил он напрямик.

— Не все ли равно, — сказал Куджи. — Теперь это не имеет значения!

— Так был или нет?!

— Подожди, объясню.

— Не нужно мне никаких объяснений.

— Шотнэ, я так рад твоему приходу, думал, поймешь...

— Был или нет?

— Дай мне...

— Был?

— Ты не знаешь в чем дело...

— Не был?

Куджи ничего не ответил. Отошел от кафельной печи и сел в единственное кресло, которое стояло около низкого четырехугольного журнального столика. Это кресло Куджи очень любил и редко кому уступал. Когда ребята собирались у него в комнате, Куджи всегда сидел в этом кресле.

— Не хочешь отвечать! — сказал Шотнэ и повернулся к Акакию. — А ты... ты был?

— Я? Я не был, — мгновенно ответил Акакий.

— Куджи, а ты?

— Пойми меня, Шотнэ...

— Почему ты не ответишь прямо?

— В тот вечер я не был у Софику.

К дому подходил, но наверх не поднимался. Хотя с Софику встретился.

— В тот вечер встретился?

— Об этом вечере я и толкую!

— А дальше?

— Лучше все сначала. Только ты должен понять меня, Шотнэ. Я думаю, ты поймешь меня...

И Куджи начал рассказывать.

5

В тот день Джаба, убитый, ушел от тебя. И от тебя и с аэродрома. Мне стало жаль парня. Вернувшись с аэродрома, я только и думал о Джаба.

Если помнишь, день был нестерпимо жаркий, но мне не сиделось дома. На улице я встретил знакомых ребят, не помню уже кого, помню только, что мы долго стояли у вод Лагидзе и разговаривали. Выпили по стакану холодной воды и снова стали под платаны. Но и тут я не находил себе покоя. Тогда я решил идти к Джаба.

Около дома Джаба я неожиданно наскочил на Гиги.

— Ты же пошел домой? — спросил меня Гиги.

— Мне кажется, мы все пошли по домам, — ответил я.

1937

— Ты к Софику?

— А ты?

— Разумеется! Не погибать же мне из-за Датуны?

Я удивился. Ведь сам Гиги вынул нас не идти к Софику, а теперь побежал первым.

— Я к Джаба иду, — сказал я.

— И Джаба там будет, и Софику. Разве они не брат и сестра?!

— Давай вызовем его, — сказал я.

— Если хочешь, я поднимусь. Возьмем Джаба и пойдем куда-нибудь выпьем.

— Зачем же ходить, когда у них есть и что выпить, и чем закусить?!

— Да, но слово есть слово.

— Давай поднимемся!

— Нельзя, — сказал я.

— Я знаю, что тебя беспокоит! — закричал Гиги, выругался и умчался без оглядки. Я долго стоял, не понимая, чего он взбесился.

Все же я вошел в подъезд, но не стал подниматься, Гиги, думаю, еще решит, что я нарушаю запрет. Вышел из подъезда и стал искать Гиги. Но его нигде не было.

В это время в дверях подъезда оказалась Софику. Увидела меня, обрадовалась.

— Я не могу больше, Куджи, — сказала мне Софику, — не могу больше находиться дома!

— Что случилось?

— Джаба все отравил. Какое ему дело до меня и Датуны? Жены с мужьями расходятся, а если мы расстанемся, ровным счетом ничего не изменится!..

Она была очень сердита. Видимо, Джаба перестарался. Я стал ее успокаивать, взял под руку и повел по улице.

Целый квартал мы прошли молча, потом я предложил проводить ее обратно домой.

— Ты ведь ко мне шел? — спросила она.

Я кивнул. Да и что мог я сказать?

— Лучше пойдем куда-нибудь.

— Например?

— Куда хочешь.

Я не знал, куда мне ее вести. Было уже часов десять. О кино и театре нечего было и думать. И снова Софику подсказала мне:

— Если хочешь, поднимемся наверх.

— «Наверх», как ты догадываешься, означало подняться на фунику-

лер. Я не смог отказаться, мы поднялись наверх, зашли в ресторан.

— Что заказать? — спросил я.

— Есть не хочу.

Я заказал «Греми» и конфет.

— Отсюда хорошо смотреть на город, — сказала Софику, — но днем лучше... Сейчас ничего не видно, кроме мерцания лампочек.

Я молча смотрел на нее и все ждал, когда же она заговорит о Датуне. Она не обронила ни слова.

Наконец я не вытерпел и робко спросил:

— Софику, почему вы поссорились?

— Я не ссорилась, Куджи. Я только сказала: не приходи ко мне больше... Вы думаете, только у вас есть право, когда вам заблагорассудится, отказаться от девушки и сказать ей об этом? Что же делать, если человек не нравится больше, если я его разлюбила?!

— Но ведь вы же нравились друг другу, любили.

— Не знаю.

Я хотел сказать еще что-то, но она опередила:

— Не будем говорить об этом.

— Он обидел тебя?

— Нет.

— Так что же произошло?

— Налей, пожалуйста.

Мы выпили немного. Но и этого оказалось достаточным, чтобы болтать о разных глупостях. Я развлекал Софику анекдотами. И свежими и с бородой. Она много смеялась. И я тоже радовался, что к ней вернулось хорошее настроение.

— Так хорошо мне давно не было, — шепотом сказала она мне.

Я тоже был доволен.

— Спасибо тебе, Куджи. Теперь идем... Поздно уже.

Мы спустились по лестнице и вышли в вестибюль.

— Спустимся трамваем или возьмем машину? — спросил я.

Софику ответила:

— Пешком.

Мы пошли тропинкой по склону Мтацминды. Шли, взявшись за руки, боялись оступиться в темноте.

— Ты хороший парень, Куджи, — шептала Софику. — Очень хороший.

Не знаю, как случилось: я вдруг почувствовал, что она совсем близко, и потерял рассудок...

Цотнэ слушал, не прерывая, и, когда Куджи замолчал, некоторое время ждал, не скажет ли тот еще чего-нибудь. Но Куджи молчал, и Цотнэ спросил не подумав:

— А потом?

Вопрос был явно неуместным.

— Ты спросил, был ли я в тот вечер у Софики, — я ответил. Кажется, я сказал больше, чем ты хотел. Из-за нее я уже хлебнул как следует. Знаю, и ты уйдешь. Ну что же, ничего не поделаешь. Я люблю ее.

Цотнэ думал, что он хорошо знает Куджи. Куджи всегда был тихим и робким. Хотя, впрочем, трудно это утверждать. Во всяком случае, Цотнэ никогда не поверил бы, что Куджи хватит на такие признания. Раньше ему в этом парне не нравилось что-то, чему, впрочем, он не придавал большого значения. Да он и не мог бы ответить, что есть это «что-то». Теперь Цотнэ был обескуражен искренностью Куджи и недоволен тем, что вынудил Куджи быть откровенным. Теперь Куджи так же нравился ему, как не нравился раньше.

— А что же сказал тебе Датуна, когда узнал вашу историю?

— Это знаем мы с Датунной, — отрезал Куджи.

Цотнэ видел, что Куджи с превеликим удовольствием выпроводил бы его, прояви Цотнэ хоть малейшее желание уйти. Казалось, Куджи сказал все, что хотел, и Цотнэ был ему уже не нужен.

— Любишь ты или нет, это твое дело. Все равно ты подло поступил с Датунной... Ты не должен был брать это на себя!

— Чего не должен был брать, чего?!

— Того, что взял! Если отбросить все остальное, достаточно и того, что Джаба ушел на Ушбу! В этом году он не хотел идти в горы.

— Никто не знает, чего он хотел!

— Я знаю. Я всю весну просил его, и все же он не поехал со мной на Тянь-Шань.

— Может, ты еще обвинишь меня в гибели Джаба?

— Я никого не обвиняю. Я только сказал, что Джаба не собирався в горы.

— На Тянь-Шань не собирався, а на Ушбу пошел.

— Об этом я и говорю. А зачем пошел?

— Зачем вообще ходят альпинисты? А кто его подбил с самого начала! Ты сделал из него альпиниста! Быть альпинистом не шуточки!

— Кто мог сравниться с Джаба? Он был лучше всех, он всех превосходил в выносливости и мастерстве...

— Этого я не знаю, кто из вас кого превосходит...

Цотнэ встал со стула. Бросил в пепельницу потухшую сигарету, вынул из кармана носовой платок и вытер пот со лба. «Какой я дурак, — подумал он, — какую-то чушь горожу! И поделом. Всегда надо знать, чего хочешь, прежде чем начинать». Он опять стал смотреть на шахматы. «Белые выигрывают», — решил он и отвел взгляд от доски.

— Не буду тебя задерживать.

— Как угодно.

Цотнэ повернулся к Акакию, молчание которого подразумевало, как казалось Цотнэ, сочувствие, повернулся и понял, что ошибся. Не то, чтобы Акакий подал какой-то знак, нет, просто Цотнэ почувствовал, что он с ним не пойдет.

Не простившись, Цотнэ пошел к выходу. Когда он, закрывая за собой дверь, оглянулся, ему показалось, что Акакий улыбается, как это он умел, ни к селу ни к городу.

«Черт меня дернул прийти сюда! Надавали по щекам и выпроводили. Впрочем, разве я мог рассчитывать на что-нибудь другое? Я тоже шел с враждой. Важно не это. Важно, что все обстоит не так, как мне казалось...»

7

Цотнэ стоял в нерешительности, не зная, куда ему двинуться. Он почувствовал, что смертельно устал. С удовольствием сел бы прямо здесь, на тротуаре, под акацией. Но и без того он обращал на себя внимание прохожих своей бородой и походной одеждой.

Сентябрьское солнце спускалось за крыши. Белые облака неподвижно висели высоко над городом.

Удивительное слово «люблю»... Скажет тебе человек это слово, и ты простишь ему то, что еще минуту назад, казалось, невозможно простить. Большие права дарует челове-

ку это слово. Иногда даже право распоряжаться и жизнью и смертью.

Прислонившись к стволу дерева. Цотнэ смотрел на узкую, длинную, затененную акациями улицу. Недавно прошла поливочная машина, и на мокром асфальте слабо отражались дома, деревья, машины, люди... Все отражалось перевернутым и призрачным на этой узкой, затененной акациями улице...

Перед парадным остановилось такси. Цотнэ заметил в машине Софику: она открыла сумочку и протянула деньги шоферу. Цотнэ повернулся спиной. В парадном мелькнуло и исчезло черное траурное платье.

Машина отъезжала.

— Такси! — крикнул Цотнэ, пробежал несколько шагов и сел в машину.

В машине стоял нежный и знакомый запах духов.

— Вдовушка что надо! — шофер повернулся к Цотнэ и подмигнул с видом знатока.

— Почему знаешь, что вдова? Траур носят не только вдовы.

— Вдовушка, знаю, что вдовушка! Красивая.

«Как глупо все получилось, — думал Цотнэ. — Я стал избегать Софику! Три месяца назад этого нельзя было даже представить! А сейчас спрятался, испугался. Чего?..»

Цотнэ задымил сигаретой, чтобы рассеять стойкий запах духов.

— На той неделе тоже возил ее. Все сюда ездит, — не унимался шофер, — молодая, красивая, вот и ездит...

Цотнэ чувствовал, что с сегодняшнего дня жизнь его потечет по-другому. Все привычное, а ныне уже ненадежное, заменится новым. Те люди, которым он отдал часть своих мыслей и чувств, часть самого себя, уйдут. Он хотел знать, какой будет его жизнь без них. Хотел, но это трудно было представить, так как они все еще существовали в его мыслях, в его жизни и, наверное, долго еще просуществуют...

Машина проезжала мимо дома Гиги.

— Остановите здесь, пожалуйста, — попросил он шофера.

8

Гиги встретил друга так, как будто с самого утра ждал его.

Цотнэ огляделся. Все было по-пре-

жнему. В кухне была оборудована студия. Гиги и ночевал здесь. Цотнэ те, покрытой старым ковром. Мольберт и несколько стульев стояли у стен. На подоконнике и дощатых полках валялись краски и кисти всех калибров. В углу, сваленная в кучу, громоздилась глиняная посуда и медные кувшины для воды.

Мольберт был пуст. Оконченные картины стояли, прислоненные одна к другой, лицом к стене.

Привычно прищурился один глаз, Гиги с улыбкой пристально смотрел на друга.

— Бороду отпускаешь?

— Просто не успел побриться.

— Никогда не думал, что у тебя может быть такая рыжая борода... Когда приехал?

— Сегодня.

— Я ждал тебя в среду. Мать сказала, что ты приезжаешь в среду.

— Я рвался сюда.

— Узнал о Джаба? Жуткая вышла история...

— Ты-то почему не сообщил?

— Так решили в клубе. Не сообщать.

— Глупо.

— И я говорю, что глупо.

— Он был очень изуродован?

— Гроб не открывали.

— Когда ты его видел последний раз?

— За неделю до отъезда...

— Не провожал?

— Нет. И не знал даже. Он говорил, что идет на Ушбу, — и все. Когда — не сказал.

— Все же, что он тебе говорил?

— Ничего такого. Он был не в настроении!

— Помнишь, тогда на аэродроме ты обещал назавтра с ним встретиться. Ты ходил?

— Не сумел. Только раз и видел его. За неделю до отъезда.

— Один-единственный раз?

— Ага. Мы с Датунной пошли в альпклуб. Нам сказали, что он в саду. Он, правда, стоял в саду. С какой-то девицей.

— Может с той, которой гвоздики дарил?

— Может быть, не знаю.

— Лицо запомнил?

— Не приглядывался. Они стояли далеко.

— Может, Датунна запомнил?

— Не думаю.

-- Ну и что дальше?

— Девушка увидела нас, и тогда Джаба оглянулся. Махнул рукой: сейчас, мол, приду. Мы остались ждать. Через несколько минут они попрощались, и он подошел к нам.

— Наверно, это была она.

— Он не сказал, а мы не спрашивали.

— Дальше.

— Мы сели на скамейку. Джаба выглядел еще более взволнованным и не смотрел на Датуну. Вообще он смотрел вниз, на ноги. Так мы и сидели молча. Потом он встал и объявил нам, что идет на Ушбу. Мы тоже встали и проводили его до клуба. Я обещал, что зайду до отъезда, но опять что-то помешало...

— Как вы могли отпустить Джаба!

— Мы считали, он отвлечется!

— Ушба не Гагры и не Сочи!

— Ты не знаешь, что с ним было.

— Представляю. Я лучше вашего знал Джаба. Для него все было важным. Другому бы наплевать на всю эту историю. Сестрица его, Софико, тоже уже не маленькая. Но он был искренний и очень чистый, такие некоторым кажутся примитивными. И вообще он все воспринимал очень остро. Вы должны были видеть его в горах. Помню, как однажды я свалился с отвесного обледенелого склона. Уронил альпеншток и никаким образом не мог удержаться. Так скользил метров тридцать, зацепился за край расселины и повис. Вдруг над собой я услышал отчаянный крик, посмотрел вверх и вижу: ребята удерживают Джаба, который рвется ко мне. Когда меня вытащили, он плакал, целовал и обнимал меня. Смеялся и плакал. Мы не могли его успокоить. Ты не знаешь, какое у него было сердце.

Цотнэ заплакал.

— Знаю.

— Вы не должны были его отпустить.

— Мне кажется, та девушка тоже просила его остаться. Все ее существо, движение рук выражали просьбу. Ну, а мы, мы просто не думали, что все это значит...

— Мы уже не дети, Гиги...

Цотнэ не кончил фразы и подошел к окну.

— К чему ты это говоришь?

— Так, вообще. Сам себе говорю. И всем. И тебе, и Датуне. Гиги промолчал. Потом подошел к Цотнэ и положил ему руку на плечо.

— Я хочу сказать, что мы были плохими друзьями, — сказал Цотнэ. — Мы говорим: та, которой он дарил гвоздики! Мы можем только догадываться, кого он любил. А ведь он не скрывал, мы сами отмахнулись...

Гиги молчал. Поправил упавшую на лоб Цотнэ прядку волос. Потом, скрестив руки на груди, зашагал по комнате.

— Мы сами обесценили наши слова, — сказал Цотнэ. — Дал человеку слово — приду, — значит, должен прийти! Как будто пустяк! Но так вот мы и привыкли пренебрегать своим словом.

— Я не смог. И второй раз не смог — что-то помешало, — проворчал Гиги.

«Человек погиб, и мало теперь боли и раскаяния, — думал Цотнэ, — мало. Надо быть людьми раньше, чем что-то стрясется! Если бы я тогда настоял, то увез бы его на Тянь-Шань!..»

— Ты прав, — сказал Гиги, словно догадываясь, о чем думает Цотнэ, — я должен был пойти, должен был каждый день ходить! Когда он узнал о Куджи, это его добило. Вот где я больше всего виноват! Я-то догадывался обо всем и должен был с самого начала вывести Куджи на чистую воду!

— Куджи мне сказал...

— Когда ты его видел?

— Сегодня.

— Что тебя туда понесло?

— Хотел знать, сдержал ли он слово.

Гиги усмехнулся и начал рассказывать.

9

Я только что сказал, что чувствовал все наперед. Не могу сказать, откуда и как, но чувствовал. И когда вырвалось первое подозрение не могу вспомнить.

Несколько раз ко мне приходил Куджи, и я ему показывал мои картины. Может быть, тут-то и возникло у меня это ощущение. Тогда, казалось, я не придавал значения то-

му, что он подолгу рассматривает портрет Софики.

Одним словом, тогда, в день твоего отъезда, я испытывал Куджи. Наверно, по отношению к другу это было свинство. И если бы подозрение не подтвердилось, я был бы себе противен. Но я согласен был быть свиньей, лишь бы я оказался не прав!

Уехав с аэродрома, я пошел к дому Софики и стал ждать Куджи.

Смеркалось. Прислонившись к дереву, я курил папиросу за папиросой и несколько раз решал уходить. Я все думал о том, что с моей стороны бессовестно устраивать засадку.

Потом на некоторое время меня отвлек милиционер. Спросил: зачем я стою, кого жду так долго. Я угостил его папиросой, он не отказался. Он выглядел хорошим парнем, в Кахетии у него отец и мать, старые уже. За виноградником некому ухаживать. Видимо, он скоро оставит свой милицейский пост и уедет домой. Я еще угостил его папиросой.

Он ушел. Я посмотрел ему вслед и вдруг увидел Куджи. Он очень торопился.

Мы столкнулись около самого подъезда.

— Ты же домой ушел, — сказал я.

— Мне кажется, все мы пошли домой, — ответил Куджи.

Я перевел дух и снова спросил:

— К Софики?

— А ты?

— Разумеется...

— Я хочу видеть Джаба, — перебил он меня.

— И Джаба там будет, и Софики.

— Хочешь, я вызову Джаба? Поднимусь и позову его. Пойдем куда-нибудь выпьем.

— Зачем же нам куда-то идти, когда нас приглашают и выпить и закусить!

— Может быть.

— А это что? — спросил я, увидев в его руках красиво перевязанную маленькую коробочку.

— Ничего особенного...

Этого притворства я уже не мог вынести, я схватил его за воротник и тряхнул как следует.

— Я вижу тебя насквозь, Куджи. Если тебе был нужен Джаба, так ведь он был на аэродроме! Или уж

потерпел бы до завтра. Видите ли, соскучился!

— Убери руки!

Я толкнул его, и он ударился о стенку.

— Ты что, спятил?.. Что тебе от меня надо?!

— Ты отлично знаешь, что мне надо.

— Я же сказал тебе, куда иду.

Он смотрел на меня с отвращением, лицо его пылало. Он вошел в дом.

Я остался стоять у подъезда и не мог двинуться.

Бывает же так! Пять лет дружить с человеком, и вот в один прекрасный день оказывается, что всё это вранье, одно притворство. Человек оказывается совсем не тем, за кого себя выдавал. В этом случае ты теряешь не только друга. Потеряны годы, те мысли и чувства, которые ты ему отдал. Кажется, будто какой-то нахал тебя ограбил...

Я предпочел идти домой. Но дверь парадного снова открылась. Я подумал, что совесть все же сделала свое дело и Куджи вернулся. Поворачиваюсь и вижу — у парадного стоит Акакий и смотрит в мою сторону. Я стоял в темноте, вот он и приглядывался, кто там.

— Акакий, — позвал я его.

Он вздрогнул, услышав мой голос. Большой букет роз скрылся за его спиной.

— Иди сюда.

— Это ты, Гиги? — он нерешительно шагнул в мою сторону.

— Ты что здесь делаешь?

Мы стояли лицом к лицу, и Акакий усердно прятал свои розы.

— Если вы условились, могли бы и мне сказать, и я бы пошел с вами.

— Я ни с кем не уславливался. Ты же видишь, я один...

— Вижу. Этот букет — для Софики?

— Знаешь, жара, дома не смог высидеть.

— Покажи-ка, что за цветы.

Акакий робко протянул мне букет, я схватил его и швырнул за решетку. За забором был школьный двор, ворота запирались на ночь.

— Теперь иди, поздравляй!

Он ничего не сказал мне, только заморгал своими рыжими ресницами.

— Иди! — заорал я. — Чего стоишь?

— Куда идти?

— Куда хочешь! Куда шел!
— Почему ты выкинул мои цветы?..

— Хотел и выкинул... Можешь взять и отнести Софику.

Он стоял обескураженный с жалкой улыбкой. Это было невыносимо. Я оставил его.

Меня поражают такие люди, как Акакий. Куджи был мне понятен — от стремился к Софику. Но что заставило побежать Акакия? Я никогда не понимал его, Акакий всегда кому-нибудь подражал — то выражением лица, то жестом. Не говоря уж о мыслях — все повторяет чужие слова. Посмотришь и удивись! Сейчас период Куджи, — он и действует, как Куджи...

Я не сделал и сорока шагов, остановился, подумал: ну-ка посмотрю, что он будет делать — вернется домой или пойдет без букета?

Акакий стоял у забора. Мой милиционер подошел к нему.

Потом я увидел, как Акакий с помощью милиционера кое-как перебрался во двор. Через секунду над решеткой мелькнули розы. Милиционер подпрыгнул и схватил букет. Было у меня искушение подойти и заставить его попищать за забором, как попавшуюся в мышеловку мышь, но я не стал связываться, такой жалкий был у него вид.

Я стоял себе и наблюдал за этой потехой. Теперь милиционер не помогал ему, и он пытался один: занесет одну ногу, чтобы перелезть, и сползает, и сползает вниз... Снял пиджак и протянул милиционеру. Собрался народ, — разве могло быть зрелище забавней, каждый дает совет.

Наконец Акакий спустился на тротуар и стал отряхивать брюки. Милиционер что-то сказал. Акакий изогнулся, пытаясь увидеть себя сзади. Я понял, что он зацепился за железный прут и порвал штаны.

Я не видел лица Акакия, но вся фигура его выражала отчаяние, смешотворное отчаяние, этого не выразишь словами, это можно только нарисовать!

10

— Может, он и правда не ходил к Софику? — спросил Цотнэ.

— Не знаю, да важно не это. Главное, я убедился в своем!

Они замолчали.

Цотнэ жалел, что поторопился. Гиги вначале надо было повидать. Потом уже идти к Куджи. Одному он все же удивлялся. Куджи ведь знал, что Гиги от него ничего не скроет. Если бы не было свидетеля, тогда другое дело. Тогда Куджи мог нагородить, что ему заблагорассудится. Но как же он посмел так нахально, так явно лгать? Оба они — и Куджи, и Акакий, вели себя так, словно были правы перед совестью и друзьями. Не только правы, но и возмущены моим упрямым вторжением. И отшили меня так, что вряд ли я пойду к ним вторично!

Гиги извлек бутылку «Цинандали», хлеб и сыр. Бутылка была запотевшая, видно, из холодильника.

Цотнэ выстраивал в ряд картины Гиги.

— Что нового написал?

— Ничего. Начал многое, да не идет.

Цотнэ наткнулся на портрет Софику. Эта картина с самого начала не нравилась Цотнэ. Вместо черных и блестящих волос Гиги нарисовал красные волосы цвета крови. Таких волос вообще не бывает на свете. У Софику детское, наивное лицо, светлый, спокойный взгляд. Красноволосая женщина смотрит алчно. Под платьем угадывается нагота.

Цотнэ вспомнил сказанное Гиги: Куджи часто приходил посмотреть на портрет Софику. Может быть, Гиги нарисовал ее такой, какая она есть на самом деле? И картина подсказала Куджи такое, о чем он сам бы не подумал.

Они молча выпили. Конечно же, это прекрасный портрет. Как он раньше не замечал сходства?

Гиги снова наполнил стаканы.

— Пойдем к Куджи, — сказал Цотнэ и взял стакан.

— Что я там потерял?

— Будь человеком, пойдем.

— Хотел бы знать, что тебя волнует. Куджи не стоит стольких волнений.

— Я вовсе не волнуюсь.

— Так давай посидим. У меня еще есть вино.

— Я должен сказать ему пару слов.

— Оставь его.

— Не могу.

— Говорю тебе: не стоит того...
Давай лучше выпьем.

— Как они меня околпачили...

— Во-первых, ты не застанешь его дома. Каждое воскресенье они тащатся на кладбище... И Софику с ними.

— Пойдем на кладбище.

— Еще чего! На кладбище пойдем без них...

— Прошу, пойдем со мной! Ты можешь молчать, если хочешь.

— Ладно. Сначала зайдем к нему домой.

11

Дверь снова отворил Куджи. Увидев Гиги и Цотнэ вместе, растерялся, но ничего не сказал.

Они прошли через прихожую в комнату и переглянулись: у стола сидел Датуна. Увидев ребят, он покраснел, как ребенок, и еле процедил:

— Я узнал, ты сегодня приехал... Я тоже сегодня приехал.

— А сюда зачем пожаловал? — прервал его Гиги.

— Да так, пришел и все...

Софику сидела в кресле так спокойно, словно все это ее не касалось. Акакий по-прежнему стоял у окна, засунув руки в карманы.

На мгновение Цотнэ овладело чувство безразличия. Уйти. Уйти немедленно, черт с ними, сами разберутся. Пусть что хотят, то и делают. Пусть себе целуются.

— Пошли, Гиги, — Цотнэ не мог здесь оставаться. Это безволие было отвратительно. Датуна не мужчина, а тряпка.

Но Гиги не отставал. Он всегда так делал: к чему пристанет, конец.

— Почему ко мне не зашел?

— Я всегда могу к тебе зайти, — ответил Датуна, — сюда же нет...

— И все же, почему ты сюда примчался?

— Может быть, тебе смешно и ты осуждаешь меня. Но я не выдержал... Наверняка не выдержал. Джаба нет больше. Их я должен был или потерять... или прийти.

— Ты ответь, почему не зашел ко мне?

— А почему ты не явился?! Там, в Кахетии, я был один, совсем один. Даже слова сказать не с кем.

Цотнэ стало не по себе. В словах Датуны он почувствовал упрек. Но Гиги словно не заметил упрека, встал на Куджи и Акакия:

— Не этой ли пустотой хочешь заполнить пространство?..

Куджи и Акакий не шелохнулись, будто не о них речь.

— Легко говорить... Я всегда удивлялся, почему то, что для других легко, для меня трудно? Для вас потери, утрата друзей ничто! — сказал Датуна, усмехнувшись.

— Смотря что терять! Утрата утрате рознь! Что касается друзей, то некоторые обзаводятся ими, чтобы лучше продать!

Цотнэ чувствовал, что из этой перебранки ничего не выйдет — в словесной шелухе пряталась боль.

Остальные молчали, остерегались произнести слово.

— Все же я не понимаю, — не унимался Гиги, — для чего же ты пришел сюда, что тебе надо?

— Ничего... — ответил Датуна, — до того, как прийти, я думал, знаю для чего иду. Им я только что объяснил. Может быть ты прав — причина ничтожная!..

— Значит, идем отсюда.

— Идем, — согласился Датуна.

Цотнэ обрадовался. В глубине души он уже почти простил Датуна. Но Гиги не двигался с места.

Комната была полна папиросным дымом.

«Все приняло свой истинный вид, — подумал Цотнэ, — все ясно и отчетливо. Сейчас главное оторвать Датуна от них».

Гиги же, наверно, думал совсем о другом. Он приблизился к Софику и положил ей руку на плечо.

Софику подняла глаза, лицо ее напряглось и на секунду стало похоже на лицо Джаба. Цотнэ захотелось, чтобы сходство продлилось как можно дольше, но Софику улыбнулась, и сходство растаяло в улыбке, обесцветилось.

— Софику, — сказал Гиги, почему-то оглядываясь на Цотнэ и снова поворачиваясь к ней, — скажи, в тот вечер к тебе приходили Куджи и Акакий?

— В какой вечер?

— В день твоего рождения.

— Приходили.

— Оба?

— Да, оба. А что?

— Условились мы. — И Гиги выложил все начистоту.

Цотнэ всматривался в Куджи и Акакия. Лица их были спокойны, неправдоподобно спокойны.

— К чему рассказывать, все знаю... — поморщился Датунэ.

— Я не знаю, — впервые за все время подал голос Цотнэ, — они врут, они оба надули меня!

— Ах, врут... — улыбнулась Софико.

— Я сказал ему больше, чем имел на то право, — проговорил Куджи.

— Хорошо, — сказала Софико, — я расскажу, как прошел тот вечер, чтоб вы не терялись в догадках.

12

Все утро Джаба был не в настроении. Я готовилась к вечеру и не обращала на него внимания. Он был всем недоволен. Мама даже спросила, что с ним.

Он не ответил ей, долго рылся в ящиках своего стола, разбирая бумаги. Потом побрился, надел чистую рубашку и ушел не позавтракав.

— Хоть чаю попей, — крикнула ему мама.

К обеду он вернулся. Злой и усталый. Мрачно сел к столу.

— Когда играют наши? — спросил отец.

— Не знаю.

— Ты что, нездоров?

— Здоров.

— Ребят взяли в сборную, как пойдут теперь наши дела? — беспокоился отец.

Джаба пообедал, встал.

— Я еду в аэропорт. Ты поедешь? — спросил он меня.

— Нет! — ответила я. — Мне некогда. Поцелуй за меня Цотнэ.

— Поедем.

— Говорю, некогда.

— Напрасно стараешься, к тебе сегодня никто не придет.

Я пригласила немногих. Двух моих подруг и вас. Я была уверена, что все придут, слова Джаба я объяснила его плохим настроением. Впрочем, его настроение незаметно передалось и мне.

Девочки явились в назначен-

ное время. Мы сидели скучные и ждали вас.

Джаба вернулся с аэродрома один и такой мрачный, что я подумала, он не спятил ли он.

Девочки забеспокоились, почувствовали неловкость и зашептали мне: «Мы уходим».

— Ты этого хотела, не так ли? — спросил Джаба сердито.

— Что случилось, объясни!

Но Джаба заперся в своей комнате.

Девочек я не отпустила и стала накрывать на стол. Сколько я себя помню, я всегда справляла день рождения. Этот день всегда был веселым и счастливым, вы ведь знаете.

Теперь же мы сидели втроем грустные и не знали, чем заняться. Девочкам, наверно, было жалко бросать меня, хоть я видела, что они не прочь сбежать.

В это время и пришел Куджи. Мы страшно обрадовались. Я обняла и расцеловала его.

— Ты пришел один? — спросила я.

— Зачем спрашивать о других, когда есть я! — весело ответил Куджи.

Я повела его в комнату. Куджи спросил:

— А где Джаба?

— Джаба, Куджи пришел! — крикнула я и постучала в дверь.

Джаба молчал, Куджи тоже постучал.

— Чего тебе? — сердито отозвался Джаба.

— Куджи пришел!

— Насколько мне известно, он не должен был являться!..

Удивленная, я взглянула на Куджи. Куджи пожал плечами и с улыбкой отошел от двери.

— Напоите жаждущего, — сказал он, улыбаясь. — Смерть как хочется выпить.

— В чем дело? — спросила я, не понимая, что происходит.

— Ничего, твой братец шутит, — сказал Куджи.

Я достала охлажденное вино. Он налил себе два стакана и выпил один за другим. Старался развеселить нас, но ничего не получалось.

— Какой час? — вдруг спросил Куджи.

— Рано еще, половина десятого.

— Давай куда-нибудь пойдём! Я приглашаю вас. Сегодня твой день, — обернулся он ко мне. — Надо поселиться!

— Куда же мы двинемся?

— Куда хочешь?

— А все же?

— Хотя бы наверх, — сказал Куджи.

«Наверх» означало — в парк на фуникулере. Я тут же согласилась. Все лучше, чемдохнуть от скуки...

Уже в дверях мы столкнулись с Акакием. Он был какой-то странный: в руках розы, лицо растерянное. Мы встретили его радостным криком — как-никак пополнение! Акакий поздравил меня, сунул цветы. Я удивилась — розы были в пыли.

— Наверно, он подметал пол, — заметил Куджи. — Ничего, отмоются!

Ехать с нами «наверх» Акакий отказался.

— В чем дело, парень? — спросил его Куджи.

— Не могу, — сказал Акакий и отвел Куджи в сторону.

Слушая его шепот, Куджи покатывался со смеху. Акакий зажимал ему рот руками. Нам он объяснил, что упал и разорвал брюки.

— Похоже, что тебя угостили хорошим пинком! — дразнил Акакий Куджи.

В общем, брюки были защиты, и мы поехали «наверх», в ресторан.

На веранде отыскивали столик. Неспеша принялись за «Греми»... Никогда еще я не пила такого крепкого напитка, да и девочки, наверно, тоже. Скоро нам стало очень весело. Я была счастлива. Казалось, что такого удачного дня рождения у меня еще не было.

Было уже поздно, когда мы вышли. Не помню, куда исчезли девочки и Акакий... Я положились на Куджи. Ноги не слушались меня, я шла, обеими руками держась за Куджи.

— Спустимся трамваем, — сказала я.

— Трамваем?

— Так на чем же? На машине?

— Пешком. В такую ночь надо ходить только пешком! — сказал мне Куджи.

Так пошли мы тропинкой Мтацминды. Я боялась, что мы куда-нибудь свалимся, и сказала об этом Куджи.

— Не бойся... Я знаю здесь каждый поворот.

Он взял меня за руку, я выжила лас и пошла за ним. Независимо идем, как идем... Все для меня не имело никакого значения, только так бы нескончаемо идти.

Вдруг он остановил меня и спросил:

— Ты спишь?

— Нет, — ответила я.

Он провел рукой по моему лицу, осторожно открыл мне глаза. Я почувствовала его пристальный взгляд...

13

Цотнэ опять вспомнился красноволосый портрет, жадные глаза. Он глянул на Датуна и пожалел его: Датуна сидел сторбившись и смотрел в открытое окно. А в окне не было ничего, кроме черепичных крыш. «То, на что Датуна погратил безуспешных три года, — подумал Цотнэ, — Куджи обмозговал за несколько часов. Потому-то и не захотели твоей любви, Датуна! Она была длинной и скучной. Но как невозмутимо спокойно выслушал он Софику! Можно подумать, Куджи тебе дорожке, Датуна».

Софику попросила сигарету.

— Стало быть, вот как было? — спросил Цотнэ.

Куджи покраснел, на лбу взбухла жилка.

— Тебя спрашиваю.

— Мы уже не дети. Цотнэ, — проговорила Софику. — Сказала же я, как было. Теперь мы...

— Теперь мы должны знать, кто мы и что мы. Детям прощительно не знать этого... Нам — нет, не прощительно!

— Ты всегда забегаешь вперед. Гиги, — улыбнулась Софику. — Именно это и хотела сказать я. — Она встала, поправила волосы и платье. — До ухода я скажу вам еще одну вещь. Вы должны знать и это. Вчера Акакий задумал то же, что сделал Куджи. Я думаю, у них был уговор...

Некоторое время они не могли понять то, что сказала Софику. Когда же поняли, Софику уже не было в комнате.

За минутным оценением последовал взрыв. Втроем они бросились

на Куджи и Акакия. Они удерживали друг друга и в то же время в ярости налетали на загнанных в угол недавних друзей. Они шли против них и против самих себя. Они сокрушали, ломали все вокруг. То, что давило их, сдвинулось и низверглось, увлекая их самих в хаос поступков и чувств. Что-то падало, разбивалось. Слышался звон и треск ломающихся вещей. Это был настоящий бунт, который родило только одно слово.

— Цотнэ! — закричала Софико. Ее вернул с лестницы этот неистовый шум.

Вдруг наступила тишина. Усталые, побитые, в разорванной одежде, они еле переводили дыхание.

Цотнэ оглядел себя. Кажется, у него мало-мальски приличный вид. Ну да, он ведь только сдерживал...

Вчетвером, молча, они вышли из комнаты. Проходя мимо стола, Цотнэ увидел шахматы, фигуры валялись в беспорядке.

Молча сошли по лестнице и вышли на улицу.

— Пошли ко мне, — сказал Гиги.

— Нет, на кладбище, — ответил Цотнэ.

— На кладбище уже поздно.

— Для меня он умер сегодня. До сегодняшнего дня я думал, что он жив. Для меня он был жив.

— Ладно, пошли, — согласился Гиги.

— И ты пойдешь, Софико? — спросил Цотнэ.

— Нет. Идите одни.

Цотнэ проводил Софико до автобусной остановки.

— С Датунной тебя поссорил Куджи?

Софико улыбнулась и покачала головой.

— Так что же случилось?

— Не знаю.

— А все же?

— Вы не поймете... Случается, иногда не понимаете.

— Может быть, — согласился Цотнэ. — Сегодня ты зачем пришла к Куджи?

— Так нужно было.

— Вовремя вернулась. Перебили бы друг друга.

— Тебе-то что с твоими кулачками. Пусть они скажут спасибо!

— Ничего, пусть полечат друг друга.

— Я и не думала, что вы такие бесшумные, особенно Датунна.

— Датунна хороший парень.

— Знаю.

— Настоящий.

— Знаю. Я лучше вас это знаю.

Сейчас не жалею, а когда-нибудь, наверно, буду жалеть...

— О чем?

— Что так обошлась с ним. И сегодня убедилась.

— Сегодня?

— Да, когда он пришел к Куджи.

— Не могу понять, почему он пришел к Куджи? — Я разозлился. На минуточку даже почувствовал к нему отвращение.

— Я знаю, почему он пришел.

— Скажи.

— В другой раз. Если только встретимся для разговора.

— Пойдем с нами на кладбище.

Подожел автобус. Софико попрощалась с Цотнэ, поднялась в машину и села у окна. Цотнэ глянул на нее и вздрогнул: теперь они снова были похожи — Софико и та красноволосая женщина с портрета Гиги.

14

Уже смеркалось, когда они добрались до кладбища. Всю дорогу прошли молча, словно им нечего было сказать друг другу.

Медная, как нарисованная, огромная луна выплывала со стороны Норрио.

«Мы не имеем права быть равнодушными, — думал Цотнэ, вышагивая мимо кипарисов. — Мы не имеем права быть равнодушными. Потом никакая боль уже не поможет. Потом — поздно...»

Он увидел кучу высохших цветов, поломанных стеблей, почерневших листьев и понял, что это могила Джаба. Он остановился и крепко обнял Гиги и Датуну.

На мгновение ему показалось, что это те самые, давние венки, тяжелые венки, которые тащили сюда измученные нескончаемым шествием дети, — они пригнали их и положили на могилу Джаба.

Цотнэ вытер слезы и подошел поближе. Легкая тень скользнула перед ним. Присмотревшись, он увидел что-то склоненную фигуру. Женщина в темном платье раскладывала поверх старых цветов свежие гвоздики.

Совсем тихо, неслышными шагами они подошли, словно подкрались

к ней. В это время из-за кустов выбежала маленькая девочка. Она первая увидела их и закричала:

— Мама!

Мать подняла голову, посмотрела на девочку и обернулась. Она увидела троих парней, стоящих на бугре. Она быстро встала, отряхнула платье.

— Пойдем. Уже стемнело.

У нее был совсем молодой голос. Она взяла девочку за руку и стала спускаться с ней по тропинке. Через минуту они уже скрылись в темнеющих зарослях.

— Узнали? — спросил Цотнэ.

— Нет.

— Вот красные гвоздики.

Все трое посмотрели на разбросанные цветы. В сумерках они казались черными. И тут же, не сговариваясь, поспешили за ушедшей женщиной.

Они нагнали ее уже там, где начинался асфальт, и пошли следом, не смея подойти.

Чувствуя, что за ними идут, мать и дочка зашагали быстрее. Цотнэ тоже прибавил шагу и догнал их.

— Простите, — сказал он вполголоса.

— Что вам? — ответила женщина, не глядя на него.

Цотнэ пытался увидеть ее лицо, но сквозь нейлоновый шарф, который прикрывал его, проступали неясные черты. Он удивился: лицо показалось ему совсем детским.

— Вы были знакомы с Джаба... были его другом... — Цотнэ волновался, голос его звучал невнятно. Он не знал, что говорить.

— И вы были другом Джаба?

— Да... Я Цотнэ... И они тоже...

— Дагуна и Гиги... — сказала женщина. — Джаба часто говорил мне о вас...

Она замолкла. Цотнэ показалось, что она сдерживает слезы.

— До свидания... Мы торопимся, — сказала она.

— Мы проводим вас.

— Не беспокойтесь.

— Нам не трудно, уверяю вас.

— Нет, нет!

— Скажите адрес, мы зайдем к вам.

— Не надо ко мне приходиться. До свиданья!

Она быстрыми шагами, ведя за руку дочку, прошла высокие, распахнутые настежь ворота и повернула налево.

Иначе и не могло быть. Она ушла, ничего не сказав, не пустив друзей Джаба в тот мир, который при его жизни был им неведом. Туман не рассеялся, лишь посветлел, словно изнутри светило солнце.

Друзья нагнали Цотнэ.

— Что она тебе сказала?!

— Ничего...

— Это она?

— Она, конечно!

— Как зовут?

— Не знаю.

— Почему не спросил?

— Не смог.

— Ребенок не его?

— Не знаю. Я ничего не спросил.

Цотнэ пытался представить ее лицо, но не мог. Что-то мешало ему. Черты, возникнув на мгновение, ломались, как отражение на воде, когда в нее бросят камешек.

Они миновали ворота и вышли на улицу, освещенную высокими фонарями.

Они шли по мостовой, плечом к плечу, с задумчивыми лицами, с какими иногда идут солдаты.

Впереди открылся большой, сверкавший огнями город.

Карло КАЛАДЗЕ

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Перевод с грузинского В. Корнилова

Утро весеннее, легкое утро,
О, не встречай меня, утро, сурово
И не испытывай, словно чужого, —
В ярости вскинула воды Ингури:
Мост разметать, закружить меня в буре!
Утро царапнуло сердце, как искра,
Значит и радость, наверное, близко.
Мне за рекою огни засияли:
Вот уже близко знакомое Гали!

Утро весеннее, легкое утро,
О, не встречай меня, утро, сурово
И не испытывай, словно чужого.
Девять предгорий и девять вершин
Я пересек по тропинке один.
Новым цветущим покровом листва
Озеленила поляны, леса.
Вижу весны изумрудный зачин,
Вижу проталину — синий кувшин.

Жизнь моя — новое утро мое,
Солнца восход, разливаемый щедро,
Не заслоняй этим облачком тшетным,
Светом наполни мой день до краев!

Теймураз ДЖАНГУЛАШВИЛИ

ПИСЬМО МЕЛИТОНУ КАНТАРИЯ

Перевод с грузинского Т. Степанова

И снова Май...
И снова день мой полнится
Певучим звоном солнечных лучей,
И снова шелест алого полотнища
Несет весна из тех далеких дней...

Ты знаешь,
Был я от тебя поблизости,
И видел я, как пули рвали шелк...

Огонь к рейхстагу путь нелегкий вымостил, —
Ты этот путь со знаменем прошел.

И реял ветер, тряс тумана космами...
Конец войне! Так наступал рассвет.
Ты знамя поднял, чтоб сегодня в космосе
Оно алело на бортах ракет...

Да, в памяти — годов чересполосица,
Но год победы издали видней,
И в этот Май свет алого полотнища
Несет весна из тех далеких дней.

Они живут не в летописях древних,
В судьбе моей и в памяти страны.
С тобой — Егоров. Руки вновь на древке
Победы стяг — на рубежах весны.

Стар МАМПОРИЯ

ПРОХОДЯТ ДНИ

Перевод с грузинского Б. Окуджава

Ты выдана своим же черным платьем,
как грусти и тревоги не туши.
За нелюбовь, за шаг неверный платят
пожизненными муками души.

А дни проходят, дни проходят медленно.
Его ли попросить: «Благослови...»?
Любовь не покупается за медные,
и ни за золотые нет любви...

А где ж она, любовь? Не спросишь. Не с кого.
Ах, сколько лет покоя не дает
тебе еще не сдавшееся, женское,
усталое горение твое.

И губы говорят: «Верните розовое!..»
И руки говорят: «Тепла, тепла!..»
Холодный взгляд твой как ночное озеро...
А ты такая светлая была.

И потому души твоей аллеи
недоброе и жгучее таят,
И на тебя мужчины в отдаленье
апрельскими оленями глядят.

...По улице твоей брожу опять я,
в шуршанье листьев боль свою топя...
О, как тебе горьки его объятья,
И как мне одиноко без тебя...

Александр ЦЫБУЛЕВСКИЙ

РАЧА

Вдруг мельницей окончился лесок.
Я в землю врос, не изменяя позы.
В ромашках утопает колесо
и синие по белому стрекозы.

Но ты зовешь покинуть этот край,
все круче по тропинке забирая.
Что ж, может быть, то вовсе был не рай,
а только лишь преддверье рая?

●
Был час, когда молчат легенды,
но горы в горьковатой дымке.
И водопад замолк над бездной
остолбенелый, как на снимке.

Над полуночными пирами
звезда погасла и притихла.
Но что же двинуло горами,
какая цель, какая прихоть?

●
Рача осталась за спиною,
так оглянись, еще постой.
Дорога мертвою петлею,
дорога мертвою петлей.

Да, я переживу разлуку,
но будет час и будет день,
я вспомню — мул бредет по лугу
и странный расцветает пень.

И вспышки новых озарений
остановлю и сберегу
вылание листвы осенней
на рано выпавшем снегу.

И после жажды вздорной кровм
хозяйки, нас лишившей сна, —
вдруг щебетание под кровлей
с глотком холодного вина.

Джансуг НИКАБАДЗЕ

РАЗДУМЬЕ У МОРЯ

Перевод с грузинского Д. Голубкова

В девять глаз глядит спросонья солнце,
Предвещая снова штиль и зной,
И, волной дробясь на волоконца,
Копшится в глубине морской.

Синее сияние трепещет,
Пенящимся пламенем пыля.
Брызги ослепительные блещут,
Будто бы осколки хрусталия.

И потягивается, зевая,
Море, красотой своей кичась...
Есть примета старая морская:
Спит в ракушках буря в тихий час...

Только с виду безмятежно море,
Только с виду нежности полно.
Миг настанет — вздыбится, заспорит,
Заклокочет бешено оно!

Близки мне матросские невзгоды,
Родич моряку я с давних лет:
Со стихией бьются мореходы,
Со стихом сражается поэт.

Как моряк, певец упрям, отважен.
Как моряк, привык смотреть вперед.
Но за девятью морями даже
Он земной надеждою живет.

Ведь земля — она везде с земными.
И на небе, и на дне морском
Помнишь ты ее святое имя
И земного сердца слышишь гром.

Мы, как сердце, любим моря глуби
И влекущий облик корабля.
Но ведь мать мы больше сердца любим,
И дороже сердца мать-земля.

Ордэ ДГЕБУАДЗЕ

Королева утренней зари

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского М. Эсакия

Часть I. ПОХИЩЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

1

Меня разбудил телефонный звонок.

— Извините, что приходится вас беспокоить, но что поделаешь...

— Что за извинения, говори, что случилось! — закричал я, сразу же проснувшись. Услышав легкую дрожь и даже какую-то растерянность в голосе опытного и хладнокровного работника, который сейчас говорил со мной, я понял: произошло что-то необычное.

— Грабеж в Сионском соборе...

Мне показалось, что обвалился потолок, одно мгновение я вообще ничего не соображал. Потом стремительно сел на постели, не заметив второпях, как телефонная трубка натянула шнур и стащила с тумбочки аппарат.

— Когда? Кто? — крикнул я в трубку, не отдавая себе отчета. Почему-то взор мой произвольно устремился за окно: там с успокоительной непрерывностью плавно кружились снежинки, словно белые бабочки.

Дежурный, очевидно, сумел преодолеть волнение и с обычной деловитостью докладывал:

— Ограбление произошло около часа тому назад. Злоумышленники не обнаружены. Им удалось скрыться. — Он, очевидно, хотел добавить еще что-то, обрисовать все обстоятельства дела, но я, не дожидаясь подробностей, бросил трубку на рогатый рычажок аппарата и вскочил с кровати.

Сионский собор!.. Там столько драгоценностей, произведений подлинного искусства, памятников древности. Интересно, что именно стало добычей преступников?

Снова заверещал телефон.

— Высылаем оперативную автомашину, — сообщил дежурный. — Отправляйтесь прямо на место происшествия.

— Пострадавших нет?

— Ранена женщина, послушница при храме.

— В таком случае вышлите судебно-медицинского эксперта, — приказал я. Календарь на стене показывал: 23 февраля 1934 года.

...Машина резко затормозила у дверей собора, и я сошел на землю. За мной выскочила собака-ищейка и сразу по привычке пригнула морду, но я понимал, что в такую слякоть все ее усилия будут напрасны — след преступников скрыт мокрым снегом.

Перед собором толпился народ. Любопытные старались заглянуть внутрь, но проем полуоткрытой двери загораживал стоявший на нижней ступеньке лестницы высокий мужчина средних лет. «Из здешних служителей». — подумал я, увидев на нем рясу.

Я направился к дверям, за мной — оперуполномоченный и эксперт научно-технического сектора. Собака осталась с проводником возле машины.

Внутренний зал собора был освещен. Перед средними воротами алтаря стоял, опустив голову, епископ. На низкой скамье возле северной стены сидела пожилая женщина в черном. Я обратил внимание на ее бледность. Женщина опиралась на руку другой — более молодой, но тоже бледной и взволнованной, и что-то беспрерывно шептала, часто мелко крестясь. Невысокий священник шел нам навстречу. Верный профессиональной привычке, я отметил, что у него были длинные, до плеч, волосы и щеголевато подстриженные белые, как снег, усы. По виду ему можно было дать за шестьдесят, но румяные щеки и живые серые глазки молодили его. За ним с достоинством выступал чернобородый монах.

Войдя в собор, я прежде всего бросил взгляд на ризницу и иконостас, но никаких следов ограбления не заметил. Казалось, все было на своих местах. Я даже почувствовал облегчение — может, думаю, и состоялась попытка ограбления, но преступникам помешали, унести ничего не удалось...

— Мы из угрозыска, — обратился я к священнику.

Услышав это, епископ поднял голову, направился к нам и, не торопясь, с достоинством поклонился.

— Ограбили и осквернили святую обитель, дети мои. — Он говорил тихо, сдержанно, но чувствовалось, каких усилий стоит ему скрыть волнение. Обернувшись к иконостасу, он широко перекрестился и сказал: — Прости им грехи, господи, ибо воистину не ведали они, что творили. — Потом обратился к священнику, приказал: — Расскажите им, как все произошло. — И так же медленно, не торопясь, поднялся по лестнице.

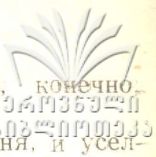
Почему-то я да, кажется, и мои товарищи чувствовали себя не в своей тарелке: не так часто случается вести следствие в церкви! Мы стеснялись говорить в полный голос и, сняв шапки, нерешительно оглядывались по сторонам, словно позабыв, что пришли сюда по оперативному заданию. Седоволосый священник почтительно шествовал перед нами, как будто знакомил важных гостей с храмом.

— Вам лучше, сестра Антиса? — спросил он на ходу.

При нашем приближении пожилая монашенка с трудом привстала и в ответ на вопрос священника кивнула головой.

Шум на улице усиливался. Высокий мужчина в рясе с трудом сдерживал людей — рассвело и любопытных становилось все больше. Я попросил оперуполномоченного и чернобородого монаха запереть дверь изнутри. Скоро лестница перед собором опустела. Надо было приступать к

работе. В случае неудачи необычность задания и обстановки, конечно, не могли послужить мне оправданием.

Я подошел к скамье, на которой сидела пожилая монахиня, и уселся в кресло напротив.

— Это представители власти, сестра. Расскажите им все, что произошло с вами, — сказал низенький священник таким тоном, каким говорят взрослые с детьми.

Антиса вздохнула, закрыла на минуту глаза и в ответ на мое приглашение: «Начинайте, пожалуйста!» стала рассказывать:

— Сегодня первый день великого поста, и я пришла раньше обычного...

— Она живет тут же, во дворе, вместе с другими монахинями, — пояснил высокий мужчина, который повстречался нам перед воротами. — Они служат при храме, убирают здесь...

— Я только-только прибрала в алтаре и перешла в ризницу, как услышала — стучат во входную дверь. — Женщина указала рукой на дверь и продолжала: — Я сначала решила не открывать, но стук повторился — громче, сильнее, настойчивей. Поднялась я по лестнице и через дверь спрашиваю, кто это, мол, ни свет ни заря шум подымает.

«Я слуга божья, ты не знаешь меня, — слышу я из-за двери взволнованный женский голос. — Я ищущий защиты у господина, не то, прежде чем рассветет, погибнет живая душа. Муж у меня умирает, сестрица, моя единственная радость и надежда в мире».

«Чем же я-то могу помочь тебе, сестра моя?» — спросила я, а сама чуть не плачу, так мне ее жалко стало. И уже собираюсь отворить дверь, чтобы хоть утешить ее. А женщина все молит меня: «Впусти в собор, попрошу у всевышнего, может вымолю помощь себе, грешной». И, слышу, рыдает так горько-горько. Не выдержало мое сердце, открыла дверь. Передо мной — молодая женщина, вся в черном, и красоты неописуемой. Глаза полны слез, и от этого еще прекрасней сверкают в полутьме. Из-под черной косынки на лоб прядь волос падает. Согрешила я тогда, подумала про нее: на богоматерь похожа. Стою перед ней дура-дурой и молчу. А она берет меня за руку и без сил опускается на лестницу. Гляжу я на нее и память у меня словно отшибло — даже не вспомнила, что дверь надо запереть.

«Где висит нерукотворная икона матери божьей, всемогущей заступницы нашей?!» — спрашивает она меня, а сама все по сторонам оглядывается. Я молча провела ее к иконе животворящей и стала в стороне, слезы утираю. А женщина упала на колени, воздела руки вверх и смотрит на икону с такой мольбой, шепчет что-то, а что — не поймешь. Потом упала ниц перед иконой и зарыдала — громко, горько, прямо хоть самой вместе с нею плачь. Я и стала тут же рядом на колени, попросила господина услышать молитву несчастной и ниспослать ей помощь. Вдруг слышу за спиной какой-то шорох слабый... Оглянулась я и... — монахиня испуганно посмотрела в сторону двери, будто ожидая увидеть что-то ужасное, закрыла лицо руками. Она не могла произнести ни слова.

— Полно, дочь моя, успокойся, — тихо сказал невысокий священник.

Антиса смогла наконец совладать со страхом и продолжала:

— Приближается, вижу, ко мне какой-то верзила. А второй запирает на засов дверь изнутри. На том, который направлялся ко мне, — черная блестящая накидка и шапка такая же, блестящая. Пол-лица закрывала маска, прямо как у черта настоящего. — При упоминании нечистого Антиса перекрестилась, проговорила вполголоса «Прости господи» и продолжала: — Поняла я, что ничего хорошего ждать не приходится, но, ду-

маю, кому какое дело до меня, старой женщины, одинокой и бедной. Отнять у меня нечего — как можно отнять то, чего нет. Но не ведала я, дура старая, что может быть на свете такой антихрист, который даже в храме храм руку поднять не побойтся. Вскочила я с пола и бросилась к двери, что на двор ведет. Но не тут-то было. Женщина, которая лежала расprostершись перед иконой пресвятой матери божьей, схватила меня за ногу, и я смаху растянулась на полу. Хотела встать, но верзила насел на меня сверху и шею рукой сдавил так, чтодохнуть не вмоготу. Только раз успела я крикнуть, — Тут Антиса, словно вспомнив о своей боли, замолкла, расстегнула ворот платья и ладонью потерла шею, всю в синяках и подтеках. Я постарался не особенно вглядываться в эти синяки, хотя для следствия, конечно, они имели немалую ценность. Но, думаю, не буду отвлекать внимание женщины — разговорилась она сейчас, пусть уж доскажет по порядку все как было, не то позабудет какую-нибудь важную подробность, потом и не вытянешь.

— Противиться не имело смысла. Я покорилась судьбе. Но проклятый верзила не отпускал меня, пока я не потеряла сознание. Одно только помню, как выдирали икону из оклада, а женщина и говорит длинному: «Оставь эту, бери нижнюю икону». Со мной она все время по-грузински разговаривала, а теперь на русский перешла. Потом я уже ничего не слыхала. Пришла я в себя, гляжу — лежу в углу перед алтарем, а брат Исаак водой меня кропит.

— Так все и было, — подтвердил чернобородый монах. — Сквозь сон слышу — женщина кричит. Я в доме при храме занимаю маленькую келью. Прсыпанью. Ну, думаю, ничего хорошего этот крик не предвещает. Накинул рясу, выбегаю во двор. Гляжу — в храме, да будет с нами его благословение, свет горит. Не знаю отчего, но войти внутрь я не решился. Верно, оберег меня господь от встречи со святотатцами. — Он перекрестился. — Стал я у двери и кричу: — Эй, кто там есть? Ответа нет, но подозрительная возня в храме продолжается. Ну, я и поднял тревогу. В молебном зале уже никого не было. Только в алтаре, в углу, лежала бездыханная Антиса. Еле-еле привели мы ее в чувство, но до вашего прихода она и слова сказать не могла.

— Что-нибудь унесено? — спросил я маленького священника. Он встал и медленно, как будто не было никаких оснований для спешки, направился к южной стене.

— Унесено, а как же! — негромко ответил он и указал пальцем на юго-западную колонну храма. Проследив за жестом священника, я внимательно осмотрел пристроенный там иконостас.

— Взгляните, — говорил священник, — между иконой пресвятой божьей матери и иконой Спаса нерукотворного висела икона Сионской богородицы, известная также как икона Саванели...

— Ее взяли? — не выдержав, прервал я его подробные объяснения.

— Видите, между этими двумя иконами пустое место и четыре отверстия от гвоздей?

— Действительно, на месте украденной иконы, на расстоянии примерно сорока сантиметров друг от друга виднелись следы вырванных гвоздей.

— Видно, икона была отделана золотом и серебром, — высказал предположение оперуполномоченный.

— Оклад у иконы действительно драгоценный, — подтвердил священник, — но она имела особую ценность как исторический памятник: в шестнадцатом веке ее создали трансильванские мастера и оттуда привезли в Грузию.

— Шестнадцатый век... Неужели преступники интересуются старинной?... В храме нет более древних икон?

— Конечно, есть. Вот хотя бы икона Спаса нерукотворного, по названию Марткопская, относится к шестому веку и привезена отцом Антоном из Эдессы.

— Откуда? — удивился эксперт.

— Из Эдессы, — повторил священник. — Этот город находился на севере Месопотамии. Теперь это место называется Урфа, в Турции. В то время в Эдессе жило много грузинских живописцев и зодчих, и один из них послал в дар на родину прекрасное творение рук своих.

— Та женщина просила указать ей именно икону Саванели? — спросил я священника. Оперуполномоченный одобрительно посмотрел на меня: он понял значение моего вопроса.

— Да, да, несчастная искала эту икону, — священник задумался на мгновение, а потом бросил на меня такой взгляд, словно хотел сказать: молодой человек, теперь и я догадался, что злоумышленников интересовала эта икона, а не какая-нибудь другая.

Я решил внимательно осмотреть место происшествия, а потом еще раз допросить монахиню Антису.

По словам священника, сюда после вчерашней службы никто из посторонних не заходил. Эту удачу надо было использовать сейчас же, пока не затерялись и не исчезли возможные следы преступников. Я велел оперуполномоченному привести служебную собаку. Правда, в такую слякоть ей вряд ли удалось бы найти что-нибудь на улице, но если она возьмет здесь след и пройдет хотя бы до лестницы, то можно будет узнать направление, в котором скрылись грабители.

Пока уполномоченный подымался по лестнице к выходу, кто-то громко постучался в дверь. Вошел судебный врач, огляделся кругом и, не увидев среди присутствующих убитых, раненых и искалеченных, медленно спустился вниз. Скоро была приведена служебная собака. Проводник с трудом удерживал ее на месте в ожидании моего приказа спустить поводок. Мое внимание привлек один подсвечник желтой меди. Такие подсвечники стояли перед каждой иконой, и только перед той гранью колонны, с которой была украдена Сионская богородица, подсвечника не было. Зато метра за два, возле северной стены, один подсвечник стоял отдельно.

— Почему тот подсвечник стоит поодаль от икон? — спросил я, уверенный, что напал на важную деталь. Монах подтвердил мое предположение:

— Его переставили сюда те проклятые, видно, чтобы не мешал снимать икону.

Я попросил эксперта поискать на меди подсвечника отпечатки пальцев. Потом велел спустить собаку. Едва раздался короткий приказ проводника: «Ищи!» — овчарка опустила морду и, раздувая ноздри, начала было обнюхивать пол. Но сразу подняла голову вверх и фыркнула. Несмотря на все старания, она никак не могла взять след. Что-то невидимое мешало ей приблизить нос к полу. Я приказал проводнику увести собаку, а сам поднес к полу лупу. Ступеньки лестницы и широкая полоса пола, ведущая от входа к юго-западному приделу, были посыпаны мелконакрашенным нюхательным табаком.

— Да-а, партнеры у нас опытные, — проговорил эксперт. — Ищейку они вывели из игры. — Он внимательно изучал подсвечник.

Мы вошли в алтарь, стали подробно осматривать каждый уголок. Там, где после ограбления очнулась Антиса, я заметил на полу какой-то маленький клочок бумаги. Это был билет тбилисского трамвая, серия 11-34, номер 249007.

— Кто мог обронить здесь билет? — спросил я.

— Вчера я трамваем никуда не ездил, — торопливо ответил щенник. — И вообще я не выбрасываю билетов.

— Я тоже, — коротко сказал монах.

Мы снова вышли в главный зал. Выяснилось, что никто из присутствующих не мог быть обладателем найденного билета. Я спрятал клочок бумаги — первую ниточку из запутанного клубка — себе в портсигар. Эксперт стоял возле подсвечника с таким видом, какой бывает у ребенка, случайно выпустившего птичку из клетки. Я сразу понял, что его поиски оказались безуспешными, но на всякий случай спросил:

— Ничего не нашли?

— Здесь ясно отпечатались все пять пальцев преступника, но... рука была в резиновой перчатке.

Это сообщение подтвердило мысль, что мы имеем дело с опытными и осторожными преступниками. Та женщина — ложная молеельщица — сразу же при входе в храм расспросила про икону богородицы и указала ее грабителям. Значит, их интересовали не золото и серебро драгоценного оклада, а живопись, которая имеет историческую ценность. Но кто у нас в стране мог похитить этот памятник древнего искусства? Как можно использовать его для личного обогащения? Несомненно, корни этого злодеяния уходят в те страны, где охотники за национальными сокровищами чувствуют себя привольно и процветают. Вот что подсказывало мне сознание. Мое подозрение окрепло, когда я убедился, что преступление было тщательно продумано и подготовлено, что оно было нацелено на одну определенную икону в Сионском соборе. Обычные грабители действуют не так.

Я попросил судебного врача осмотреть шею сестры Антисы.

Мы продолжали с дотошной тщательностью изучать зал, ступеньки лестницы, ручки дверей, но ничего важного для следствия обнаружить не смогли. Только на ручке входной двери явственно оттиснулся след пальца, но и здесь предательская вязь отпечатков была упрятана в резиновую перчатку.

Преступник не может не оставить следов — это аксиома криминалистической науки. Но для того, чтобы эти следы обнаружить, надо долго искать, искать терпеливо и внимательно, — так учили меня мои наставники, когда я осваивал избранную мною специальность. И я нередко повторял эту заповедь своим помощникам. Сегодня я беспрестанно повторял ее про себя и снова и снова обследовал каждую пядь храма. Кажется, уже ничего не осталось, что бы мы не оглядели, не обнюхали по нескольку раз. Но ничего нового не находилось. Не было никаких обнадеживающих признаков. Однако я продолжал верить и надеяться, что мы где-то близко от цели. Верил, потому что вера и убежденность — основные помощники в следственном деле. Надо верить в победу, в то, что ни одно преступление не останется нераскрытым, ни один преступник — без наказания. И я верил. Хотя, если говорить честно, никаких реальных оснований для этого у меня не было.

Я нарочно отгонял мысли о трамвайном билете. Что он мог сказать следствию? Если даже его действительно обронили преступники, мало ли сегодня на рассвете ехало тем же трамваем, где продали этот билет, рабочих и служащих, честных советских тружеников?..

Врач осматривал монахиню внимательно и, как мне показалось, излишне долго. Он поворачивал стонавшую женщину то туда, то сюда, изучал шею спереди, потом затылок. Он подозвал эксперта, они о чем-то посоветались и снова стали исследовать измученную Антису — теперь уже вдвоем.

— О чем говорят синяки на шее? — спросил я, подходя к ним.
— Резиновые перчатки и здесь путают картину. Но все же удалось набрести на одну интересную деталь.

«Интересная деталь» — два этих слова согревают душу каждого следователя.

— В чем дело? — я не скрывал нетерпения.

— Один из преступников — левша. К тому же, на правой руке у него не хватает среднего пальца, — объяснил эксперт и поднял голову покорной и окончательно обессилевшей Антисы. — Взгляните. Как видите, левая часть шеи пострадала больше правой. Кровоподтеки от пальцев здесь выражены сильнее. Известно, что преступник напал на женщину сзади, об этом же говорит направление синяков. Следовательно, на левую сторону шеи приходилось усилие левой руки. — Эксперт осветил фонариком шею безропотной монахини и продолжал: — Поскольку левая рука нападавшего совершала сдавливающее усилие сильнее правой, значит он левша. Это первое обстоятельство. Теперь обратите внимание на количество пальцев... — Все присутствующие с неослабным интересом следили за логическими построениями эксперта. Я не мог отвести глаз от шеи Антисы, на которой подтеки отпечатались ясно, как на наглядном пособии по криминалистике. Слева толстыми синими пиявками виднелись следы трех пальцев. Вслед за отпечатком большого пальца четко виднелся след указательного, а потом там, где должен был быть средний палец, синяка не было видно.

Таким образом, мы получили первые сведения о преступнике, с которым имели дело. Я повторил про себя: он — левша, а на правой руке у него не хватает среднего пальца.

2

Когда мы вернулись в свой отдел, было уже совсем светло. Я написал подробную докладную записку на имя начальника и оставил ее оперуполномоченному для передачи. Ровно в девять часов я снова вышел из здания и направился в трамвайное управление. Я не могу успокоиться, пока не узнаю, когда и в каком вагоне был продан найденный нами трамвайный билет.

В управлении я встретил своего старого знакомого, бывшего работника милиции. Теперь он был здесь начальником. Расспросив с интересом об обстоятельствах дела, он сразу же вышел из комнаты.

Мне пришлось прождать его около часа. Наконец дверь кабинета открылась, и вошел начальник управления вместе с незнакомым мужчиной средних лет. На куртке у него висел широкий пояс с сумкой, полной денег и билетных рулончиков.

— Вот и он! — воскликнул мой знакомый и сел в кресло. Он выглядел таким довольным, словно привел мне самого преступника, связанного по рукам и ногам. Я догадался, что передо мной был кондуктор того вагона, которым я интересовался.

Начальник управления указал кондуктору на стул и обернулся ко мне:

— Билет продан сегодня утром, на первом выезде. Маршрут трамвая проходит между вокзалом и площадью Свободы. Видно, они доехали до площади, а дальше пошли пешком...

— Видно, так, — подтвердил я к большому удовольствию моего добровольного помощника, не отводя в то же время глаз от кондуктора, который сидел неподвижно, с растерянным и недоумевающим видом. Он испу-

ганно моргал глазами и вообще выглядел так, словно боялся произнести хотя бы одно слово.

— Товарищ знает о нашем деле? — спросил я.

— Нет, он ничего не знает. Я в управлении узнал, за ним числится рулон с интересующим нас номером. Значит, этот товарищ, — он указал на кондуктора, — и продал тот самый билет. Я его снял с маршрута, вы-звал сюда. Вы можете побеседовать здесь, — он встал, подмигнул мне и вышел из комнаты.

Кондуктор окончательно растерялся. Он, кажется, хотел что-то ска-зать, но, словно испугавшись своего голоса, замолк и лишь потер ладонью затылок и пылающие, как маков цвет, уши.

— Мы беспокоили вас, так как наше дело не терпит отлагатель-ства, — сказал я и успокоительно улыбнулся.

Кондуктор постарался улыбнуться в ответ.

— Что вы, что вы! Если только могу чем-нибудь... приказывайте... — Он наконец решился прямо посмотреть на меня и, собравшись с духом, спросил: — А вы... откуда будете?

— Я из следственного отдела Уголовного розыска, — ответил я и протянул ему трамвайный билет, наклеенный на кусок толстого картона. — Значит, этот билет продан вами?

Он посмотрел на номер билета, достал из сумки какую-то сложенную в длину бумажку и, сверившись с ней, ответил:

— Да, этот билет мой, продан на первом обороте. — Чувствовалось, что он постепенно приходит в себя, и в глазах его даже загорелся огонек любопытства.

— Отлично, — я протянул ему коробку с папиросами. — Скажите, пожалуйста, в котором часу вышел ваш вагон из парка?

— В четыре с чем-то. — Он осмелился взять папиросу.

— На рассвете, наверно, народу бывает не очень много?

— Как когда.

— Сегодня, например.

— Сегодня было совсем мало.

— Очень хорошо. — Меня почему-то обнадежил положительный от-вет кондуктора на этот, в общем-то не очень важный, вопрос. — Может быть, вам запомнился кто-нибудь из пассажиров первого рейса, — внеш-ностью или, скажем, одеждой, или еще чем-либо? — спросил я в откры-тую.

Он задумался, поморщил лоб и сказал:

— Если бы я знал, кого вы ищете — женщину или мужчину, какой он из себя — может и припомнил бы что-нибудь, — кондуктор смущенно посмотрел на меня и улыбнулся. — Хотя, наверно, этого нельзя гово-рить — тайна. — Он колебался, словно хотел что-то добавить, но я пре-рвал его:

— Может быть, вы заметили в вагоне кого-нибудь из знакомых пас-сажиров, которые ездят до площади Свободы? — Я смотрел ему прямо в глаза и увидел, как в них промелькнула искорка радости.

— Да, да, вспомнил. — Кондуктор посмотрел на потолок, прищу-рил один глаз, словно все это должно было помочь ему припомнить все подробности, и облегченно вздохнул. — Помню, до площади Свободы до-ехали одна женщина и четверо мужчин. На женщине было черное паль-то, похоже — бархатное, и белая шаль.

— Женщина в белой шали, — отметил я.

— Так точно, в белой шали.

— Может, был и мужчина?

— Я ведь доложил, что было еще четверо мужчин. Но женщина до-
ехала до конца, это я помню точно. Красивая, с привлекательным
такую женщину нельзя не запомнить.

«Красивая, с привлекательным лицом», — так говорила и Антиса.
Но белая шаль? Может, под белой шалью была спрятана черная косынка?
Опытные, предусмотрительные преступники так бы и сделали, — подумал я и снова обратился к кондуктору:

— Что вы можете сказать о мужчинах?

— Один из них, кажется, поднялся в вагон возле Дома правитель-
ства. На площади он не сошел и вернулся обратно, до вокзала.

— А остальные?

— Остальные сошли на последней остановке.

— Потом?

— Потом? Перешли Пушкинскую. А дальше я уже не видел. Не
знал, что это может понадобиться.

— Вы не можете вспомнить, где они сели?

— По-моему, на углу проспекта Плеханова и улицы Жореса.

— Женщина и трое мужчин сели в вагон вместе?

— Да, поднялись все вместе. Но в вагоне было пусто, и они сели по
одному. И всю дорогу словом не перекинулись.

Сердце громко стучало у меня в груди — так бывало, когда я напа-
дал на след. И сейчас я был убежден: это они, точно они — поднялись в
вагон вместе, вместе вышли. Но почему они молчали? И это понятно —
шли по одному делу, соблюдали осторожность.

— Не можете ли вы припомнить внешность хотя бы одного из
них? — спросил я с окрепшей надеждой.

— Одного из них?.. Я часто видал его, да и вы, верно, знаете, он вы-
ступает в цирке, в хоре. Помните, огромный такой, он поет и пляшет, у
него еще весь лоб закрыт кучерявым чубом...

— Помню, конечно, помню, — воскликнул я, не в силах сдержать
радость. Хотя, правду говоря, в этом сезоне я в цирке не бывал и выступ-
лений хора не слышал.

— Вот он и был одним из них. Я сначала не обратил на него внима-
ния, но потом, когда он полез за деньгами в карман и расстегнул пальто,
тогда я и узнал его.

— Почему вы обратили внимание на него именно тогда?

— Меня заинтересовала подкладка пальто, — снаружи было паль-
то как пальто, но изнутри оно блестело, словно дождевой плащ, — разго-
ворившийся кондуктор потянулся за второй папиросой. — Потому и обра-
тил я внимание на него. Сначала думал — иностранец какой-нибудь, но
потом увидел кучерявый чуб, спадающий на глаза, и сразу узнал.

— Я знаю, о ком вы говорите. Он нас не интересуется, — сказал я.
Мне хотелось скрыть свою радость, не показать кондуктору, как ценны
сведения, сообщенные им. Иначе он мог разболтать их где-нибудь — я
уже заметил в нем склонность к болтливости — и спутать нам все карты.
Просто так, похвастался бы среди товарищей, вот, мол, я каков. А потом...

Двустороннее пальто! Черная блестящая подкладка! Перед входом в
храм вывернул пальто наизнанку — и все!

Все сходилась: долговязый мужчина, и женщина в черном, и то, что
они вместе пересекли Пушкинскую. Трое мужчин — так и должно было
быть: двое зашли в храм, а третий остался караулить снаружи.

— Мы интересуемся совсем другими людьми — их двое, и никакой
женщины с ними не было. Да и внешне они должны выглядеть совсем по

иному. — я завершил разочарование кондуктора. — К тому же, зашли, что они не знали друг друга...

— Да, действительно, за всю дорогу — ни слова.

— Так что извините нас за беспокойство. — Я встал и протянул ему руку. Мне не терпелось пойти по горячему следу. Кондуктор пытался сказать еще что-то, но я пожал ему руку и взял с аппарата телефонную трубку. Он пошел к двери.

3

Как только я вернулся в отдел, меня вызвал заместитель начальника управления. Мы с ним знакомы давно, видали на своем веку немало всякого рода преступлений — убийств, грабежей, похищений — но я никогда не видел его таким взволнованным.

— Где вы столько времени? — нетерпеливо проговорил он, увидев меня, и посмотрел так сердито, словно именно я был соучастником ограбления Сионского собора. Я не ждал такого приема и молча стал у двери. Должно быть, на моем лице откровенно выразилось недоумение.

— Три раза звонили из ЦИКа от самого председателя. Просят материалы по делу об иконе. Эти люди, наверно, считают нас ясновидящими — только поступил сигнал о происшествии, — бац, сразу: «Представьте материалы!» — он испытующе посмотрел на меня. Заметив выражение моего лица, он растерянно замолк, потер ладонью высокий лоб, взъерошил выющиеся волосы. — Не мог я идти к председателю один, когда только вы в курсе дела. А они звонят и звонят... — Он развел руками, словно извиняясь за резкое и столь непривычное в его устах: «Где вы столько времени», которым он меня встретил.

Я подошел к его столу. Он поднял ладонь:

— Нет, нет. Ничего не хочу слушать. Нет времени. Бегите в парикмахерскую, побрейтесь, почистьте сапоги и тотчас же явитесь ко мне. Надо немедленно идти.

— Куда?

— Я ведь сказал, — нас вызывает председатель ЦИКа.

...По дороге в машине я успел сообщить ему обо всем, что знал. Он молча выслушал рассказ, потом хлопнул меня по плечу — здорово, мол, — и сказал:

— Ну, какое время сейчас ехать туда! Каждая минута дорога, надо помешать вывезти икону из Тбилиси, не то...

— Ни одна минута не теряется зря, — успокоил я его. — Мои ребята ищут преступников по всему городу.

Продолжение следует

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ

Крылья творчества

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Статья первая

Вот уже пятый месяц — с середины декабря прошлого года — в нашей стране идет большой и серьезный разговор о судьбах и путях развития советского искусства и литературы. Встречи в Кремле, убежденное и страстное выступление Никиты Сергеевича Хрущева уже сыграли огромную роль в жизни всей советской художественной интеллигенции, побудив каждого из нас, независимо от опыта, возраста и сферы творческой деятельности, еще глубже и острее осмыслить основные принципы и само направление этой деятельности. Выступления и беседы на высоком кремлевском форуме в одинаковой мере доказали две взаимосвязанные, исторически сложившиеся истины: в той же мере, в какой является абсурдной и бесплодной идея «сосуществования» социалистической и буржуазной идеологии, в той же мере марксистско-ленинское мировоззрение, философия и эстетика социалистического реализма обеспечивают внутреннее многообразие и богатство искусства, служат надежной основой для художников различных эмоциональных, вкусовых и стилевых пристрастий, при твердом условии, что они вдохновлены коммунистическими идеалами, тесно связаны с жизнью народа, творят для народа и во имя народа. Об этой характернейшей для советского искусства взаимосвязи между единством его идейных основ и многообразием творческих интересов советских художников прекрасно сказал Никита Сергеевич Хрущев: «Если борьба за идеалы коммунизма, за счастье своего народа является целью жизни художника, если он живет инте-

ресами народа, его думами и чаяниями, то какую бы тему он ни брал, какие бы явления жизни ни отображал, его произведения будут отвечать интересам народа, партии и государства».

Но любая теория и любые принципы мертвы, если они не связаны с историческим процессом, если они оторваны от своего времени, если они не проникнуты духом времени. И вряд ли найдется в мире человек — друг ли, враг ли советского искусства, — который на вопрос — что же определило дух времени, воодушевивший ныне наше искусство, — не ответил бы — XX съезд КПСС. Съезд, который, если применить знаменитые строки Маяковского, «заставил сиять заново величайшее слово — Партия». Съезд, который каждому из нас и всем нам вместе, если опять-таки сказать словами Маяковского, помог «себя под Лениным чистить, чтобы плыть в революцию дальше»... Нужно ли удивляться, какое подлинное обновление, какой новый расцвет всего советского искусства стимулировали XX и продолживший его работу, неразрывно с ним связанный, удививший великую Программу КПСС, — XXII съезды партии? Мне кажется, что сегодня, когда вопросы высокой идейности и художественного мастерства, как великой силы советской литературы и искусства, вопросы ответственности художника перед народом поставлены с такой неутомимой последовательностью и принципиальной остротой, этот дух времени, дух исторической работы, проделанной нашей партией за последние годы, должен владеть всем нашим существом,

всеми нашими мыслями и чувствами, ибо он и есть бессмертный дух Великой Октябрьской революции. Известно, что находятся за рубежом охотники спекулировать на трудностях, которые мужественно преодолел наш народ в период культа личности. Но только невежде или заведомому лжецу придет в голову отрицать преемственность идей Октября, ленинских идей в жизни и борьбе советского народа, в том числе и в жизни советской художественной интеллигенции. Только верхогляду или недобросовестному политикану взбредет в голову отрицать успехи и достижения революционной литературы, на заре которой возвышаются огненные имена Горького и Маяковского. Блока и Аветика Исаакяна, Павло Тычины и Янки Купалы, Галактиона Табидзе и Егеше Чаренца. А бурный рост, мужание и зрелость которой связаны с замечательными творениями советских мастеров слова старшего поколения!

Но вместе с тем как не заметить того обновления и нового творческого взлета, которые испытали советская литература и искусство за последние годы! В той же мере, в какой порочен и опасен нигилизм по отношению к подлинным завоеваниям советской культуры в тридцатых, сороковых и пятидесятых годах, в той же мере опасен и порочен нигилизм и скептицизм по отношению ко всему тому лучшему, что было создано и создается у нас после XX съезда. Никита Сергеевич Хрущев, говоря о соотношении искусства и действительности, подчеркнул, что «каждое, даже самое хорошее дело имеет свои темные стороны... Все дело в том, как подходить к жизненным явлениям и с каких позиций их оценивать. Как говорят, что ищешь, то и находишь». Мне кажется, эти слова можно применить и к оценке критикой явлений литературы и искусства. Есть у нас еще, к сожалению, люди, которые в литературе и искусстве последних лет не хотят видеть ничего хорошего, ищут только дурное и поэтому находят только его. Такой же нигилизм и скептицизм звучит кое у кого и в оценке сегодняшнего состояния грузинской литературы и изобразительного искусства. Хотя бы не хотят того подобного рода скептики, они демонстрируют явное непонимание или недопонимание благотворного влияния на развитие литературы и искусства исторических процессов, происходящих в нашей стране. У этого вопроса есть еще одна важная сторона. Мы помним, как четко и ясно ответил тов. Ильичев еще на декабрьской встрече на Ленинских горах писателям, выразившим опасения, не могут ли воскреснуть некоторые методы недавнего прошлого, осужденные партией. Было ясно сказано и доказа-

но, что для таких опасений оснований нет. И действительно, раз нет оснований для таких опасений, то в той же мере нет оснований радоваться теоретическим и литературным носителям догматических и вульгаризаторских взглядов — им не повернуть вспять великое искусство социалистического реализма, не воскресить отжившие догмы и схемы, навсегда осужденные и похороненные партийными методами и триумфы критики. Идеи Октября, идеи Ленина, пафос великих пятилеток, героический дух Великой Отечественной войны, мудрая и честная правда, провозглашенная XX и XXII съездами КПСС, — неодолимы, непобедимы. И пусть любого рода защитники как формализма, так и догматизма твердо запомнят слова тов. Ильичева:

«Всякий непредубежденный человек понимает, что критика формализма и абстракционизма — это не амнистия натурализма».

Нет, отношение к плоскому, бескрылому натурализму остается неизменным. Надо лишь предостеречь от попыток под видом борьбы с натурализмом бить по художникам-реалистам, равно как обвинять в формализме людей, занятых поисками новых форм в реалистическом искусстве. Ведь сама природа социалистического реализма — в исканиях нового, художественно красивого, жизненно верного, осмысленного с позиций коммунистического мировоззрения».

Как известно, этой весной в Тбилиси состоялось два совещания деятелей идеологического фронта — республиканское совещание работников литературы и искусства и совещание идеологических работников республик Закавказья, на котором с докладом «Об идеологической работе партийных организаций» выступил член идеологической комиссии при ЦК КПСС, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по кинематографии, министр СССР А. В. Романов; доклад первого секретаря ЦК КП Грузии тов. В. П. Мжаванадзе на первом из совещаний содержал взволнованный рассказ о встрече в Кремле, развернутую оценку положения дел у нас в республике. Любого участника этих совещаний не могла не обрадовать и обстановка исключительной доброжелательности, любви к искусству и литературе, заботы о них и то абсолютное единодушие и искренность, с которой грузинская интеллигенция участвовала в совещаниях, приняла к руководству и действительно указания партии. Не оказалось ни одного человека, который прямо или косвенно взял бы под защиту формализм или натурализм, субъективистскую эклектику или вульгаризаторский догматизм, старался бы подчер-

нуть славный путь, пройденный советским искусством и литературой даже за самые трудные годы в жизни нашей страны. Сопевания еще раз доказали, что грузинская интеллигенция была, есть и будет с партией, с народом, была, есть и будет верным помощником партии, достойным борцом за счастье народа.

А что касается нового, то оно, конечно, не могло бы родиться иначе, как на крепчайшей основе уже существовавших достижений, с одной стороны, и в результате преодоления былых ошибок и недостатков — с другой.

Нечего скрывать, отнюдь не безоблачным было небо грузинской литературы и искусства в первое послевоенное десятилетие. Грузинское киноискусство было почти парализовано; в изобразительном искусстве стал укреплять свои позиции парадно-помпезный, ходульно-схематичный стиль (своеобразная помесь псевдоклассицизма и натурализма); ветераны грузинской прозы и драматургии или обращались к исторической тематике или годы отдавали переработке и доработке давно созданных или начатых произведений, правда, порою очень значительных; литературная критика в большой мере подпала под влияние догматических и вульгаризаторских концепций. Разве мы можем забыть, что в начале пятидесятых годов была предпринята чудовищная попытка развенчать и принизить творчество гения грузинской литературы Важа Пшавела?

Но вот приблизилась середина пятидесятых годов. Мы помним, какой подъем пережило тогда все советское искусство. Воскресли преданные анафеме и забвению — но не народом, не подлинными друзьями, не знающими хотя бы малую долю горькой правды читателями и зрителями — имена больших и благородных художников — Чаренца и Джавахишвили, Сейфуллиной и Бакунца, Мивитенко и Курбаса, Мейерхольда и Бабеля, Ахметели и Оцхели, Тициана Табидзе и Паоло Яшвили. А сколько незаслуженно замалчиваемых или несправедливо осуждаемых художников вновь стали близкими народу, получившему, наконец, возможность неизмеримо глубже пообщаться с искусством Есенина и Цветаевой, Кончаловского и Сарьяна, Корина и Кагабадзе, Гудиашвили и Машкова, Эйзенштейна и Довженко, Андрея Платонова и Юрия Олеши. А разве не знаменательно, что именно тогда, после четвертьвекового перерыва, получили сценическое воплощение такие вершинные произведения советской драматургии, как «Клоп» и «Баня» Маяковского, что была опубликована и поставлена «Золотая карета»

Леонова, что уже после смерти Довженко удалось воплотить на экране то задуманные им «Поэму о Пастернаке» и «Повесть пламенных лет», что, наконец, благодаря специальному постановлению ЦК КПСС были исправлены ошибки, допущенные в прошлом в оценке выдающихся композиторов нашего времени, — Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна. А что дало это постановление народу — общеизвестно. Достаточно назвать постановки давно созданных, но впервые исполненных и воплощенных опер Прокофьева — «Война и мир», «Семен Котко», «Повесть о настоящем человеке», «Обручение в монастыре» или исполнение Четвертой симфонии Шостаковича. А разве не в новой атмосфере, созданной партией, оказалось естественным и закономерным всемирное празднование юбилеев Важа Пшавела и Андрея Рублева? А «вторая молодость», которую принесла эта пора испытанным и давно известным мастерам — Твардовскому и Федину, Ахматовой и Леонову, Асееву и Луговскому, Заболоцкому и Казакевичу, И. Абашидзе и С. Чиковани, Межелайтису и Леонидзе?

Если же вернуться к явлениям и фактам грузинского искусства, то как не отметить новый расцвет грузинского балета, связанный с последними работами выдающегося хореографа современности Вахтанга Чабукяни, грузинской оперы («Миндия» Тактакишвили, «Десница великого мастера» Мшвельдзе, «Невеста Севера» Торадзе), грузинской балетной музыки («Отелло» Мачавариани), симфонической музыки (Балагчиадзе, Тактакишвили, Мшвельдзе), вокально-симфонического жанра и т. д. Несомненны достижения грузинского театра. Ведь успех, который выпал на долю грузинского театра и во время декады грузинского искусства в Москве и во время недавних гастролей театра имени Марджанишвили — это успех закономерный и заслуженный. Давно не получало такого широкого признания и грузинское кино, вновь завоевавшее ныне всемирную славу. Грузинская живопись и скульптура, графика, прикладное искусство и керамика вступили в полосу нового подъема.

Особо хочется сказать о большой творческой активности писателей и деятелей искусства русской, армянской и других национальностей, живущих и работающих в Тбилиси. Общеизвестен высокий профессиональный уровень тбилисского театра армянской драмы. Книги Б. Сейраняна, М. Карамяна, Ц. Торгомяна и других занимают видное место в современной армянской литературе. Э. Фейгин — русский прозаик с большой всеосязной аудиторией, автор талантливых повестей и романов.

Его новая книга «Мальчик пляшет под дождем», по моему глубокому убеждению, одно из ярких явлений русской советской прозы последних лет. Мне бы хотелось назвать здесь и имена русских литераторов разных поколений, работающих в Тбилиси. — В. Эльснера, А. Кузьмичева, М. Лохвицкого, Г. Бебутова. С Грузией связана творческая работа замечательного художника Кирилла Зданевича — одного из «первооткрывателей» Нико Пиросмани.

Его смелые и оригинальные пейзажи и натюрморты — воплощение ясного и радостного видения мира во всей его многокрасочности, свидетельство здорового и гармонического склада души. Очень разнообразно по жанрам творчество Г. Григорьяна — великолепного мастера, подлинного певца Тбилиси. Напряженный драматизм его искусства особо сказался в его строгих и психологически глубоких портретах, в том числе в портретах выдающихся деятелей грузинского, армянского и русского искусства и литературы.

Но, пожалуй, самое большое «чудо» произошло с молодежью: Здесь нет, разумеется, никакой возможности перечислить имена всех тех ярко одаренных молодых мастеров пера, кисти, резца, экрана, театра, которые широким потоком влились в океан советского искусства. Очень наглядным оказался этот процесс в Грузии.

Я скажу здесь лишь о некоторых общих отличительных признаках работы молодежи. Это, во-первых, многожанровость творчества ряда молодых писателей. Все чаще поэты вторгаются на «территорию» прозы (А. Сулакаури, Т. Чиладзе, Л. Мрелашвили), поэты же и прозаики осваивают области драматургии и кинодраматургии (первым тут подал пример уже ставший «маститым» Р. Джапаридзе, а вслед за ним «завоевали» кино и театр Н. Думбадзе, А. Сулакаури, О. Иоселиани, М. Элиошвили). Все чаще молодые поэты и прозаики «отбивают хлеб» и у нас — критиков и литературоведов. Как никогда укрепилось сотрудничество молодых мастеров, работающих в разных областях искусства, — писателей, художников, кинематографистов, театралных деятелей, композиторов. Это сразу же сказалось в бурном развитии книжной графики — так, например, иллюстрации Д. Эристави, Р. Тархан-Моурави, Т. Мирзашвили, Д. Нодия, З. Нижарадзе, З. Церетели, Д. Лолуа, Э. Мосева и других стали неотъемлемой частью целого ряда произведений грузинской литературы. Что касается кинематографа, то многие лучшие достижения грузинского кино последних лет явились результатом творческого сотрудни-

ства молодых режиссеров и сценаристов («Чужие дети» — Т. Абуладзе и Р. Джапаридзе, «Я, бабушка, Илик и Илларион» — Т. Абуладзе, И. Илик, Думбадзе, «Под одним небом» — И. Гогоберидзе и А. Сулакаури и т. д.). В театре сотрудничество режиссера Г. Лордкипанидзе и писателя Н. Думбадзе привело к созданию таких двух ярких спектаклей театра имени Марджанишвили, как «Я, бабушка, Илик и Илларион» и «Я вижу солнце».

Особо счастливая (и вполне заслуженная) судьба выпала на долю повести Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илик и Илларион». Она прозвучала как талантливое произведение прозы, получила интересную сценическую жизнь в постановке Г. Лордкипанидзе и уже вышла на мировой экран, воплощенная кинорежиссером Т. Абуладзе и оператором Т. Калатаозишвили. О резонансе этого произведения хорошо говорят отзывы на спектакль театра имени Марджанишвили, показанного на гастролях в Москве.

Кстати, мне хочется поделиться впечатлениями об одном чрезвычайно интересном и знаменательном явлении, свидетелем которого мне пришлось быть весной прошлого года в Москве.

В день поэзии, который ежегодно проводится в Москве, я с радостью увидел, какой популярностью пользуется у самых взыскательных любителей стиха — москвичей — лирика Галактиона Табидзе и Георгия Леонидзе, Симона Чиковани и Ираклия Абашидзе, Тициана Табидзе и Анны Каландадзе, Мухрана Мацавариани и Тамаза Чиладзе и многих других грузинских советских поэтов. Их стихи звучали с импровизированных подмостков, а их поэтические сборники раскупались в книжных лавках и магазинах. А вот в центре Москвы, в Манеже, на Всесоюзной художественной выставке особое внимание посетителей привлекли работы молодых грузинских художников — хороших и разных — Тенгиза Мирзашвили и Гурама Кутателадзе, Эдмонда Каландадзе и Вахтанга Ониани, Зураба Нижарадзе и Динары Нодия, Гоги Тотибадзе и других. А рядом, в Большом театре, с успехом прошла премьера балета Андрея Мелитоновича Балачивадзе «Страницы жизни», в театре имени Пушкина шла пьеса Георгия Мдивани о героической Кубе «День рождения Терезы», оформленная Иосифом Сумбаташвили...

Кинообщественность Москвы в те же дни высоко оценила работу молодых грузинских кинематографистов — режиссера Ланы Гогоберидзе, оператора Левана Пааташвили, сценариста Арчила Сулакаури — авторов фильма «Под одним небом». В одном из лучших театров столицы — в «Современнике» —

режиссер Георгий Лордкипанидзе и художник Дмитрий Такаишвили работали над пьесой Хемингуэя «Пятая колонна». В Союзе же писателей СССР в те же дни на вечеру памяти Николая Заболоцкого шел разговор о его переводах грузинской поэзии.

Вот какие бывают знаменательные совпадения! Совпадение это, конечно, случайно, но, как часто бывает, в этой случайности ярко отразилась особая закономерность — ведь такое совпадение могло иметь место только в нашей стране, где взаимообогащение культур, дружба литератур и братская взаимосвязь искусств являются краеугольным камнем духовной жизни любой из свободных социалистических наций, сплоченных в единый и нерушимый Советский Союз. И, конечно же, подобные радующие сердце и наполняющие душу гордостью совпадения могли бы обнаружить в Москве и мои армянские или украинские, литовские или казахские коллеги.

В этом свете особое значение приобретает еще одна, так сказать, «организационно-творческая» сторона нашей литературной жизни, — усиление личных и творческих контактов, укрепление содружества молодых литераторов, в первую очередь поэтов — грузинских и русских. После 20-х и 30-х годов, когда с грузинской поэзией накрепко и навсегда подружились Тихонов и Пастернак, Заболоцкий и Антокольский, Державин и Кочетков, Светлов и Тарковский, после середины 40-х годов, которые сблизили с грузинской поэзией Межирова, Луконина, Максимова — чудесное это русско-грузинское поэтическое братство включило в свои ряды Снегову и Николаевскую, Гребнева и Солоухина, Винокурова и Соколова, Евтушенко и Ахмадулину, Юнну Мориц и С. Куняева, Окуджава и Новеллу Матвееву, Римму Казакову и Тамару Жирмунскую. В пределах этого содружества наметились и довольно тесные «пары» — Е. Николаевская и И. Снегова открыли русскому читателю Огара Челидзе и Арчила Сулакаури, Е. Евтушенко и Мухрана Мачавариани и Тамаза Чиладзе, Б. Окуджава — Шота Нишнианидзе, Вл. Соколов — В. Сулаберидзе, Ю. Мориц — Г. Гегенчори и т. д.

Грузинские переводы Беллы Ахмадулиной, например, — это одно из самых больших явлений сегодняшней поэзии. Галактион Табидзе, Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе, Анна Каландадзе — какую чудесную «вторую жизнь» обрела лирика этих поэтов на русском языке благодаря ее переводам.

Да, трудно переоценить не только художественно-эстетическое, но и общественно-политическое значение этого

третьего призыва в «службу братства и дружбы» наших литераторов.

Мне бы хотелось вынести здесь за скобки и ряд глубоких, я бы сказал, «сквозных идей», которые определяют пафос творчества деятелей грузинской литературы и искусства. Это, во-первых, глубокие раздумья о назначении искусства, об идеалах и верованиях художника, о партийности и народности литературы и искусства.

Как бы высоки ни были твои идеалы и священны твои цели, они всегда должны быть плодом и венцом неусыпной мысли и неослабной страсти, духовного горения и творчества. Вера твоя не должна застыть, превратиться в стоящую вне тебя святыню. Твоя идея всегда должна быть с тобой, в тебе, вечно живая и обновляющаяся. Правда народной идеи всегда должна быть и твоей личной правдой. В этом залог твоего единения с народом, твоего единения с партией — лучшей и высшей выразительницей народной правды. В этом залог народности и партийности твоего искусства. Вот какой, условно говоря, «лирический монолог» пронзает грузинская советская литература, грузинское искусство устами своих лучших представителей.

И несколько слов еще об одной важнейшей «сверхзадаче», воодушевляющей всех передовых мастеров грузинской литературы и искусства, — это глубоко выношенная мысль о том, что коммунизм является высшим выражением и завершением сокровеннейших национальных чаяний народов, что идеи коммунизма — это закономерное завершение лелеемой каждым народом, всем человечеством мечты о лучшем и достойном человека будущем, что коммунизм — это, как подчеркивал еще Маркс, высшая форма гуманизма, «завершенный гуманизм», истоки которого уходят в глубочайшие глубины исторической жизни всех народов и всех стран. И не случайно ведь в Программе КПСС подчеркнуты и выдвинуты на передний план такие общечеловеческие понятия, которые в конечном итоге всегда являлись заветнейшей мечтой и высочайшей целью жизни и борьбы каждого народа, трудящихся масс, передовых людей, лучших умов всех стран мира — **Труд, Мир, Свобода, Равенство, Братство и Счастье!** Ведь не случайно моральный кодекс коммуниста, с такой философской глубиной, научной четкостью и поэтической яркостью сформулированный в Программе, является не чем иным, как «простыми нормами нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались» и которые «коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между

отдельными лицами, так и в отношениях между народами», ибо «коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие и моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками» (Программа КПСС). Хлебопашцы и войны, ученые и поэты прошлого не знали, разумеется, каким именем будет названо будущее счастливое человеческое общество, они не могли предвидеть конкретных и реальных очертаний этого грандиозного грядущего строения, но Шекспир и Гёте, Руставели и Данте, Низами и Навои, Пушкин и Шевченко, Толстой и Сервантес, Байрон и Гюго, Гейне и Петефи, Ахундов и Абовян, Райнис и Абай, Лермонтов и Бараташвили, Некрасов и Чавчавадзе, Налбандян и Раффи, Беранже и Церетели, Ду-фу и Рабиндранат Тагор, Уитмен и Важа Пшавела и многие, многие другие, лучшие из лучших выразителей народных дум и чаяний всегда верили, что настанет время, когда восторжествуют Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье для всех людей на земле, для всех народов.

Великий классик грузинской литературы, вождь грузинской революционной демократии и национально-освободительного движения Илья Чавчавадзе еще в середине прошлого столетия сложил пророческие строфы об этой долгожданной поре:

...Настанет день, и на земле жестокой
Вражда и скорбь исчезнут без следа
И утвердится светлый мир труда
Во всеоружьи истины высокой.
...Вернув земле утраченный покой,
Свободный труд изгонит тунячество.
И уж не будут праздною болтовней
Слова: свобода, равенство и братство.

Разве не поразительна эта переключка строк столетней давности с нашими сегодняшними планами, раздумьями, предначертаниями ума и велениями сердца? А ведь примеры подобной переключки можно множить и множить.

Как видим, неплохие союзники у нас даже в прошлом. И, конечно же, каждый народ нашей великой страны с гордостью подойдет к порогу коммунистического будущего во всеоружьи как своей родной, так и интернациональной культуры, ничего не потеряв и не утратив из подлинных богатств всего своего предшествующего развития, своей культуры, своего языка, тесно сплотившись со своими братьями-современниками, но чувствуя также рядом с собой невидимую, но могучую армию «союзников» из прошлого, «вечных спутников» каждого народа и всего человечества.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что в таком понимании коммунизма диалектически взаимосвязаны как общечеловеческая, интернациональная его сущность, так и конкретно-национальные его гуманистические, народные и демократические истоки. Именно поэтому любое плодотворное расширение интернационального, общечеловеческого «сектора» в творчестве того или иного художника оказывается завоеванием и приобретением национальной культуры, расширяющим ее границы, а более глубокая целесообразная вспашка национальной почвы способствует надежному прорастанию семян культуры интернациональной.

Лучшим доказательством этому служат новые поиски и достижения грузинских писателей и деятелей искусства всех поколений, о чем мы уже говорили выше.

Но мне вовсе не хочется рисовать сегодня некую идиллическую картину полнейшего и всеобщего благополучия в грузинской литературе. Если есть рост, то есть и трудности роста. В данном случае я буду говорить не о ремесленнических поделках и литературной калитуре, не об элементарной бесталанности, которые нет-нет, но все же просачиваются на страницы наших журналов и газет, в книжную продукцию наших издательств. Я хочу говорить именно о трудностях роста, т. е. о недостатках самого литературного процесса.

Можно, конечно, только приветствовать углубление интереса грузинских писателей к духовному миру своих героев, их вкус к разработке проблематики, так сказать, морально-этической, но зачастую этот акцент делается за счет широты охвата многообразных пластов жизни, «бурение вглубь» не всегда сочетается с разработкой больших и сложных тематических участков. Согласен, что масштабы каждого данного произведения не могут вместить всю широту и многообразие жизни, но масштабы литературы в целом должны несомненно им соответствовать. И тут читатель вправе предъявить литераторам свой строгий и взыскательный счет.

И хотя грузинские писатели смогли преодолеть ту одиозную декларативность, которая окрашивала некоторые их произведения в недавнем прошлом, но читатель вправе ожидать от них большей боевой гражданственности, большей страстности и целеустремленности в работе, короче говоря, более активного отношения к миру. А наша литература порою слишком анемична и малокровна, пульс ее иногда недостаточно наполнен. Я понимаю, что в ряде случаев это своего рода реакция на процветающую некогда барабанную бод-

рость, но реакция не должна затягиваться, ритм сердцебиения художника должен быть в ладу с четким, сильным и напряженным ритмом наших дней.

Еще несколько лет тому назад молодой талантливый поэт Мухран Мачавариани мог сказать о себе и о своей теме в ясных и искренних стихах:

О партии впервые я пишу.
Я медленно пишу. Я не спешу.
Боюсь, что мне еще не по плечу,
Боюсь высокопарности. Хочу
В течение слов простом сказать о том,
Чем в жизни моей партия была,
Что мне она дала, чем помогла.

Но сегодня советскому поэту (я имею в виду, конечно, не только и даже не столько Мухрана Мачавариани), надо больше доверять своим силам, ему пора заговорить «во весь голос», понять, что высокие слов следует бояться лишь тогда, когда за ними не стоят высокие помыслы и чувства, что в литературе главное не проблема «высоких» или «простых» слов, а идейная — гражданская и человеческая — наполненность их. Поистине прав был один русский поэт, когда напомнил нам в своих стихах, посвященных Грузии, что слово «высокопарность» происходит от «высоко парить» и что она не страшна для убежденных в своей правоте людей.

Одна из реальных опасностей, которая подстерегает на этот раз преимущественно некоторых молодых грузинских поэтов, — это опасность таких понсков, когда поэт забывает об их цели и увлечен демонстрацией средств, якобы к ней ведущих. Процесс искания сам по себе никогда не был искусством в подлинном смысле этого слова. Искусство — это цель уже достигнутая, нечто уже найденное и обретенное. А некоторые молодые грузинские литераторы явно задерживаются на «полпути» к искусству, явно увлечены таким плетением образов, за которым пропадает и исчезает их собственное лицо, их человеческая и гражданская сущность, весь их внутренний мир, который только и может интересовать читателя. И получается так, что поэт сам попадает в сплетенные им же сети образов и ассоциаций. Читаяшь такие стихи и видишь высокую, непроходимую стену между поэтом и системой его образов, тщетно стараешься расшифровать отдельные знаки, чтобы

увязать строку со строкой, образ с образом, а его — с темой и общим смыслом стихотворения, да и вообще этого общего смысла даются нелегко и не всегда завершаются удачей. И уже нет радости — сил истрачено больше, чем обретоено ее.

Дает себя порою знать и соблазн мнимой объективности и беспристрастности художественного изображения, главным образом в прозе. Мне бы хотелось еще раз вспомнить тут слова Маяковского:

«Вопрос о беспристрастном показывании есть довольно сложный вопрос... Я вспоминаю рассказ, где говорится о том, как поп призывал присутствующую аудиторию бояться дьявола и говорил, что когда этот дьявол придет, он будет совращать гольми женщинами, золотом и вином. И тогда послышался из аудитории голос: о, хоть бы скорей пришел этот добрый господин! Я боюсь, чтобы это беспристрастное показывание не напоминало об этом скоро приходящем господине».

Вот что мне хотелось сказать в эти дни, когда весь широкий фронт работников советского искусства и литературы проверяет свою боевую готовность, укрепляя дисциплину ума и сердца, дисциплину труда, борьбы и творчества во имя народного счастья, во имя коммунизма.

И мне бы хотелось закончить свое выступление замечательными словами Никиты Сергеевича Хрущева, сказанными им во время недавней встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства: «Народ и партия глубоко заинтересованы в том, чтобы художественное творчество развивалось у нас в правильно направлении. Линия развития литературы и искусства определена Программой партии, которая обсуждалась всенародно и получила всеобщую поддержку и одобрение рабочих, колхозников, интеллигенции.

А как лучше и правильнее претворить эту линию в художественном творчестве, решает каждый из вас в соответствии с пониманием своего долга перед народом и особенностями своего таланта, своей художественной индивидуальности».

Можно не сомневаться, писатели и деятели искусства Советской Грузии имеют все основания заверить партию, что они всегда выполняли и впредь на совесть выполнят свой долг перед народом.

Акакий Белиашвили

Общественность Грузии отмечает 60-летие со дня рождения Акакия Белиашвили — одного из мастеров современной грузинской художественной прозы. Уйдя из жизни в пору расцвета своих творческих сил, он оставил богатое художественное наследие — десятки книг, повестей, рассказов и новелл, серию романов на современные и исторические темы, множество художественных очерков, киносценариев, публицистических и литературно-критических статей. Многогранная творческая деятельность А. Белиашвили, писателя, обладавшего исключительно широким кругозором и умением глубоко вторгаться своими произведениями в самые разнообразные сферы действительности, всегда находила отклик у широкого читателя. А. Белиашвили своевременно откликался на самые злободневные требования времени, на насущные идейно-эстетические запросы советских людей. Писатель умел придавать актуальное звучание своим произведениям и в тех случаях, когда воссоздавал картины далекого исторического прошлого нашей страны. Обостренное чувство современности, чувство нового никогда не покидало его, о чем бы он ни писал.

Превосходный мастер фабулы, стройной сюжетной композиции и занимательного повествования, он в совершенстве владел искусством создания живых, полнокровных человеческих образов, ярких характеров, умел воспроизвести колоритные бытовые картины, проникнуть в глубину духовной жизни своих персонажей.

Многообразие тематики естественно порождает в творчестве А. Белиашвили жанровое и стилистическое разнообразие, богатство изобразительных средств. С одинаковой силой проявлялся его щедрый талант во всех беллетристических жанрах — от исторических романов и

повестей до юмористических рассказов и художественных очерков, отличающихся публицистической остротой и четкой идейной целеустремленностью.

Глубокое знание предмета изображения, последовательность писательской позиции, высокие идейные и моральные критерии обуславливали торжество художественной правды в его творчестве, придавали искренность и непосредственность всему изображенному и рассказанному им. Свободный от всякой манерности, вычурности и искусственности, образный язык его произведений, мягкий, естественный, лаконичный стиль, обогащенный живой народной речью, обусловили исключительную популярность писателя, его лучших романов и повестей.

Светлым гуманизмом, беспредельной любовью к человеку, жизнеутверждающим оптимизмом пронизано все творчество А. Белиашвили. «Акакий Белиашвили был трубадуром достижений нашей эпохи, хотя в своих новеллах и рассказах он зачастую острой иронией хлестал порочных людей, не осознавших высокого долга современного человека и гражданина». — писал о нем старейший грузинский писатель Константинэ Гамсахурдиа.

«Романы и рассказы А. Белиашвили, — отмечал другой грузинский писатель Серго Квдиашвили, — чаруют простотой и светлым гуманизмом. В каждом его произведении чувствуется, как глубоко любит писатель свою страну, человека. Его взволнованные мысли всегда были обращены к Родине, ее прошлому, настоящему и будущему. Его замечательный роман «Бесики» сразу же полюбился читателю. Он снискал такую славу не только благодаря своим высоким художественным достоинствам, но прежде всего потому, что книга эта заставила нас глубоко призадуматься над

судьбами нашей страны. Это произведение надолго останется примером того, как должен писаться исторический роман, проникающий в народную душу.»

* * *

Анакий Ионович Белиашвили родился 24 апреля 1903 года в городе Чиатура, в семье горного техника. Детские и юношеские годы он провел в этом городе, являвшемся не только одним из важнейших промышленных центров, но и одним из крупнейших очагов пролетарского революционного движения в Грузии. На глазах будущего писателя прошли волнующие эпизоды самоотверженной борьбы чياتурских горняков на баррикадах первой русской революции, картины жестокой расправы и суровых репрессий, которыми ответила временно восторжествовавшая реакция на освободительную борьбу трудового народа. Вся жизнь города Чиатура первых двух десятилетий нашего века была пронизана атмосферой напряженных классовых боев. Это обстоятельство не могло не оказать благотворного воздействия на формирование мировоззрения и общественных идеалов будущего писателя, тем более, что отец его, сам писавший стихи и рассказы, работал в марганцевой промышленности, был тесно связан с рабочими-горняками и принимал активное участие в их революционной борьбе.

В 1913 году десятилетнего А. Белиашвили направляют в Кутаисскую грузинскую гимназию, бывшую в то время единственным во всей Западной Грузии средним учебным заведением, где преподавание велось на грузинском языке, а молодежь воспитывалась в духе патриотических и гуманистических идеалов.

Уже в ученические годы А. Белиашвили проявил стремление к литературному творчеству, писал рассказы и прозаические миниатюры, был инициатором и активным сотрудником ученических рукописных журналов. Вместе с другими способными молодыми литераторами он организовал в те годы издание печатного литературно-художественного журнала, отмеченного явным влиянием декадентских течений, нашедших широкое распространение в грузинской литературе предреволюционных лет.

Окончив курс гимназии в 1921 году, А. Белиашвили переехал в Тбилиси и, по настоятельному желанию родителей, в том же году поступил на горный факультет Закавказского политехнического института.

Как известно, 1921 год явился годом победы Социалистической революции и установления Советской власти в Грузии. Освободившись от многовекового

социального и национального гнета и навеки приобщившись к братской семье советских народов, Грузия выходила на широкую дорогу победоносного строительства новой жизни. Началась борьба за возрождение славных демократических и гуманистических традиций многовековой грузинской культуры, за создание новой литературы и нового искусства, созвучных требованиям революционной эпохи, активно участвующих в строительстве социалистического общества.

Процесс возникновения и формирования советской литературы в двадцатых годах в Грузии, как и во всех других республиках Советского Союза, протекал в обстановке острых идеологических боев, резкой дифференциации творческой интеллигенции, появления различных литературных течений и группировок, стоявших на противоположных идейно-эстетических позициях.

А. Белиашвили, как и другие его литературные сверстники, принял горячее участие в этой борьбе. Вступив в группу грузинских «лефовцев», он явился одним из организаторов этой группы, одним из авторов его литературного манифеста. Белиашвили помещал свои рассказы и новеллы в печатных органах этой группы, которая при всем своем искреннем стремлении к творческому сотрудничеству с победившей революцией и открытым претензиям на строительство социалистического искусства несла на себе печать идейно-эстетических заблуждений, столь характерных в те годы и для русского «лефа».

Вскоре однако А. Белиашвили оказался в числе первых и самых активных сотрудников начавшего издаваться в те годы первого грузинского советского литературно-художественного журнала «Мнатоби» («Светоч»), сыгравшего огромную роль в объединении всех дееспособных сил литературы и сплочения их вокруг задач строительства новой жизни. На страницах этого журнала было опубликовано его первое крупное беллетристическое произведение «Девять центров», приключенческий роман о поединке двух миров — революционного и реакционного. Роман пронизан был глубокой верой во всемирное торжество социалистической революции, в неизбежность крушения и гибели старого мира. Впрочем, у молодого писателя не хватало еще в ту пору мастерства и творческого опыта для глубокого художественного осмысления этой большой темы, весьма актуальной для двадцатых годов и широко распространенной в советской литературе тех лет. К тому же

автор в известной степени еще находился в плену формалистических заблуждений, препятствовавших правильному осмыслению и образному воплощению изображаемого в романе материала. И все же, несмотря на отмеченные слабые стороны романа, в нем отчетливо проявилась несомненная одаренность молодого, самообытного художника слова.

В середине двадцатых годов, после смерти отца, А. Белиашвили пришлось прервать учебу в институте. Несколько лет он работал на горнорудных предприятиях, непрерывно разъезжал по различным районам страны, по ее самым отдаленным горным уголкам. К этому прибавилось увлечение писателя альпинизмом, жажда изучения прекрасной природы родного края, участие в экспедициях по восхождению на неприступные горные вершины, которыми так богата Грузия. Все это временно прервало литературную деятельность А. Белиашвили, хотя нетрудно догадаться, что для наблюдательного и острого глаза молодого литератора эти годы не могли пройти бесследно и не обогатить его творческую биографию. Вырвавшись из узкого круга литературной среды, он вплотную столкнулся с жизнью, пристально изучал процессы глубоких преобразований, происходивших в те годы на селе и в городе, в каждом уголке страны, во всех сферах материальной и духовной жизни грузинского народа. Он знакомился и общался с людьми самых разнообразных профессий — с рабочими вступающих в строй новых промышленных предприятий, с крестьянами, с безтрудностей и сложных противоречий переходившими на рельсы социалистического хозяйства, с геологами, исполненными неутолимои жажды поисков новых природных ресурсов, с представителями технической интеллигенции, закладывавшей в те годы основы новых отраслей промышленности Грузии.

С большой пользой для своей будущей писательской деятельности поездил тогда А. Белиашвили и по крупнейшим индустриальным центрам России, жадно впитывая самые разнообразные впечатления, воодушевляясь пафосом созидания новой жизни.

Все это нашло яркое отображение в его творческой деятельности. В начале тридцатых годов, обогащенный огромным жизненным опытом и наблюдениями, окончательно освобожденный от влияния формализма, «вещизма» и других «лефовских» заблуждений, А. Белиашвили опубликовал подряд несколько книг рассказов и новелл, нискавших ему славу талантливого беллетриста.

В те годы грузинская литература находилась на новом большом идейно-творческом подъеме, обусловленном все-

мирно-историческими победами социализма и целым рядом важнейших событий в жизни всей многонациональной советской литературы. Ликвидация РАПП и всех других обособленных организаций в области литературы и искусства и Первый съезд советских писателей СССР продемонстрировали сплоченность всей писательской интеллигенции страны вокруг позиций Коммунистической партии и задач строительства социализма.

А. Белиашвили занял видное место в развитии грузинской литературы тех лет. С исключительной творческой активностью разрабатывал он самые разнообразные темы современности и исторического прошлого нашей Родины. Его повести, рассказы и новеллы тех лет в значительной мере обогащали грузинскую литературу новыми образами и темами, способствовали расширению ее тематического и жанрового диапазонов.

Роль и значение А. Белиашвили в развитии грузинской советской литературы особенно возросли в годы Отечественной войны, когда появилось его первое крупное художественное полотно — трехтомный роман «Бесики» («Жизнь Виссариона Габашвили») — одно из лучших произведений грузинской исторической романистики. Повествуя о самоотверженных, героических подвигах нашего народа в борьбе за жизнь и свободу Родины, об исторических корнях вековой дружбы и боевого единства русского и грузинского народов, эта книга живо перекликалась с чувствами и мыслями советских людей, с редким мужеством сражавшихся против фашистских полчищ.

Вслед за «Бесики» писатель опубликовал свой второй исторический роман — «Золотой шатер», за которым уже в послевоенное время последовала серия романов на самые актуальные темы современности: «Перевал», «Рустави» и «Швидкаца», а также множество повестей, рассказов, новелл, художественных очерков.

Наряду с напряженной и плодотворной творческой деятельностью А. Белиашвили принимал активное участие в работе писательских организаций, постоянно участвовал в руководящих органах Союза писателей Грузии, был членом редколлегий ряда литературно-художественных журналов, возглавлял некоторое время сценарный отдел киностудии «Грузия-фильм», сам писал сценарии, по которым поставлено несколько кинофильмов, руководил кинокомиссией Союза писателей Грузии. Часто выступал он на страницах республиканской и союзной печати с художественными очерками и острыми публицистическими статьями по актуальным проблемам советской литературы.

И во всем этом проявлялся не только

щедрый, многогранный талант писателя, но и благородное сердце и неутомимая энергия передового общественного деятеля и гражданина, беззаветного патриота нашей Родины, нашей социалистической культуры. За большие заслуги в развитии советской литературы А. Белиашвили не раз награждался орденами и медалями СССР. В последние годы жизни он побывал в странах народной демократии, в Западной Европе и в Америке. В результате этих поездок им были созданы художественные очерки. Живо, образно, увлекательно, с подлинным публицистическим пафосом переданы в них глубокое понимание важнейших процессов современной международной жизни, умение подметить и уловить главное, существенное в судьбе другого народа.

Преждевременная смерть прекратила кипучую творческую и общественную деятельность писателя. 14 декабря 1961 года, возвращаясь в Тбилиси из древней столицы Грузии — Мцхета, он стал жертвой автомобильной катастрофы.

* * *

До написания своего первого крупного произведения «Бесики» А. Белиашвили был известен как замечательный мастер лирических новелл, юмористических рассказов, небольших повестей, написанных на самые разнообразные темы современной жизни грузинского народа и его исторического прошлого. Остро задуманные и увлекательно развертывающиеся сюжеты его новелл и рассказов всегда передают дух изображаемой писателем эпохи. Живые человеческие образы и колоритные картины природы и быта необычайно органично «вписаны» в эту эпоху и составляют ее неотъемлемую часть. Автор многочисленных новелл, А. Белиашвили достойно продолжил и развил богатые традиции грузинской классической новеллистики, использовав творческие достижения в этом жанре своих старших современников: Нико Лордкипанидзе, Михаила Джавахишвили, Константинэ Гамсахурдиа, Лео Киачели.

Подавляющее большинство новелл и рассказов Белиашвили посвящено советской действительности. Однако в произведениях этих жанров он зачастую обращался и к событиям отдаленных эпох. Так, например, в новеллах «Сказ о Руставели» и «Потерянная книга» рассказано о том, как любовно и заботливо сохранил народ бессмертную поэму Руставели, спас ее от опустошительных вражеских нашествий, стихийных бедствий и преследований клерикалов.

К этому же циклу принадлежит и новелла «Сумерки любви», относящаяся к более близкой нам эпохе, в которую жил и творил великий грузинский поэт-

романтик Николоз Бараташвили. Сквозь призму романтической грусти дан в новелле полный обаяния и чарующей женственности образ Екатерины Чавчавадзе. С мягким, задумчивым лиризмом описывает автор переживания своей героини, роняющей горькие слезы на книжку стихов Бараташвили, пламенно любившего ее когда-то и посвятившего ей ряд своих лирических шедевров.

Высокие гуманистические принципы писателя в значительной степени определили эмоциональность его произведений, глубину психологической характеристики героев. И там, где необходимо было в рамках небольшого рассказа в лаконичной и сжатой форме обобщить существенные, а порою и сложные социальные проблемы, эти качества писателя становились особенно ценными. Весьма характерен в этом отношении рассказ «Помешанный», в котором автор описывает беспросветную жизнь дореволюционной грузинской деревни.

В целом ряде своих рассказов А. Белиашвили изображает жизнь грузинского народа в годы кратковременного господства меньшевистских правителей, когда страна была охвачена пламенем гражданской войны, самоотверженной борьбой трудового народа за свержение меньшевистской диктатуры и установление Советской власти.

Обаятельный образ молодого большевика Арчила, преданного сына крестьянской бедноты, нарисован в рассказе «Спартаковец». Автор повествует о том, как юноша, воодушевленный идеей освобождения народа, ловко и смело вырвался из рук меньшевистских гвардейцев, решивших воровски убить его без суда и гласности. Характеризуя с одной стороны антинародную политику меньшевистских правителей, с другой — храбрость и бесстрашие лучших сынов народа, боровшихся за победу социалистической революции, А. Белиашвили достигает большой обобщающей силы.

Большой обличительной силы достиг писатель в рассказе «История одного деятеля», в котором с едким, уничтожающим сарказмом показана политическая вакханалия, царившая в стране в годы меньшевистского владычества.

Сатирический талант писателя ярко проявляется и в рассказах, направленных против темных пережитков капиталистического прошлого, продолжающих еще существовать в нашей действительности. В этих рассказах дана галерея «бывших людей», не способных или не желающих понять смысла великих исторических событий нашего времени, упорно цепляющихся за старые предрассудки и обветшалые нравы и вследствие этого, естественно, смешно и жалко выглядящих на фоне победоносного строительства новой жизни. Так,

герой рассказа «Ловушка Юстина» занимается тем, что во время первой империалистической войны за соответствующую мзду освобождает призывников от военной службы. Вскоре после установления Советской власти он пытается вернуться к своей старой «профессии», но сталкивается с неожиданным препятствием: оказывается, советская молодежь с радостью стремится в Красную Армию. Никто не попал в ловушку Юстина, никто не поддался его уловкам. В не менее смешную ситуацию попадает и священник Ксенофонт, приехавший из провинции в Тбилиси для того, чтобы заказать себе ясы. С изумлением озирает он обновленные улицы и площади столицы, не узнает знакомые прежде ему места и под конец убеждается, что во всем городе не осталось ни одного мастера, который шьет ясы. В смешном и жалком положении оказался и герой рассказа «Превратности судьбы», старый конокрад Караман, которого украденный им мул «доставил» во двор своего хозяина. Едко высмеял писатель все косное и отсталое, порочное и уродливое в сатирических рассказах «Венок и письмо», «Гастролер в провинции», «Достойное наказание», «Бедствия Калисто» и др. И чем больше не соответствовали старания и ухищрения этих персонажей-дельцов, приспосабливцев и авантюристов реальному ходу событий новой эпохи, тем большего эффекта достигал художественный прием писателя, тем отчетливее вырисовывался его позитивный идеал. И не случайно, что красота и сила художественного дарования А. Белиашвили, его сугубо самобытная творческая индивидуальность с наибольшей полнотой раскрылись в тех произведениях, в которых он вдохновенно изображал героев нашего времени, раскрывал богатый духовный мир рядового советского человека, показывал его благородные дела и высокий моральный облик. Со страниц рассказов, новелл и повестей А. Белиашвили встают образы храбрых советских пограничников, гордо несущих свою вахту, мужественных моряков, героев колхозного труда и передовиков социалистической индустрии, инженеров и агрономов, геологов и альпинистов, ученых и учащихся, чудесных девушек нашей страны, которые уверенно управляют машинами, бесстрашно парят в небесах. В самых разнообразных аспектах, с большой человеческой теплотой освещает писатель характеры своих героев, показывает их в обстановке трудовой деятельности и в семейном окружении, в лично-интимных взаимоотношениях, утверждая в них черты нового и передового.

Обновляющая и преобразующая сила нашего времени изображена и воспета в рассказе «Лавина». Действие происхо-

дит в горной Сванетии, где ко времени установления Советской власти все еще господствовали патриархальные нравы и обычаи, всяческие суеверия и предвзятости, традиции кровной мести. Столкновение веяний новой жизни с этими устоями первобытно-родового строя, естественно, порождало особенно острые конфликты и противоречия. О них и рассказывает писатель, описывая историю двух молодых сванов — Касбулата и Кадирби, едва не ставших жертвой сурового и неумолимого горского адата.

Но непримиримое единоборство между нарождающимся новым и отмирающим старым происходит не только в отдаленных уголках нашей страны. И А. Белиашвили это подчеркивает в своей повести «Молодые». Вся повесть освещена возвышенным чувством чистой и искренней любви между ее героями Мери и Солико. История этой любви составляет одну из основных сюжетных линий произведения. И в этом отношении повесть «Молодые» не составляет исключения в творчестве писателя. В своих произведениях А. Белиашвили никогда не отделяет общественную и трудовую деятельность людей от их личных человеческих взаимоотношений. Его положительные герои, мастера труда, создатели благ и богатств, одновременно являются носителями высоких моральных качеств — мужества и честности, верности в любви и дружбе, преданности своему общественному долгу. Вот и персонажи рассказа «Соперники» — Мито и Лео соревнуются между собою, соревнуются и их колхозы; от исхода этого соревнования во многом зависит и их личная судьба. Однако юноши не только не мешают, а напротив, всячески помогают друг другу, ибо хорошо понимают, что нельзя добиться личного счастья путем измены общественному долгу. Бесспорный труд во имя всенародного блага — единственный источник подлинного счастья человека, — об этом хорошо помнят герои рассказов и новелл Белиашвили: «Сила любви», «Долг», «Младший брат», «Выбор», «Первое свидание» и др.

Но в произведениях А. Белиашвили нет ни тени преднамеренной дидактики и голого назидательства. Мысль живет в его рассказах и новеллах лишь воплощенная в образах, растворенная в сюжете, во взаимоотношениях персонажей, в красочных бытовых картинах и пейзажах.

Одну из самых характерных стилистических особенностей лучших новелл и рассказов А. Белиашвили составляет органический слав задумчивого лиризма и мягкого, светлого юмора, придающий его произведениям исключительное обаяние и захватывающую силу. Лучшие рассказы Белиашвили во-

шли в репертуар многих грузинских мастеров художественного чтения. Сам писатель любил выступать с публичным чтением своих произведений, и эти его выступления всегда сопровождались большим успехом.

* * *

В суровые годы Отечественной войны А. Белиашвили написал первое свое большое художественное полотно — исторический роман «Бесики» («Жизнь Виссариона Габашвили»). Пронизанный священными чувствами патриотизма и дружбы народов, нашедших яркое проявление в дни самоотверженной борьбы многонационального советского народа против фашистских захватчиков, роман этот был как нельзя более своевременным. В году величайшего всенародного подвига и героизма советские люди проявляли возросший интерес к своему героическому прошлому, к своим славным предшественникам, оставившим потомкам немеркнущие образцы беззаветного служения Родине. И советская литература не могла не ответить на этот законный духовный запрос народа. Потому-то во всех национальных литературах братских советских народов в период войны значительно возрос удельный вес исторической тематики. На всех языках народов СССР были созданы исторические романы, поэмы, драмы, способствовавшие патристическому воодушевлению людей, закалявшие их боевой дух.

Грузинская литература не составляла в этом смысле исключения. Именно в эти годы созданы такие образцы грузинской исторической романистики, поэзии и драматургии, как эпопея Константина Гамсахурдиа «Давид Строитель», поэмы «Песнь о Давиде Гурамишвили» Симона Чиковани, «Георгий VII» Григола Абашидзе, исторические драмы Сандро Шаншиашвили, Ионы Вакели, Левана Готуа и др. В ансамбле этих произведений исторической тематики видное место занимает «Бесики».

Темой своего произведения писатель избрал одну из самых трагических эпох многовековой истории Грузии, а сюжетной основой романа — историю жизни известного поэта Бесики (Виссариона Габашвили), игравшего важную роль не только в развитии грузинской культуры того времени, но и в политической жизни страны. Биография этого замечательного поэта, восторженного певца любви и женской красоты, виртуоза певучего, изысканного, мастерски отделанного стиха, отражала, как в фокусе, ряд важнейших противоречий современной ему грузинской действительности.

Бесики прошел сложный жизненный путь, полный драматических событий, острых конфликтов, неожиданных ситуаций. Вся жизнь Бесики неразрывно

переплетена с важнейшими историческими событиями его современности. Неудивительно, что этот богатый и интересный сам по себе жизненный материал привлек внимание Белиашвили и он весьма успешно использовал его в качестве сюжетной основы своих исторических романов «Бесики» и «Золотой шатер» (к сожалению, последний остался незавершенным).

Отображая одну из сложнейших эпох истории своей Родины, автор «Бесики» смотрит на события прошлого с высоты нашей современности и воспроизводит и живописует их не как равнодушный летописец, пассивный созерцатель, а как художник с действительной творческой мыслью и фантазией. На широко задуманном художественном полотне писатель разворачивает панораму живо, ярко нарисованной, пластически осязаемой картины, дающей ясное представление и о колорите времени, и о материальной культуре, быте, нравах и укладе жизни различных социальных слоев общества. Следуя исторической правде и предоставляя реальным историческим событиям определенное место в повествовании, писатель дополняет их вымышленными ситуациями, не противоречащими исторической правде и не нарушающими ее, а, наоборот, способствующими более полному и всестороннему раскрытию духа времени, более впечатляющему воспроизведению характера взаимоотношений людей.

Грузинская литературная критика не без оснований упрекала писателей за слишком пороювольный отход от исторической фактографии. Однако во всех подобных случаях «вымысел» автора ни в коей мере не противоречил его четкой и последовательной исторической концепции, не выходил за пределы возможного в данной конкретной обстановке. К тому же подобные сюжетные мотивы, порожденные творческой фантазией автора, обогащают композицию романа, углубляют остроту, эмоциональную насыщенность и захватывающую силу повествования.

Рукой испытанного зрелого мастера концентрирует писатель огромный и разнообразный жизненный материал и направляет его по строго задуманному композиционному руслу. По мере развития повествования в ее магистральную сюжетную канву постепенно вливаются новые и новые, острые и напряженные фабульные мотивы, располагающиеся по закону последовательного нарастания действия. Но незаурядное мастерство писателя ярче всего проявляется в создании богатой галереи живых человеческих образов, среди которых, наряду с известными историческими личностями, живут и действуют рядовые люди, типически олицетворяю-

щие различные социальные силы, составлявшие тогдашнее население Грузии. И каждый из многочисленных персонажей романа, начиная с его главных героев и кончая так называемыми «эпизодическими» действующими лицами, вырисованы писателем как самобытные характеры, поднимающиеся до уровня художественных образов обобщающего значения.

Первейшая же художественная удача писателя — монументальный образ Ираклия II — человека несгибаемой воли, неиссякаемой энергии, могучего государственного ума и непревзойденной храбрости и отваги.

* * *

Последние годы творческой биографии А. Белиашвили всецело посвящены разработке актуальных тем нашей современности. Кроме множества рассказов, новелл и художественных очерков, изображающих события наших дней, писатель опубликовал подряд три романа — «Перевал», «Рустави» и «Швидкаца», имевших большое принципиальное значение для развития современной грузинской литературы. Эти крупные художественные полотна ознаменовали решительный поворот грузинской литературы к тематике советской действительности.

В первом из этих романов — «Перевале» автор вдохновенно передает картины суровых военных будней столицы Грузии — Тбилиси в годы Великой Отечественной войны. Начальные главы романа публиковались в грузинской литературе и художественной периодике в начале пятидесятых годов. Книга эта заняла видное место в послевоенной грузинской художественной прозе. Образ главного героя «Перевала» — молодого инженера Давида Бекая — один из самых ярких образов положительного героя нашего времени, созданных грузинской литературой последних лет. Естественно и непринужденно, интересно и занимательно повествует писатель о трудовой и боевой жизни, о мужестве и отваге, о красоте морального облика этого замечательного молодого человека, воплощающего в себе многие характерные черты своего поколения. Как во всех своих лучших произведениях, и в этом романе А. Белиашвили не отрывает общественную и трудовую деятельность человека от его личной жизни, от сферы бытовых и семейных взаимоотношений. Вот почему роман этот, посвященный большим историческим событиям периода Отечественной войны, начинается с повествования о большой неудаче, постигшей Давида Бекая в семейной жизни. — о его разрыве с любимой женой спустя несколько месяцев после женитьбы. Подавленного этой неудачей Давида в самом начале войны

направляют главным инженером горных рудников, расположенных на склоне одной из вершин Кавказских гор. Здесь, среди небольшого рабочего коллектива, раскрылись со всей полнотой замечательные человеческие достоинства этого умного и энергичного специалиста — его организаторский талант, трудолюбие, моральная чистота, сердечность и отзывчивость. А затем, показав своего героя уже на фронте Отечественной войны, писатель значительно расширяет его характеристику, обогащает образ новыми, еще более привлекательными чертами. Испытанный альпинист, Давид с честью выполняет сложнейшие задания командования в суровых условиях военных действий на неприступных перевалах Кавказа. Картины фронтовой жизни в романе чередуются со сценами, показывающими напряженную боевую жизнь советского тыла в эти знаменательные дни, рисующими облик Тбилиси, вместе со всей страной ковавшего победу над врагом. В многочисленных образах романа, в новых картинах ратной и трудовой жизни народа писатель сумел запечатлеть атмосферу военных лет, беспримерный подвиг советского народа. Однако писатель не ограничивается этим. Любовно изображая патристические деяния беззаветных защитников Родины, автор не проходит и мимо теневых сторон действительности. Гневно клеймит он порочных, растленных людей, темные дела которых особенно уродливо и отвратительно выглядели на фоне величественного подвига советского народа.

Белиашвили, как уже отмечалось, всегда убежденно отстаивал право и обязанность советского писателя на беспощадное изобличение пережитков прошлого в быту и сознании советских людей. Наиболее яркого и смелого осуществления этого своего творческого принципа писатель достиг в «Перевале», где благородные черты характера положительных персонажей проявляются в их смелом сопоставлении с тем мерзавческим, что тормозит наше движение вперед. Лафос изобличения всего косного и порочного составляет одно из основных достоинств этой книги.

Роман заканчивается картиной возвращения Давида Бекая к работе на горных рудниках. Вышедший из огня и бури войны, закалившийся в тягчайших испытаниях Давид продолжает прежнее дело, и это возвращение в строй как бы символизирует торжество мирного созидательного труда советских людей их упорства и выносливости, мужественного спокойствия и непреклонной воли к победе. И когда свой следующий роман — «Рустави» — Белиашвили начнет эпизодом возвращения с фронта молодого инженера Арчила Санблида, ставшего одним из передо-

вых строителей молодого города грузинских сталеваров — Рустави, — в этом есть своеобразная тематическая преемственность и последовательное осмысление перспективы нашего времени.

Роман «Рустави» — художественная летопись строительства первенца металлургической промышленности Закавказья. Перед взором читателей проходит вся история возведения города Рустави и руставского металлургического гиганта от закладки их фундамента до появления первого потока грузинской стали. Но и в этом произведении писателя главным образом занимают не технические процессы производства, а процесс формирования характера людей, способных управлять сложнейшими машинами и аппаратами, умеющих трудиться и жить по-коммунистически.

В то время, как возводились стены завода-гиганта и в выжженной бесплодной степи строился город Рустави, в России на металлургических заводах под руководством опытных рабочих сложным искусством сталеварения овладевала специально направленная туда грузинская молодежь. Трудно было этим молодым людям привыкнуть к суровым северным морозам и тяжелой, невыносимой жаре маргеновских печей. Не легче было преодолеть им и многие собственные косные привычки и обычаи, отсталые взгляды и предрассудки. Однако с помощью своих заботливых учителей — русских рабочих и специалистов — эти девушки и юноши изо дня в день растут, овладевают профессиональным мастерством, обретают новые черты характера.

«Рустави» — одно из лучших произведений грузинской литературы, убедительно показывающее на конкретных примерах животворную силу дружбы и братства советских народов. В центре романа стоит молодой хевсур Вепхиа Халибаури. История жизни этого героя, вышедшего из темной, отсталой, почти первобытной хевсурской деревни и ставшего прославленным мастером-сталеваром, изображена с большой обобщающей силой. Крупной творческой удачей писателя является также образ Арчила Санеблидзе, воплощающего в своих словах, помыслах и поступках типические положительные черты советского человека, его гуманизм, смелость, преданность своему общественному долгу, непримиримость к недостаткам.

Великолепным продолжением этого цикла романов является последнее предсмертное произведение А. Белиашвили «Швидкаца». Это — первое и пока единственное произведение грузинской художественной прозы, посвященное бригадам коммунистического труда. Важно, что книга эта писалась по горячим следам зарождения этого замечательного движения нашего времени. Действие романа происходит в городе марганцевой промышленности Чиатура, в котором родился и вырос писатель. Достойное отображение славных революционных традиций и современной жизни этого города было его постоянной мечтой; об этом писатель не раз писал, упоминал в высказываниях относительно своих творческих планов.

Швидкаца по-грузински буквально означает — составленный из семи человек. Так называются распространенные в Грузии ансамбли народных песен, составленные из семи исполнителей. В романе действуют семь односельчан-одноклассников, решивших по окончании средней школы вместе пойти работать в марганцевую промышленность. Некоторые из них собираются, приобретя производственный стаж, поступить в высшие учебные заведения, а другие собираются овладеть специальностью заочно.

Писатель рассказывает о том, как эти семь друзей, преодолев большие трудности и тяжелые препятствия, выдержав суровые испытания, выросли, закалились и выиграли славу передовых горняков. Однако достичь этого было нелегко. Сложный процесс формирования характеров этих людей составляет основную тему романа. Читатель с напряженным интересом следит за живо и увлекательно рассказанными событиями, в завершение которых семь друзей образуют первую в чиатурских шахтах бригаду коммунистического труда.

Писателю не удалось закончить это широко задуманное произведение. Первая книга романа печаталась в номерах журнала «Мнатоби» на протяжении 1961—1962 гг.

Таков богатый и содержательный творческий путь А. Белиашвили, внесшего ценный вклад в развитие грузинской, а следовательно и всей нашей многонациональной советской литературы.

вых строителей молодого города грузинских сталеваров — Рустави, — в этом есть своеобразная тематическая преемственность и последовательное осмысление перспективы нашего времени.

Роман «Рустави» — художественная летопись строительства первенца металлургической промышленности Закавказья. Перед взором читателей проходит вся история возведения города Рустави и руставского металлургического гиганта от закладки их фундамента до появления первого потока грузинской стали. Но и в этом произведении писателя главным образом занимают не технические процессы производства, а процесс формирования характера людей, способных управлять сложнейшими машинами и аппаратами, умеющих трудиться и жить по-коммунистически.

В то время, как возводились стены завода-гиганта и в выжженной бесплодной степи строился город Рустави, в России на металлургических заводах под руководством опытных рабочих сложным искусством сталеварения овладевала специально направленная туда грузинская молодежь. Трудно было этим молодым людям привыкнуть к суровым северным морозам и тяжелой, невыносимой жаре маргеновских печей. Не легче было преодолеть им и многие собственные косные привычки и обычаи, отсталые взгляды и предрассудки. Однако с помощью своих заботливых учителей — русских рабочих и специалистов — эти девушки и юноши изо дня в день растут, овладевают профессиональным мастерством, обретают новые черты характера.

«Рустави» — одно из лучших произведений грузинской литературы, убедительно показывающее на конкретных примерах животворную силу дружбы и братства советских народов. В центре романа стоит молодой хевсур Вепхиа Халибаурн. История жизни этого героя, вышедшего из темной, отсталой, почти первобытной хевсурской деревни и ставшего прославленным мастером-сталеваром, изображена с большой обобщающей силой. Крупной творческой удачей писателя является также образ Арчила Санеблидзе, воплощающего в своих словах, помыслах и поступках типические положительные черты советского человека, его гуманизм, смелость, преданность своему общественному долгу, непримиримость к недостаткам.

Великолепным продолжением этого цикла романов является последнее предсмертное произведение А. Белиашвили «Швидкаца». Это — первое и пока единственное произведение грузинской художественной прозы, посвященное бригадам коммунистического труда. Важно, что книга эта писалась по горячим следам зарождения этого замечательного движения нашего времени. Действие романа происходит в городе марганцевой промышленности Чиатура, в котором родился и вырос писатель. Достойное отображение славных революционных традиций и современной жизни этого города было его постоянной мечтой; об этом писатель не раз писал, упоминал в высказываниях относительно своих творческих планов.

Швидкаца по-грузински буквально означает — составленный из семи человек. Так называются распространённые в Грузии ансамбли народных песен, составленные из семи исполнителей. В романе действуют семь односельчан-одноклассников, решивших по окончании средней школы вместе пойти работать в марганцевую промышленность. Некоторые из них собираются, приобретя производственный стаж, поступить в высшие учебные заведения, а другие собираются овладеть специальностью заочно.

Писатель рассказывает о том, как эти семь друзей, преодолев большие трудности и тяжелые препятствия, выдержав суровые испытания, выросли, закалились и снискали славу передовых горняков. Однако достичь этого было нелегко. Сложный процесс формирования характеров этих людей составляет основную тему романа. Читатель с напряженным интересом следит за живо и увлекательно рассказанными событиями, в завершение которых семь друзей образуют первую в чиатурских шахтах бригаду коммунистического труда.

Писателю не удалось закончить это широко задуманное произведение. Первая книга романа печаталась в номерах журнала «Мнатоби» на протяжении 1961—1962 гг.

Таков богатый и содержательный творческий путь А. Белиашвили, внесшего ценный вклад в развитие грузинской, а следовательно и всей нашей многонациональной советской литературы.

Давид МАЙСУРАДЗЕ

Прошлое и настоящее грузинской книги

Одним из величайших достижений культурной революции, осуществленной в нашей стране под руководством Коммунистической партии, является неуклонное развитие книгоиздательства и периодической печати.

Классики марксизма-ленинизма придавали печатному слову первостепенное значение в развитии человечества.

К. Маркс считал изобретение книгопечатания одной из необходимых предпосылок прогрессивного развития человечества. Ф. Энгельс писал о создании печатного станка как об одном из важных факторов, определяющих расцвет науки.

На VIII съезде РКП(б) в 1919 году В. И. Ленин говорил, что партия «первый раз в истории использует современную типографскую технику не для буржуазии, а для рабочих и крестьян.

...Все то, что буржуазная культура создала, чтобы обманывать народ и защищать капиталистов, мы отняли у них для того, чтобы удовлетворить политические запросы рабочих и крестьян».

На всех этапах развития советского общества Коммунистическая партия уделяла большое внимание издательскому делу. В решениях XII, XIII и последующих съездов партии, постановлениях «Об обслуживании книгой массового читателя», «Об издательской работе», «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» и многих других решениях партии перед работниками печатного слова были поставлены весьма ответственные и почетные задачи по неуклонному повышению идейного уровня выпускаемых книг, умелому их использованию для решения насущных задач коммунистического строительства.

В период развернутого строительства коммунизма боевые задачи всей идеологической работы партии, ее содержание, формы и методы на длительное

время четко определены в Программе партии и решениях, принятых XXII съездом КПСС. Главным в этой области является изучение и обобщение практики коммунистического строительства, основных закономерностей экономического, политического и культурного развития социализма и перерастание его в коммунизм. Советская печать призвана глубоко и всесторонне разъяснять и пропагандировать идеи марксизма-ленинизма, поднимать массы трудящихся на борьбу за выполнение предначертаний партии, воспитывать активных борцов за дело коммунизма.

«Книга, — говорил А. Герцен, — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место.

Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством, в ней отражались все учения, потрясающие умы, и все страсти, потрясающие сердца... Но в книге не одно происшедшее, она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истины и усилий».

Книга — зеркало жизни народа.

«Высота культуры народа, — говорил А. М. Горький, — правильно измеряется количеством издаваемых в стране книг и газет».

По выпуску книжной продукции Советский Союз занимает первое место в мире. Более 60 стран мира, вместе взятые, ежегодно издают свыше пяти миллиардов экземпляров книг, четвертая часть этого тиража выпускается в Советском Союзе.

В СССР на душу населения приходится 6 экземпляров книг, тогда как в

1913 году в царской России приходилось только 0,6 экземпляра.

В Советском Союзе каждый день выпускается в среднем 3 миллиона 400 тысяч экземпляров книг, тогда как в 1913 году выпускалось 272 тысячи.

В семилетнем плане развития народного хозяйства предусмотрено значительное увеличение тиражей книг. Только за первые два года семилетки число книг возросло на 19,5 процента, а тираж на 12,4 процента.

Советский строй открыл перед всеми народами нашей страны безграничные возможности для развития просвещения и культуры.

За 1913—1961 годы в СССР издано 1.669 тысяч книг и брошюр тиражом почти 25 миллиардов экземпляров. За эти годы книги издавались на 89 языках народов СССР и на 49 языках народов зарубежных стран.

* * *

История книгопечатания неразрывно связана с развитием письменности, языка, литературы, науки и техники.

Грузинская письменность была известна другим народам еще в глубокой древности.

Как указывает крупнейший исследователь древней грузинской литературы академик К. Кекелидзе, в ассирийском сочинении V века «Книга народов и стран» отмечается, что из существовавших в то время народов (всего 73) лишь у 15 имелась своя письменность. Среди этих народов упоминается и грузинский.

В Государственном музее Грузии имени С. Джанашиа хранятся свыше 10.000 рукописных книг и свыше 30.000 различных исторических документов, которые хронологически охватывают период с V по XIX век.

Значительные фонды грузинских рукописей имеются в Институте востоковедения Академии наук СССР, в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина (Ленинград), в Государственном хранилище рукописей Армении — Матенадаран.

Памятники грузинской рукописной книги имеются также за пределами СССР: в Британском музее, в Парижской национальной библиотеке, в архивах Ватикана, в библиотеке Грацкого Университета (Австрия), в монастыре на Афонской горе (в Иерусалиме) и в других местах.

Первая печатная грузинская книга «Грузинско-итальянский словарь», составленный Паолини с помощью посла кахетинского царя Теймураза I — Никифора Ирбаха-Чолокашвили, была издана в Риме в 1629 году. Там же в 1670 году вышла «Грамматика грузинского языка».

Следующий этап издания грузинских книг связан с основанием в 1706 году

в Москве, в селе Всехсвятском, эмигрировавшим в Россию грузинским государственным деятелем, талантливым поэтом, литератором и историком Акимом II (1647—1713) первой грузинской типографии, шрифт для которой был изготовлен в Амстердаме.

В самой Грузии и на всем Кавказе первая типография была открыта в 1708 году при Вахтанге VI.

В этой типографии печатались церковные и светские книги, учебники, научные труды. Здесь же в 1712 году было выпущено первое печатное издание бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с комментариями Вахтанга VI.

Первая грузинская национальная типография, уничтоженная турками захватчиками, была восстановлена только в 1749 году при Ираклии II.

Однако и эта типография была сожжена при вторжении в Восточно-Грузинское царство армий Ага-Магомед Хана в 1795 году.

После присоединения Грузии к России, в результате которого Грузия обрела безопасность от внешних врагов, была ликвидирована политическая и экономическая раздробленность страны, росли и укреплялись культурно-политические связи русского и грузинского народов, заметно оживилась и издательская деятельность в Грузии, особенно со второй половины XIX века.

Если в течение первой половины века в Тбилиси было издано около двадцати, а в Москве и Петрограде 57 грузинских книг, то за последнее десятилетие XIX века их вышло свыше 1.500.

В 60-х годах в Петербурге выходят сочинения Сулхан-Саба Орбелиани «Мудрость вымысла», литературный сборник «Чонгури», в котором впервые публикуются стихи Николая Бараташвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели.

Тбилиси вновь становится центром издания национальной литературы. Из изданных здесь во второй половине XIX века книг следует отметить литературные произведения Г. Эристави, З. Антонова, Д. Чонкадзе, Л. Ардазиани, Г. Орбелиани, труды П. Иоселиани, И. Кереселидзе, П. Умикашвили, Я. Гегабашвили, А. Хаханашвили, Э. Такашвили, М. Джанашвили, З. Чичинадзе и др.

В 1888 году вышло в свет богато оформленное издание «Витязя в тигровой шкуре», выпущенное на средства Г. Картвелишвили.

В конце XIX и начале XX века грузинские читатели получили на родном языке отдельные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. А. Крылова. На грузинский язык были переведены также не-

которые произведения В. Гюго, Э. Золя, Г. Гаутмана, Г. Бичер-Стоу и др.

Кроме Тбилиси, грузинские книги издавались также в Кутаиси, Батуми, Сухуми, Поти, Озургети, Ахалкалаки, Гори, Телави, Сигнахи, Зестафони и других местах.

Однако до Великой Октябрьской социалистической революции издательское дело в Грузии, как и во всей царской России, находилось в запущенном состоянии. Издание книг сосредоточивалось в руках частных лиц, хороших книг для народа издавалось крайне мало.

Установление Советской власти в Грузии, победа ленинской национальной политики Коммунистической партии обеспечили условия для создания новой грузинской книги, призванной служить народу, нести знания в широкие массы трудящихся.

«До установления Советской власти в Грузии, — говорил первый секретарь ЦК КП Грузии товарищ В. П. Мжаванадзе, — за большой исторический срок, в три столетия, было издано 6 тысяч книг общим тиражом в один миллион экземпляров. А в Советской Грузии только за последние два года издано 4.700 книг общим тиражом свыше чем в 24 миллиона экземпляров».

За годы Советской власти (по данным на 1 июля 1961 г.) в Грузинской ССР издано 51.080 книг тиражом 240,9 миллиона экземпляров. Объем книжной продукции Грузии непрерывно растет. В 1960 году по сравнению с 1955 годом число книг, изданных в Грузинской ССР, увеличилось на 32 процента, их тираж на 30 процентов и листах на 44 процента.

В настоящее время партия обращает главное внимание на улучшение содержания книг, повышение их идейного уровня.

Высокоидейная, патриотическая советская книга, несущая знания в народные массы, самая передовая книга в мире.

В нашей стране и за ее пределами широкое распространение получили произведения основоположников марксизма-ленинизма. Их изучают миллионы рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции. За годы Советской власти общим тираж этих работ составил 389,6 миллиона экземпляров. Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса издавались на 48 языках народов Советского Союза и на 25 языках народов зарубежных стран. Произведения В. И. Ленина выходили на 64 языках народов СССР и на 28 языках народов зарубежных стран.

Из года в год увеличивается выпуск социально-экономической, промышленно-технической, сельскохозяйственной, научной, учебной, художественной, дет-

ской литературы. Неуклонно повышается процесс улучшения полиграфического и художественного оформления книг.

Издание и широкое распространение марксистско-ленинской литературы всегда стояло в центре внимания Коммунистической партии и всей общественности Советской Грузии.

Уже в 1922—24 годах были переведены и изданы массовыми тиражами «Коммунистический Манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал», «Классовая борьба во Франции», «Критика Готской программы», «К критике политической экономии» К. Маркса, «Принципы коммунизма», «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса и другие бессмертные произведения основоположников теории научного коммунизма.

В 1922 — 1938 годах на грузинский язык были переведены и изданы 17 томов из первого и третьего издания полного собрания сочинений В. И. Ленина, под редакцией Мамия Орахелашвили.

В 1933 — 1934 гг. был издан на грузинском языке шеститомник избранных произведений В. И. Ленина тиражом в 205 тысяч экземпляров, а в 1935 — 1937 гг. — двухтомник тиражом в 30 тысяч экземпляров.

В 1921 — 1960 гг. на грузинском языке отдельными изданиями вышли 187 произведений В. И. Ленина.

С 1932 года работа по переводу и редактированию произведений В. И. Ленина сосредоточилась в Грузинском филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где работала специально созданная Центральным Комитетом КП Грузии редакционная коллегия во главе с Ф. Махарадзе. В нее входили К. Орагвелидзе, Н. Кикнадзе, Э. Бедия, И. Вашакмадзе.

В 1953 году был завершен выпуск на грузинском языке четвертого издания сочинений В. И. Ленина.

Всего за период с 1921 по 1960 год на грузинском языке отдельными изданиями вышло 653 произведения классиков марксизма-ленинизма общим тиражом свыше одиннадцати миллионов экземпляров.

Выдающимся событием в идеологической жизни республики стало издание на грузинском языке в 1930 году «Капитала» К. Маркса (переводчик Д. Ониашвили, редакторы М. Торонелидзе, Ф. Гогичайшвили, Б. Рамишвили).

Известно, что «Капитал» К. Маркса переводился на русский язык спустя год после его издания на немецком языке. По словам самого Маркса, это произведение нигде не находило такого распространения, как в России. «В России «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было», — писал К. Маркс.

საქართველოს
ხალხთა
წიგნობის ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Хотя «Капитал» был издан в Грузии только через 63 года после его выпуска на немецком языке, но уже в 70-х годах прошлого века передовые представители грузинской общественной мысли И. Чавчавадзе, Н. Николадзе, Г. Туманишвили, Г. Ласхишвили и другие для обоснования своих доводов нередко ссылались на авторитет этого — говорил словами В. И. Ленина — величайшего политико-экономического произведения.

«Капитал» стал особенно популярной книгой в Грузии в 90-х годах XIX века в связи с выходом на арену политической борьбы пролетариата и созданием первых марксистских организаций в Грузии и Закавказье.

В 1954 году Грузинский филиал ИМЛ при ЦК КПСС осуществил новое издание «Капитала» К. Маркса тиражом в 25 тысяч экземпляров.

С 1921 по 1960 год в Грузинской ССР на русском, армянском, азербайджанском, абхазском и осетинском языках отдельными книгами изданы 195 произведений классиков марксизма-ленинизма тиражом свыше одного миллиона экземпляров.

Издательствами республики выпущен также ряд тематических сборников произведений Маркса, Энгельса, Ленина.

Массовыми тиражами издаются произведения выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства: М. И. Калинина, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, Н. С. Хрущева.

Главенствующее место в деятельности издательств республики заняла пропаганда исторических решений XXII съезда КПСС, наметившего программу построения коммунизма в нашей стране. Материалы XXII съезда КПСС, Программа и Устав Коммунистической партии Советского Союза изданы массовым тиражом на грузинском, абхазском, осетинском языках. Выпускается немало книг и брошюр по теоретическим и практическим проблемам строительства коммунизма.

Советская власть вызвала к активной жизни могучие творческие силы грузинского народа, открыла неограниченные возможности для всестороннего развития его многовековой культуры, что нашло яркое отражение и в изда-

нии произведений художественной литературы.

За годы Советской власти только в Грузии бессмертная поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» издавалась 24 раза. Массовыми тиражами десятки раз издавались произведения Н. Бараташвили, Бесики, Д. Гурамишвили, А. Казбеги, Д. Клдиашвили, Э. Ниношвили, С. Орбелиани, Г. Орбелиани, Важа Пшавела, А. Церетели, И. Чавчавадзе, Д. Чонкадзе, Г. Эристави, Р. Эристави и других деятелей грузинской классической литературы.

Осуществлено издание полных собраний сочинений И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Бараташвили, Важа Пшавела, А. Казбеги и других классиков грузинской литературы.

Большими тиражами выходят и книги грузинских советских писателей.

Грузинский народ с большой любовью относится к русской классической литературе. За годы Советской власти на грузинский язык переведены и изданы произведения А. Пушкина, А. Грибоедова, Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Чехова, М. Салтыкова-Щедрина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, И. Тургенева, И. Крылова, В. Белинского, Н. Чернышевского, А. Герцена, А. Островского, М. Горького.

Богатое литературное наследие и лучшие произведения советских писателей Грузии вошли в культурный обиход всего советского народа и стали достоянием многих миллионов читателей за рубежом благодаря их переводу на русский язык и изданию большими тиражами.

С 1921 по 1960 год издательством переводной художественной литературы «Заря Востока» из произведений грузинской литературы выпущено на русском языке 1.590 книг тиражом свыше 10,5 миллиона экземпляров.

Кроме того, лучшие произведения грузинской художественной литературы огромными тиражами изданы московскими издательствами.

В республике ведется большая работа по переводу и изданию произведений русской советской литературы, писателей и поэтов братских народов СССР, стран народной демократии и прогрессивных писателей зарубежных стран.

В. БЕБУТОВА-ГАБУНИЯ,
 заслуженный деятель искусств

Мастер чеканки

В воротах одного из домов на бывшей Дворцовой улице еще лет сорок назад можно было увидеть небольшую будочку, в которой сидели два, а иногда и три часовщика. Люди все степенные, пожилые. Второй с краю — седой человек с худым лицом, орлиным носом, с неизменной лупой в правом глазу, целый день гравировал циферблаты часов. Все знали его как хорошего мастера, и он никогда не сидел без дела. Часто к нему заходил стройный, красивый молодой человек с пытливым взором и располагающей доброй улыбкой. Пожилой, с лупой в глазу, гравер был чеканщик Георгий Ильич Хандамашвили, а молодой — Артемий Георгиевич Габуния.

И заводили они нескончаемые разговоры о том, что в Грузии, стране древней культуры, где высоко ценилась работа златокузнечных мастеров, теперь (в двадцатые годы) это искусство пришло в упадок. Мечтали о том, что в Грузии вновь наступит расцвет замечательного народного искусства.

Родился Хандамашвили в Тбилиси в 1882 году. С детства питал он любовь к художественным орнаментам, которыми пышно убрана Кашветская церковь, во дворе которой Георгий жил со своим отцом, мелким служителем церкви.

С малых лет Георгий не расставался с мелкими и карандашами. Все степы, все что ни попадало ему под руку, было испещрено его рисунками. Родные мечтали сделать из него художника и с этой целью отдали учиться рисованию к известному художнику Гуго Габашвили. Но Габашвили вскоре отказался учить этого непоседу.

Наступило время учебы, и тетка опередила его в семинарию, где он с большим трудом окончил четыре клас-

са. Регулярная учеба ему не давалась, зато он постоянно торчал в мастерской своего деда Тетрадзе. Часто, затаив дыхание, он наблюдал, как работали мастера резцами и чеканками, и мечтал работать так же.

Первые основы златокузнечного искусства Хандамашвили постиг в мастерской Тетрадзе. Прекрасные способности к рисованию и все усиливавшаяся любовь к делу помогли Хандамашвили быстро освоить сложное граверное искусство, основу златокузнечного дела.

В этот период он поступает мальчиком на побегушках к граверному мастеру Тауглицу. Это был своеобразный, крайне неуравновешенный человек. Вот одна из его причуд: глубокой осенью, ночью он будил Хандамашвили и, несмотря на дождь и слякоть, посылал в трактир купить на 2 копейки сахару и на 3 копейки чаю. Весь чай он заваривал сразу и крепкий, почти черный отвар выпивал зараз. После этого у него появлялся необыкновенный прилив энергии, и он вдохновенно исполнял тончайшие граверные работы. Конец его был трагичным — разорившись, он сошел с ума.

У этого мастера и еще у австрийского гравера Виктора Марашесс, приехавшего в Тбилиси, Георгий Ильич, уже считавшийся способным подмастерьем, выполнял на драгоценных металлах всевозможные работы.

Спустя год Тауглиц уехал за границу. Он предложил Хандамашвили следовать за ним, но тот отказался покинуть Грузию.

В 1906 году Хандамашвили едет в Москву с единственной целью попасть в какую-нибудь большую мастерскую, но это ему не удается. После трех лет

СКИТАНИЙ он возвращается на родину уже талантливым рисовальщиком и прекрасным гравером. В этот период Георгий много работает под руководством своего дяди Бебуришвили, основательно овладевая искусством выемчатой и расписной эмали, а чеканку изучает у Давида Мамулашвили, этого чародея чеканки XIX столетия.

Проходят годы. В лице Георгия Хандамашвили мы имеем высококвалифицированного мастера — гравера, чеканщика, эмалиера и монограммиста.

Им исполнено большое количество художественных работ, разбросанных по разным музеям и частным собраниям. Одной из значительных работ является выполненная в годы первой империалистической войны серебряная накладка для альбома с изображением боевых эпизодов, исполненная граверной и чеканной техникой и расцвеченная тончайшей росписью эмали. Примечательной работой надо считать и герб Грузинской ССР, исполненный чеканной, граверной и эмалевой техникой.

Великая Октябрьская социалистическая революция застаёт Хандамашвили в будочке на бывшей Дворцовой улице, где он работает вместе с Бебуришвили, без конца гравирова циферблаты часов, — ведь жить надо! А как хочется работать творчески. И вот начинается время чудес...

В 1936 году был создан кабинет народного творчества при Управлении по делам искусств Грузинской ССР, вскоре переименованный в Республиканский дом народного творчества. Там, наряду с записями народных песен и разучиванием народных танцев, велась кропотливая работа по выявлению и восстановлению народных грузинских художественных ремесел. В эту работу с большим энтузиазмом включился Артемий Георгиевич Габуния. Надо было выявить все, что сохранилось от старины и оп-

Пудреница. Серебро-эмаль.

ределить, что можно сделать нового. Вот когдагодились знакомства и беседы со старыми мастерами — Хандамашвили, братьями Джикия, Тома и Амвросием, и другими.

Спустя год была организована первая выставка народного творчества. Старым мастерам были заказаны экспонаты. После большого перерыва Хандамашвили взялся за чеканы — их у него было несколько сотен, достались они ему от Давида Мамулашвили. На этой выставке он был представлен двумя экспонатами чеканной работы — позолоченной табакеркой и подставкой для часов той же техники.

Эта выставка имела бурный успех; она выявила ряд мастеров, носителей старых художественных традиций, и подрастающую талантливую молодежь. Решено было открыть при Республиканском доме народного творчества экспериментальные художественные мастерские. Их задача — восстановить пришедшие в упадок народные художественные ремесла.

Несмотря на то, что Хандамашвили выгоднее и спокойнее было остаться «неизвестным гравером циферблатов», он с большой охотой взялся за обучение молодежи. В первую очередь ему предложили руководить цехом обработки металла.

Хандамашвили — выдающийся мастер композиции. Его узор — всегда оригинальный, нигде не повторяющийся, в основе своей исходящий из классического наследия чеканного искусства Грузии.

Человек строгий, взыскательный, он оказался прекрасным педагогом, всегда умевшим заинтересовать учеников. Работу он любил и мог целый день просидеть с чеканом в руке. Автор этих строк был свидетелем того, как легко и свободно рождался у него рисунок; его рука без перерыва выводила замысловатые узоры, фантазия его была неисчерпаема, и он почти никогда не исправлял нарисованное.

Первыми его учениками были Георгий

Фрагмент вазы.

Лекишвили, Рубен Зубиашвили и Иван Бучугури.

Хандамашвили — человек права крутого, неуживчивого; «старый ворчун» — называли его ученики, которые, однако, любили своего учителя, многое ему прощали, восхищаясь его мастерством. Тома Джикия как-то даже сказал в цеху:

— Правую руку Георгия Ильича надо опрavit в золото...

В 1941 году открылась вторая выставка народного творчества. В отличие от первой, в ней, наряду со старыми мастерами, приняла участие и обученная ими молодежь.

Началась война... Хандамашвили, как и другие мастера и ученики, остается не у дел. Опять гравировка циферблатов, опять погоня за заработком. О художественном творчестве, о любимой работе оставалось только мечтать.

В 1945 году, после окончания войны, мастерские вновь открываются. Хандамашвили снова берется за чеканы, и снова у него ученики; но к старым прибавились новые: Георгий Андриашвили, Марлен Кутателадзе, Тельман Цихисели, Этери Какалашвили, Иосиф Микадзе.

Все лучшие экспонаты Музея народного творчества исполнены за период с 1937 по 1941 год и с 1945 по 1950 год.

Среди лучших работ Хандамашвили надо отметить серебряный набор к мужскому поясу. На нем богатый узор чередуется, не повторяясь. Чудесная гравировка заполнена темносиней эмалью. На первый взгляд кажется, что это чернь, до того тонко и чисто наложена эмаль. Таким же способом сделаны две серебряные пудреницы, одна из них с прозрачной эмалью. Из значительных работ Георгия Ильича надо упомянуть серебряную чеканную доску к XX-летию со дня установления Советской власти в Грузии. Среди переплетенных замысловатых узоров изображены рабочие, колхозники, а также фабрики, заводы, сельскохозяйственные поля и плантации. На верхней части — цифра «XX» накладной чеканки с эмалью. Всю композицию завершает герб Грузинской ССР из красного золота и эмали.

Многие работы Хандамашвили хранятся в Музее народного творчества, они всегда отмечаются посетителями. Эти работы экспонируются на республиканских, всесоюзных и зарубежных выставках народного творчества. Много из Геор-

гий Ильич был премирован, получал почетные грамоты, был награжден орденом «Знак почета».

Последняя незаконченная работа Хандамашвили — большая серебряная ваза простой формы «котани», ручной формовки, доставила ему немало хлопот. Много раз приходилось наполнять смолой и опорожнять ее, так как Хандамашвили чеканил и внутренней и наружной стороны.

Ваза выполнена чеканной техникой, разделена на восемь медальонов. Узоры каждого медальона разные. Посередине герб Грузинской ССР червонного золота с эмалью. Ваза должна быть увенчана зубчатой короной ручной чеканки, но ее пришлось отлить, так как Хандамашвили не успел закончить свою работу.

Жил в то время Хандамашвили в конце Сабуртало в маленьком домике над обрывом. В 1949 году это была еще глухая, далекая окраина, и мы ходили к нему летом по пыльной, немощеной дороге, а зимой по лужам и грязи. Домик был его собственным, и жил Георгий Ильич одиноко. Домик состоял из одной комнаты и галерейки, где он всегда сидел и работал. Под домиком был сарайчик с печью и горном да разным хламом. Окружали этот домик такие же неказистые постройки. Никаких богатств у Хандамашвили не было. Получал он в Художественном комбинате 800 рублей, на которые жил. Частные работы брал неохотно.

Однажды злоумышленники проследили, что живет Хандамашвили один, работает по серебру и, видимо, решив, что он богат, ночью забрались к нему. Его же молоточком, которым он чеканил, били его по голове. Нанесли 18 ран. Его не убили сразу, так как, очевидно, хотели узнать, где запрятано богатство. Ваза, над которой он работал, осталась в эту ночь в цеху, и единственной ценностью, найденной ими, были простые серебряные часы. На следующее утро Хандамашвили не явился на работу. Послали учеников узнать, что с ним, и нашли без памяти в луже крови. Раны были не смертельны, но он стал хиреть и работать, как прежде, не мог. Это его очень угнетало. Прележав два года у своей сестры — жены известного доктора-ортопеда Шарашенидзе, — он скончался в 1954 году.

Жаль, что он не дожил до тех дней, когда его замечательное искусство нашло широкое и заслуженное признание.

Семен СВЕРДЛИН

Во льдах Арктики

Никто никогда в жизни мне еще не завидовал. Очевидно, не было случая. А вот с тех пор, как я побывал в Арктике, я только и слышу от своих друзей искренние признания в том, что их гложет черная зависть.

Еще бы! Минувшей осенью повезло мне и в самом деле необыкновенно повезло. Я оказался на борту парохода «Тбилиси», совершающего арктический рейс по великому Северному морскому пути.

Мне посчастливилось плавать в полярных морях, повидать льды и северное сияние, белых медведей и моржей, повстречаться с прославленными судами и ледоколами, познакомиться со знаменитыми ледовыми капитанами и всеми теми, кто принадлежит к чудесному и беспокойному племени моряков, начиная со старых «морских волков» и кончая юнцами, для которых, как и для меня, плавание на пароходе «Тбилиси» явилось их первым морским крещением.

Ледяное дыхание Арктики впервые повеяло на меня знойным июльским днем в самом центре Тбилиси. Здесь, на проспекте Руставели, я столкнулся лицом к лицу с Анатолием Алексеевичем Качарава — героем беспримерного в истории Великой Отечественной войны морского сражения между советским ледоколом и фашистским крейсером, героем моего очерка «Капитан не спускает флаг».

Капитан Мурманского арктического пароходства задыхался от жары и духоты.

— Как вы тут терпите только, бедняги, — сокрушался он, — то ли дело у нас, приезжай к нам на корабль — прохладу почувствуешь, Арктику увидишь, моряков...

Я понимал, разумеется, что это, ни-

кого и ни к чему не обязывающее предложение, не более, как шутка. Но все же, как заняло сердце старого журналиста. Я придерживаюсь того мнения, что журналистика, как и поэзия, — «вся—езда в неизвестное». Конечно, и в Тбилиси еще остались, да и всегда будут оставаться «белые пятна», куда не ступала нога газетчика, любой пункт на земле — неисчерпаемый источник для нашего брата. Но Арктика...

Руководство Мурманского государственного морского арктического пароходства в ответ на запрос газеты любезно сообщило, что, как только пароход «Тбилиси» выйдет из ремонта, оно может предоставить корреспонденту место на борту судна для участия в арктическом рейсе.

Потянулись долгие дни ожидания. До самого последнего момента не верилось, что все будет, как говорят моряки, «О'кей».

И вдруг — телеграмма: «Необходимо прибыть Архангельск двадцать девятому августа».

И вот по деревянному скрипучему трапу подымаюсь на палубу парохода «Тбилиси». Прижавшись левым бортом к стенке причала, пароход вытянулся по течению Северной Двины, устремившись своим чуть изогнутым форштевнем туда, где за Двинской губой угадывалось Белое море. Его студеное дыхание доносилось сюда пронизывающим ветром и ключьями стелющегося по реке тумана...

У причала не один «Тбилиси». Скоро конец арктической навигации, и добрый десяток стоящих здесь судов торопится закончить погрузку и выйти в рейс.

Судов много. Но самое большое сре-

ди них — наш «Тбилиси». И не только самое большое, но и самое красивое.

Впрочем, подлинная красота судна — в его мореходных качествах. А они у «Тбилиси» отличные. И доказательствам этому служат не только свидетельства его экипажа, не только отзывы старых и опытных моряков, но и то, как неустрашимо преодолевает судно самые свирепые штормы, с какой уверенностью проходит оно самые опасные для плавания районы узкостей и мелководья, с какой, наконец, легкостью и даже, я бы сказал, изяществом подходит оно к причалу и швартуется в любых, самых сложных условиях.

Обо всем этом я, конечно, узнал гораздо позже, когда стал уже старожилым парохода и понял, что мореходные качества корабля столько же зависят от искусства создавших его кораблестроителей, сколько от искусства судоводителей, всего его экипажа.

Необыкновенна биография этого судна. Она тесно связана с минувшей войной и так же трагедийна, как и многие события тех незабываемых дней.

В суровую годину войны в Баренцовом море фашистские самолеты разбомбили караван транспортных судов, следовавших с грузами для Советской Армии. Среди затопленных судов оказалось два заокеанских транспорта одного и того же типа, построенных в свое время на одной и той же верфи. Они были как бы братьями-близнецами. И смерть свою они нашли в одном и том же бою: оба были разорваны пополам фашистской бомбой. Но странная случайность: у одного транспорта была затоплена кормовая часть, а носовая, благодаря водонепроницаемым переборкам, осталась на плаву. У часть же другого парохода была противоположной: на дно ушла носовая часть, а на плаву осталась корма.

Еще во время войны уцелевшие части обоих пароходов были отбуксированы в порт. Предполагалось их использовать как металлический лом.

Но через десять лет у работников Мурманского морского арктического пароходства возникла мысль: а нельзя ли нос одного парохода соединить с кормой другого?

Вскоре талантливые советские судоремонтники воплотили эту дерзкую мысль в жизнь. Они срастили две части разных пароходов в одно целое. Так появилось новое океанское транспортное судно. На борту его золотыми буквами засверкало имя «Тбилиси».

Пользуясь временем, когда судно стоит под погрузкой, я знакомлюсь с Архангельском.

Так вот он каков, старинный русский

город у Белого моря, один из крупнейших морских портов мира, город, издавна считающийся воротами в Арктику, город потомственных мореходов.

Облик Архангельска очень своеобразен. Это город, где наряду с красивыми каменными домами стоят не менее красивые деревянные. На улицах города очень широко и во всей красе представлена русская деревянная архитектура. А на окраинах Архангельска можно увидеть не только деревянные дома, но и деревянные тротуары и даже деревянные мостовые.

Немало сохранилось в Архангельске зданий старинной постройки. Они бережно охраняются и выглядят совсем не архаично рядом с совершенно новыми домами самой современной архитектуры.

Поразила меня одна деталь: редакция архангельской областной газеты «Правда Севера», где я побывал по приглашению друзей-газетчиков, расположена в красивом каменном здании, выстроенном в 1668 — 1684 годах! Эти стены, быть может, видели самого Ломоносова. Печатается же газета в типографии, учрежденной, как об этом свидетельствует мемориальная доска, 11 июля 1802 года.

Все в Архангельске связано с морем. И славное героическое прошлое города и его еще более чудесное настоящее.

Как раз в дни, когда «Тбилиси» грузился в Архангельске, готовясь к далекому арктическому рейсу, общественность Архангельска вместе со всей страной широко и торжественно отметила пятидесятилетие трех полярных экспедиций — Г. Я. Седова, В. А. Русанова и Г. Л. Брусилова. Именно отсюда, из Архангельска, ушли эти трагически завершившиеся полярные экспедиции.

С трепетным волнением вглядываюсь я в мемориальную доску, укрепленную на здании морского вокзала. Вчитываюсь в короткую скупую надпись. Она гласит, что полвека назад отсюда, с Соборной (ныне Октябрьской) пристани, отправилась к Северному полюсу первая русская научная экспедиция под руководством Г. Я. Седова.

Первая... А с тех пор с пристаней и причалов Архангельска отправлялись десятки научных экспедиций в Арктику, отсюда уходили прокладывать великий Северный морской путь «Сибиряков», «Седов», «Челюскин». Отсюда уходят на штурм ледовых просторов и сейчас. Идут во всеоружии знаний и опыта, накопленных поколениями полярных исследований, во всеоружии современной могучей техники. По арктическим трассам уходят отсюда караваны судов, которым уже не страшны льды, — через ледовой пояс их прове-

дут мощные ледоколы во главе с флагманом ледокольного флота — атомоходом «Ленин».

Из Архангельска началось и наше арктическое плавание. Вот он, волнующий час отплытия. Подняты якоря. Забурлили под кормой лопасти пароводного винта. Над причалами Архангельского порта мощно звучит отпальный гудок «Тбилиси». Судно прощается с Большой землей.

По приглашению капитана я поднимаюсь в ходовую рубку. Здесь сосредоточено все управление судном. Штурман склонился над картой. Это первая карта нынешнего рейса. Сколько их еще придется сменить за долгий арктический рейс по Белому морю, Баренцову, Карскому, чуть не всем морям Северного Ледовитого океана...

Первые мили пути. Они пролегают по узкому фарватеру Двинской губы. Судно ведет архангельский лодман, отлично знающий все течения, отмели, банки, весь рельеф дна.

Но вот и лодман покидает борт судна. На вахту заступает второй штурман Владимир Хачатурян. Он и знакомит меня с приборами, которые помогают судоводителям, являются их верными и надежными помощниками.

После только что закончившегося ремонта штурманская рубка и ходовой мостик парохода «Тбилиси» оснащены самым современным навигационным оборудованием, позволяющим уверенно вести судно в сложнейших метеорологических условиях. Ни густой туман, ни темная ночь не могут помешать пароходу в его движении вперед.

Но несмотря на обилие приборов, судовождение требует от человека полного напряжения всех своих творческих сил. Это тоже я узнал гораздо позже, будучи свидетелем бессонных ночей, которые опытный полярник — капитан «Тбилиси» Анатолий Алексеевич Качарава, наизусть знающий лоции всех полярных морей, проводил в ходовой рубке.

Курс проложен. Пароход идет вперед. В своих трюмах и на палубах «Тбилиси» везет около десяти тысяч тонн самых разнообразных грузов, доставляет зимовщикам лук и картофель, строительные материалы и тракторы, бочки с огурцами и капустой, автомашины и деревянные сборные дома, бульдозеры и даже один экскаватор. Все это нужно для огромной армии исследователей, строителей, тружеников Арктики.

Белое море, обычно бурливое и беспокойное, встретило нас ласково, гостеприимно, расстелив перед пароходом свою синюю гладь. Лишь где-то вдали, у горизонта, виднелись белые барашки, поднимаемые легким ветром.

Вскоре после полудня, произведя у

себя в каюте несложные предварительные вычисления, я поднялся на мостик. Вахту нес второй штурман. Видно, обнаруживая своих только что приобретенных познаний в области навигации, я спросил:

— Мы, кажется, пересекаем северный полярный круг?

Второй штурман удивленно посмотрел на меня, подошел к карте, где тонкой карандашной линией прокладывался курс судна, и сказал:

— Да, как раз сейчас пересекаем. Точнее минут через 15-20. Надеюсь, точность до одной минуты вам не нужна?

Рубежи за рубежами, как сказал поэт, — за далью даль. Если идешь на судне в дальний рейс, то видишь, как один рубеж сменяется другим столь же быстро и незаметно, как день ночью.

Вечером мы шли Белым морем, а когда на утро я поднялся на мостик, то увидел на столе вахтенного штурмана карту Баренцова моря.

Другое море, другая погода. Вошли в густой туман. Судно сбавило ход. Каждую минуту с мостика подаются протяжные гудки — туманные сигналы. Заступил на вахту впередсмотрящий. Поднялся на мостик капитан. То и дело всматриваются он и вахтенный штурман в экраны радиолокатора. К туману прибавляется мелкий моросащий дождик, изморось. Растет волнение моря.

Но судно уверенно идет вперед и вперед.

На рассвете судно вошло в Кольский залив. Вдали показался Мурманск. Если Архангельск можно назвать воротами в Арктику, то Мурманск — столица Советского Заполярья.

Для парохода же «Тбилиси» Мурманск не просто один из портов, куда он сегодня пришел, в частности, запрашивается топливом. Нет, Мурманск для «Тбилиси» родной порт, порт приписки. На корме парохода имена двух городов всегда вместе, одно под другим: крупными буквами «Тбилиси», чуть поменьше — «Мурманск».

Почти сутки простоял «Тбилиси» в Мурманске. Пароход заправился горючим, взял на борт необходимое снабжение, полностью завершил всю подготовку к дальнейшему арктическому рейсу.

И вот снова по судну раздается команда старшего помощника:

— По местам стоять! Со швартов сниматься!

За кормой «Тбилиси» остается Кольский полуостров. Теперь уже не скоро доведется отдать якорь. Впереди ледовая трасса, впереди Арктика, впереди — бухта Тикси.

В предутренней мгле пароход «Тбилиси» оставил за своей кормой узкий, извилистый фарватер пролива Югорский Шар. Посмотрите на географическую карту. На ней пролив, соединяющий Баренцево море с Карским, показан тоненькой, чуть заметной полоской.

Нелегко океанским судам, имеющим глубокую осадку, таким, как «Тбилиси», проходить через подобный коридор. Пролив изобилует каменистыми банками — так моряки называют опасные для судов мели.

Все эти сложные условия усугубляются темнотой, поднявшимся туманом, сильным течением.

Можно было, правда, застопорить машины и, бросив якорь, переждать непогоду, постоять до наступления дня и улучшения видимости.

Но в позднем арктическом рейсе время — важнейший фактор. Здесь за день, даже за час может так измениться ледовая обстановка, что при самой отличной видимости судну нельзя будет продвинуться вперед ни на один кабельтов — путь ему могут преградить непроходимые льды.

И капитан принимает решение — форсировать Югорский Шар полным ходом. Полный вперед! Для такого решения у Анатолия Алексеевича были все основания: и огромный личный опыт заслуженного ледового капитана, и слаженно, четко работающий весь экипаж парохода, укомплектованный высококвалифицированными штурманами, механиками, матросами, наконец, находящаяся на вооружении у судна самая современная, совершенная, работающая безотказно техника.

Всю ночь капитан провел на мостике. В свою каюту он спустился лишь утром, когда лучи солнца, с трудом пробивая мощные слои облаков и пелену тумана, заиграли неяркими бликами на поверхности Карского моря.

Карское море... Это уже третье по счету море на нашем пути от Архангельска до Тикси по арктической трассе. Пройдены сотни миль. Но большая часть пути еще впереди. Впереди и трудности, значительно превосходящие те, что уже преодолены.

Карское море окутано туманом. Часто видимость уменьшается до одной десятой мили. И тогда «Тбилиси» оглашает море сигналами — протяжными гудками, предупреждающими встречные суда об опасности столкновения. Впередсмотрящий не только зорко вглядывается в толщу тумана, но и чутко прислушивается: не раздастся ли сигнал встречного, обгоняющего или от-

стающего судна. Но Карское море пустынно. В это время уже редкими морей Северного Ледовитого океана. Время позднее. На великой трассе Северного морского пути лишь ледаколы и суда ледакольного типа.

Неожиданно судно изменило курс. «Тбилиси» повернул градусов на 40 к востоку и взял направление на остров Диксон. Здесь мы должны были поделиться своим горючим с судами, возвращающимися из арктического рейса.

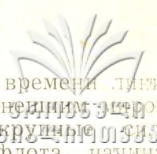
Наш пароход отдал якорь на рейде, милях в двух от Диксона. На малосеньком портовом катере-шлюпке отправляюсь сперва на остров Диксон, а затем в порт и город, находящиеся на материке и отделенные от острова нешироким проливом.

От небольшой пристани на острове вверх ведут деревянные мостки, метра на два поднятые над землей. Сейчас это кажется странным: к чему такое «излишество»? Но объясняется все очень просто: низкие мостки занесло бы первой же пургой и тогда до стоящего на холме дома добраться было бы нелегко. А дом очень важный. Здесь трудятся гидрографы, обеспечивающие судам безопасное плавание в полярных льдах, здесь днем и ночью несут вахту радисты, здесь разместились арктическая научно-исследовательская лаборатория, здесь, наконец, находится сейчас штаб морских операций по проводке судов в Западном секторе Арктики.

Мы побывали в небольшой, сравнительно, комнате штаба. Во всю стену — карта Арктики со всеми ее морями, проливами, островами, портами, полярными станциями. На столе у начальника морских операций — кипа радиogramм. Она никак не уменьшается. Пока прочтут и ответят на одну, примут необходимые меры по другой, нанесут данные на карту по третьей, смотришь — из радиocентра несут еще пяток свежих радиogramм.

Все суда, плавающие в арктических морях, независимо от того, к какому пароходству или ведомству они принадлежат, подчиняются штабу морских операций. Здесь собирают караваны судов, здесь назначают им ледаколы, здесь дают судоводителям обязательные к выполнению рекомендации, словом, здесь руководят арктической навигацией.

С острова Диксон на том же катере мы переправляемся на материк. Вот он — арктический порт Диксон, та самая гавань, которой известный шведский полярный исследователь А. Норденшельд еще в конце прошлого века предсказывал большую будущность. «Я надеюсь, — писал он, — что гавань Диксон, ныне пустая, в короткое время превра-

тятся в сборное место для множества кораблей».

Пророчество Норденшельда сбылось. С запада на восток и с востока на запад бесконечной вереницей идут суда по великой арктической трассе. Всего каких-нибудь тридцать лет назад пройти ее за одну навигацию считалось беспримерным подвигом. А сейчас проход по Северному морскому пути — это обычный арктический рейс.

Здесь, на рейде, у «Тбилиси» было немало встреч, надолго оставшихся в памяти моряков. Именно здесь «Тбилиси» повстречался с пароходом «Сухуми». В далеких арктических водах довелось встретиться двум судам, носящим имена городов Грузии. «Тбилиси» делился своим горючим с «Сухуми». Так старший брат в трудную минуту идет на выручку младшим.

А вот к борту «Тбилиси» подошел еще один пароход — «Зоя Космодемьянская». Здесь по приглашению моряков побывала мать бесстрашной героини Отечественной войны Любовь Тимофеевна Космодемьянская. Гостем судна был в свое время и первый космонавт Юрий Гагарин.

И еще одна знаменательная встреча — к «Тбилиси» подошел теплоход «Хасавюрт». Впервые в истории мореплавания это судно пришло в Арктику из Баку по Волге и Дону, по восемнадцати морям и океанам.

Всю ночь на Енисейском заливе сверкали огни Диксона и стоящих вокруг него судов. Под утро протяжным гудком «Тбилиси» попрощался с Диксоном, собратями-пароходами и лег на свой курс.

Снова бескрайние просторы Карского моря. Справа по курсу судна оказалась узкая полоска. Это остров Белужий. Поднявшись на мостик, капитан пристально, с волнением вглядывается в туманную даль. Знакомые места! Двадцать лет назад в суровый военный сорок второй год он также стоял на мостике знаменитого ледокола «Сибиряков». Именно здесь, близ этого острова, разыгрались события, известные ныне как Карская трагедия. Здесь погиб героически «Сибиряков», потопленный фашистским крейсером «Адмирал Шеер».

По приказу министра морского транспорта СССР каждое судно, проходящее в Карском море мимо острова Белужий, на месте, где «Сибиряков», повторил легендарный подвиг «Варяга», затонул, не сдавшись врагу, должно отдавать салют длинными гудками в память героев, отдавших свою жизнь в борьбе за Родину.

Пустынные воды Карского моря. Здесь на далеком и суровом полярном морском театре день и ночь не стихали ожесточенные бои. Здесь проходили жиз-

ненно важные для того времени линии связи нашей страны с внешним миром. Немцы стянули сюда бранные силы своего военно-морского флота, начиная от катеров и подводных лодок и кончая крейсерами и линкорами. А мы, в силу ряда обстоятельств, особенно в первые годы войны, могли противопоставить фашистам лишь сравнительно небольшие суда, да и то в очень незначительном количестве. Но еще Суворов говорил, что воюют не числом, а умением. Советские люди придали суворовскому изречению свое советское содержание. Силу воинского мастерства они приумножили храбростью, отвагой, бесстрашием и, главное, беспредельной преданностью Родине. Это и обеспечивало советским людям победу над фашистами.

Во второй половине августа 1942 года «Сибирякову» было поручено доставить оборудование и научных работников для организации новых станций на северной оконечности Северной Земли. В полдень 25 августа, когда «Сибиряков», идя своим курсом, проходил вблизи необитаемого острова Белужий, сигнальщик заметил на горизонте военный корабль. Это был фашистский крейсер, или, как его называли, «карманный» линкор «Адмирал Шеер».

На «Сибирякове» прозвучала боевая тревога. С крейсера по радио потребовали подойти к борту немецкого корабля, спустить флаг, сдаваться в плен.

Капитан «Сибирякова» Анатолий Алексеевич Качарава, не медля ни минуты, ответил крейсеру на его приказ. Ответ был достойным для советского моряка. Из всех имевшихся на борту зенитных пушек «Сибиряков» открыл огонь по противнику.

Хорошо зная о том, как слабы их зенитные пушки, как мало значат для толстой брони крейсера снаряды «Сибирякова», даже если они попадут в цель, отчетливо представляя, как в свою очередь уязвим сам ледокол для фашистских снарядов, советские моряки не падали духом. Они решили погибнуть, но своей гибелью спасти целый караван советских судов, шедших следом за ним. Никому из сибиряковцев и в голову не могло прийти, что есть такой путь спасения, как сдача в плен, что можно подчиниться врагу и спустить перед ним советский флаг.

И флаг спущен не был.

Гитлеровский крейсер развернулся правым бортом и дал залп двумя башнями. Первым же попаданием были сметены все орудия с кормы «Сибирякова». Следующий попал в носовую палубу, взорвав бочки с бензином. Еще один угодил в середину парохода. Ранно и контузило капитана. Он потерял сознание.

Объятый пламенем «Сибиряков» начал тонуть. Лишь горстке моряков удалось спустить шлюпку и стать свидетелями гибели родного корабля. Но и они не смогли доплыть до острова Белужий. Шлюпку подобрал немецкий крейсер, и моряки, среди которых находился в бессознательном состоянии капитан «Сибирякова», попали в плен к врагу.

...«Тбилиси» поравнялся с местом гибели «Сибирякова». Над просторами моря раздалися протяжные гудки воинского салюта. Приспущен флаг судна. Капитан Качарава стоит на правом крыле мостика с обнаженной головой. Снова, уже не в первый раз он прощается со своими боевыми друзьями, нашедшими славную смерть героев в пучинах Карского моря. Вместе с капитаном весь экипаж «Тбилиси» отдает почести героям Отечественной войны. В воздух взлетают разноцветные огни сигнальных ракет.

Но вот скрылся с горизонта остров Белужий. На «Тбилиси» продолжается обычная, размеренная жизнь.

Идя широкими разводьями, мы обогнули мыс Челюскина — самую северную оконечность Большой земли, крайнюю точку европейско-азиатского континента, и очутились в море Лаптевых, четвертом по счету море, которое пересек «Тбилиси» на своем длинном пути. Отсюда «Тбилиси» взял курс на юго-восток.

Если пролив Вилькицкого считают ледовой ловушкой, то море Лаптевых можно безошибочно назвать ледяным погребом. Все меньше и меньше остается чистой воды.

Можно часами стоять в ходовой рубке рядом с вахтенным штурманом и любоваться безбрежными ледовыми просторами полярных морей.

Любоваться есть чем. Неповторимы по своей суровой красоте арктические пейзажи. Белая ледяная пустыня оказывается вовсе не только белой и совсем не пустынной. Всеми цветами радуги сверкает Арктика при восходе и заходе солнца. Свою неповторимую красоту приобретают ледяные просторы и ночью. Эта красота непрерывно меняется — одна — при свете луны, совсем иная — когда зажигает свои неоновые огни северное сияние.

С мостика парохода хорошо видны обитатели Арктики; часами параллельным курсом с пароходом плывут моржи. На белом снегу четко выделяются черные спины тюленей. Часто видим песцов, нерп.

Призрачный свет северного сияния озарил ставшую привычной картину. Крутом сплошные торосистые льды. Ни полыньи, ни трещины, ни разводья. Даже работая полным ходом, машины не дают никакого движения. Ни взад, ни вперед.

За кормой парохода «Тбилиси» замерли скованные льдом, другие суда каравана. Вместе с ними недвижимо стоят мощные ледоколы «Ленинград» и «Ленин», используя могучую силу атомных двигателей в десятки тысяч лошадиных сил, с трудом форсирует ледяное поле, пробивая в нем канал для каравана.

С тех пор, как наш караван возглавил флагман ледокольного флота атомоход «Ленин», все вздохнули спокойно: теперь лед не страшен.

Случилось это в море Лаптевых, где более двух суток весь караван, затертый льдами, с нетерпением ожидал прихода атомного богатыря.

«Ленина» увидели мы издалека. Своими мощными лучами дугových прожекторов он прорезал непроходимую тьму арктической ночи.

...Вырубив канал, атомоход разворачивается и идет на околку судов. Это сложная и довольно канительная процедура. Атомный ледокол должен пройти вдоль борта каждого застрявшего во льду судна и вывести его в проложенный канал. Но пока атомоход маневрирует, канал вновь затягивается и вся операция начинается сначала.

От экипажа ледокола и окальываемого им судна требуется работа очень высокой, почти ювелирной точности. Ведь тысячные промады судов находятся в самой непосредственной близости друг от друга. Малейшая неточность в повороте руля — и может произойти катастрофическое столкновение. Но управление судами — в надежных руках. Все делается как надо.

И вот караван снова в движении. Впереди — атомоход «Ленин», за ним — ледокол «Ленинград», у него в кормовом вырезе на коротком буксире пароход «Тбилиси», за нами — остальные суда каравана.

Медленно наступает рассвет. Над льдами встает низкое полярное солнце. Над горизонтом появляется самолет полярной авиации, вылетевшей на ледовую разведку. Вскоре, подобрав брошенный летчиком вымпел, капитан атомохода Борис Макарович Соколов знакомит по радиотелефону всех капитанов судов каравана с ледовой обстановкой.

С каждым днем все холоднее. Мы уже начинаем привыкать к двадцатиградусному морозу. Особенно трудно приходится палубной команде. Матрос первого класса Сергей Денисов несет вахту на баке на самом открытом для всех ветров месте судна. Матрос следит за креплением буксирного каната. Он готов по первому сигналу обрубить буксир. Острый топор всегда под рукой. Вахтенный одет поверх ватной тужурки в тяжелый овчин-

ный тулуп, на его ногах — теплые валенки, на руках — меховые рукавицы. Но и в этой одежде ему долго не выстоять. Матросы на баке сменяются каждый час. Вслед за Денисовым на «холодную» вахту заступает матрос Юрий Зарубин.

Ненамного легче и вахтенному штурману. Из рулевой рубки ему то и дело приходится выходить на открытое крыло мостика. А оно тоже доступно всем ветрам и морозу.

Теперь уже не на каждой географической карте можно уместить путь, пройденный пароходом «Тбилиси». На той, например, где изображена Европейская часть страны, нет моря Лаптевых, во льдах которого наше судно прокладывает сейчас свой курс. А на карте Азии не найдешь ни Мурманска, ни Архангельска, откуда начинали мы свой арктический рейс.

Далеко от родных берегов находятся сейчас моряки «Тбилиси». Сужу по себе: расстояние до моего дома в Тбилиси исчисляется многозначной цифрой — около восьми тысяч километров. Не намного ближе сейчас и дома членов экипажа. На судне есть ленинградцы и рижане, мурманчане и архангелгородцы, ростовчане и киевляне, люди из Белоруссии и даже из Узбекистана.

Родной дом. Как бы далеко он ни был, он всегда в сердце моряка, всегда в его мыслях. В свободные минуты на вахте (бывают и на вахте, правда, довольно редко, свободные минуты), в часы отдыха в красном уголке, за обедом в кают-компании нет-нет да услышишь, как вздохнет моряк, скажет, ни к кому собственно не обращаясь:

— Ого! Сегодня уже пятнадцатое октября! Полтора месяца как Вовка в четвертый класс ходит. Нахватал поди уж двоек, злодей. Вот подожди, посмотрю твой дневник, будет тебе аврал по звонку громкого боя.

Но не скоро выберется моряк проверить школьный дневник своего сына.

Моряков часто спрашивают: не скучают ли они в дальнем плавании по дому, не тоскуют ли по родным? Что ответить морякам? Могут, конечно, сказать, что скучать в море некогда. Спросите об этом у боцмана Андрея Шулина. Он сам вас забросает вопросами. На какой, спросит, вахте скучать матросу: на той, когда на баке стоишь и с якорцепню возишься? Или на той, когда кисть и краски в руках и старпом всего три дня срока дал на то, чтобы пароход, как стеклышко, блистал? Ну, а о вахте на мостике и говорить не приходится. За штурвалом у руля или на крыле мостика, глядя вдаль в туман в качестве впередсмотрящего, о доме и родных не задумаешься.

Тяжела, что и говорить, служба у палубной команды. Но и у машинной не легче. У котлов, машин, механизмов не задумаешься. И ведь не только из-за того, что следить за форсункой или подшипниками, за напряжением, давлением, за уровнем воды, топлива, масла, за температурой и оборотами. Машина требует к себе постоянного внимания. Внимания и ухода, непрерывного ремонта и смены отдельных деталей и частей моторов, двигателей, насосов, всего сложного хозяйства, которым заполнено машинно-котельное отделение.

Нет, за вахтой ни на палубе, ни в машине, ни на мостике не поскучаешь. Может, в свободное от работы время? Его, прежде всего, не так много — человеку после вахты отдохнуть надо, привести себя в порядок, принять душ, простираться, сорочку, отутюжить брюки, побриться, наконец.

В свободную от всех этих дел минуту не худо забыть «козла». Четверо играют, а вдвое больше «болеют» — вечный спор между палубной и машинной командами. Кроме домино, и шахматы есть, и радио, и телевизор, и пианино, и библиотека. Так что пусть никто не подумает, что единственное развлечение, единственная забава для моряка — это забыть «козла».

А кино? Вот уж что свободный от вахты моряк вряд ли пропустит, так это киносеанс, устраиваемый в столовой.

Впрочем, есть и такие. И не потому, что они не любят кино, а потому, что им не хватает времени. Его на судне, как уже говорилось, совсем не много. И прежде всего времени не хватает тем, кто учится. А учится на «Тбилиси» добрая половина всего экипажа.

Как-то, разбирая книжный шкаф судовой библиотеки, я обратил внимание на казалось бы странное соседство: рядом с Горьким и Бальзаком, Нико Лордкипанидзе и Джоном Голсуорси, рядом с новинками советской и иностранной литературы стояли учебники по физике, математике, русскому языку и географии.

Но ничего странного в таком соседстве не оказалось. Все было закономерно. Почетное место в судовой библиотеке занимают учебники, по которым моряки получают заочно, без отрыва от своей беспокойной и нелегкой морской профессии, полное среднее образование.

Одна всего ступенька до его завершения осталась заочникам десятиклассникам машинисту Владимиру Колпакову, кочегарам Юрию Федорову, Николаю Безверхову и другим. Часть моряков учится в восьмом классе. Среди них — плотник Юрий Шапов, кочегар Вячеслав Наим, матросы Юрий Зарубин, Валентин Фадеев, Александр Бойцов и другие.

Кто занимается в седьмом классе, кто в девятом. Занимаются добросовестно, настойчиво, прилежно.

Старшие товарищи на судне следят за младшими, помогают им. Для получения консультации, например, вовсе не обязательно дожидаться берега. Есть на судне свои преподаватели-консультанты. Электромеханик Анатолий Фатеев преподаёт заочникам математику, судовой врач Анатолий Власов — химию, четвертый штурман Ростислав Воронин и радист Владимир Боровиков — физику, первый помощник капитана Борис Дробин — английский язык, историю, географию, математику. Привлечены к преподаванию и другие специалисты.

Преподают, конечно, на общественных началах, без всякого вознаграждения.

Так что на судне почти все заняты учебой — одни учатся, другие учат. Времени действительно в обрез. И скучать по дому, тосковать по родным действительно моряку некогда.

Все это так. Но тем не менее моряк и скучает, и тоскует. Никуда от этого не уйдешь. И на какой бы трудной вахте моряк не стоял, какую бы картину ни смотрел, чем бы он ни занимался, родной дом, родная семья всегда у него в мыслях, всегда в сердце.

Еще в Тбилиси, когда, готовясь к плаванию, я собирал и читал все, что написано об Арктике, о море и моряках, мне повстречалась одна морская поговорка. Моряк, говорится в ней, должен уметь подойти к столу, к женщине и к причалу.

Сперва она показалась мне просто забавной шуткой, веселым парадоксом, каламбуром, игрой слов. Вскоре, однако, я увидел, что пословица не лишена глубокого смысла. Но только проплавав с моряками «Тбилиси» два месяца, я понял, сколько в ней, этой поговорке, мудрой правды жизни, как в ней скупое, лаконично, несколькими словами, но почти с исчерпывающей полнотой обрисован облик моряка.

Моряк должен уметь подойти к столу, к женщине, к причалу. Да ведь именно такими я и видел всегда моряков «Тбилиси» — подтянутых, вежливых, корректных, отдающих любимой работе не только свои знания и силу, но и само сердце.

Уметь подойти к столу. Вы думаете, что на море это так просто? Я видел, как подходили к столу моряки, сменившиеся только что с трудной, изнурительной ледовой вахты. Где бы ни нес он вахту — на мостике, в трюме машинного отделения, на палубе — везде это тяжёлая, подчас грязная работа. А в столовую и в кают-компанию люди входили веселыми, с улыбкой и

шуткой, будто они не с вахты, а прямо с увеселительной прогулки. И это — принятый для того, чтобы выжить в условиях ледовой вахты, — тщательно выбритые, чуть надушенные, в безукоризненно отутюженных кителях и брюках, многие с белоснежными воротничками и строгими черными галстуками — можно подумать, что люди пришли не на обеденный перерыв в разгар рабочего дня, а на официальный, торжественный прием с участием самого министра морского транспорта.

Может быть, мне повезло, и только на «Тбилиси» моряки столь пунктуально следят за своим внешним видом? Нет, мне доводилось обедать на атомоходе «Ленин», бывать в кают-компаниях «Сухуми», «Зои Космодемьянской», «Хасавьюрта», «Мсты» — и везде я находил подтверждение тому, что моряки «умеют подойти к столу». И может, не лишним будет отметить, что даже в уставе морской службы содержится параграф, в котором прямо говорится, что лицам, неопрятно одетым и небритым, посещение кают-компаний запрещено.

Ну, а что кроется за словами, требующими от моряков умения «подойти к женщине»? Следует только сразу предупредить, что нет в них пошлости. Она далека от них, как моряк бывает далек от берега. Просто за этими словами нужно видеть добрую и славную традицию советских моряков: чем больше ты проявляешь уважения к женщине, тем крепче твой авторитет, выше твоё собственное достоинство, тем больше ты сам заслуживаешь уважения как в глазах женщин, так и в глазах мужчин.

Что еще мне прибавить к этому? Вспомню эту добрую морскую традицию я видел в том, как моряки с «Тбилиси» и других судов нашего каравана, пришедших после тяжелого, продолжавшегося месяц, арктического рейса в Тикси, знакомились на танцах в портовом клубе с женщинами и девушками этой далекой гавани — крановщицами, диспетчерами, счетчицами грузов. Недаром один старый морской писатель утверждал, что моряки — чувствительнейший народ на свете и у каждого моряка под рубахой бьется мечтательнейшее сердце.

Как же моряк подходит к причалу? Какая должна быть точность расчета, быстрота реакции, высокое мастерство, я бы даже сказал, искусство судоводителя, чтобы учесть в момент швартовки и тысячи тонн, которыми измеряется вес судна, и скупые секунды, что отведены на маневр, и тысячи лошадиных сил, которыми располагают двигатели судна и пяти буксиров. Уметь подойти к причалу — значит уметь управлять мас-

сой, силой, движением, временем. Да еще учитывать — и тоже очень точно! — силу и направление ветра, скорость течения и многие другие факторы.

Моряки «Тбилиси» умеют подходить к причалу. Я не уставал любоваться четкими действиями матросов на баке под руководством боцмана Андрея Шулина и на корме под руководством плотника Юрия Шапова.

Андрей Шулин у якоря, Николай Степанов с кранцами, Сергей Денисов с бросательными концами — здесь каждый знает свою роль, здесь все расписано — кому и что делать, как в оркестровой партитуре — кому и что играть. И, конечно, за штурвалом во время швартовки — всегда матрос Николай Носов. Каждый может стать моряком. Каждый моряк должен уметь стоять на руле. Но не каждый моряк — хороший рулевой. А Николай Носов — отличный. Только такому, лучшему из рулевых, можно доверить штурвал на швартовке, когда от малейшего поворота зависит судьба судна.

Как бы ни были тяжелы условия швартовки, «Тбилиси» неизменно подходит к причалу так же аккуратно и собрано, как моряк подходит к столу, также предупредительно и нежно, как моряк подходит к женщине.

В одной морской книжке очень коротко и очень точно, всего четырьмя словами определен путь корабля: от берега к берегу. И неудивительно, что с первого до последнего дня плавания мысли моряка заняты якорем. Ведь начало и конец каждого рейса знаменуются возней с якорями.

Но, конечно, не только швартовкой занят в рейсе моряк. Он должен уметь не только подойти к причалу, но и ходить в море — в бурю и туманы, по чистой воде и во льдах, по широкому морскому простору и в узостях пролива, каналов, фарватеров, тогда, когда под судном толща океана и когда под килем фут, а то и того меньше.

Нет, и на суше я никогда не считал профессию моряка легкой, а жизнь его беззаботной. Но только в плавании, проживя с моряками два месяца, видя их в труде и в часы отдыха, поднимаясь на мостик и спускаясь в машинное отделение, я узнал, как тяжел путь моряка, понял, что он по плечу лишь настоящему мужчине.

Да и где же быть настоящему мужчине, как не на море?! Здесь у него и работа по душе, есть где приложить силу свою, несгибаемую волю, есть на чем закалить характер, на каждом шагу — возможность и необходимость бороться с природой, с ее злой стихией, смотреть в глаза опасности.

Опасность даже сейчас, в век авиоматики, радиотелемеханики, элктроники, что пришли на помощь судоводителям, всегда рядом. Опасность всегда подстерегает моряка.

А от моряка требуется, чтобы он сам подстерегал опасность. В уставе морской службы об этом сказано прямо и недвусмысленно: считай себя ближе к опасности. Это значит: отбросить беспечность и легкомыслие в оценке обстановки. Это значит: не надеяться, что, авось, удасться проскочить, когда опасность наступила. Видеть себя ближе к опасности — значит действовать осторожно, осмотрительно, гарантируя свое судно от всяких случайностей.

Только те, кто видят себя ближе к опасности, не сядут на мель в самом мелком месте, не столкнутся в тумане со встречным судном, не врежутся в берег или банку в коварных извилистых узкостях.

Находясь на верхнем мостике, я неоднократно наблюдал, как Анатолий Алексеевич Качарава, которого сам Герой Советского Союза М. В. Водопьянов назвал храбрейшим капитаном, неожиданно, без всякой видимой для других причины, переводил ручку машинного телеграфа, сбавляя ход с полного до среднего или малого, а то и вовсе командуя «стоп машина!». Это капитан видел опасность ближе, чем все другие.

Видеть опасность ближе, чем она есть, — значит занять выгодную позицию для борьбы с ней, значит отдалить опасность от судна, от экипажа. Но уметь видеть опасность — вовсе не значит бежать от нее. Если было нужно, капитан шел навстречу опасности в самое ее пекло, шел и выходил победителем. Даже тогда, когда он повел свой «Сибиряков» на бой с «Адмиралом Шеер». Не фашистского же пирата, трусливо бежавшего из Карского моря после расстрела «Сибирякова», считать победителем боя!..

Я часто задавал себе вопрос: как это у моряков все всегда хорошо получается — и трудная швартовка, и плавание во льдах, и движение в тумане, и нужное давление в котле, и вкусный борщ на камбузе. И кажется мне, что немалую роль играет здесь строгая система прохождения по службе. Тут не станешь матросом первого класса, пока не поработаешь известного срока во втором, не назначат тебя штурманом, если при наличии диплома у тебя нет стажа, и довольно длительного, работы простым моряком. И далее строго размеренная дорога — четвертый штурман, третий, второй, старший. У каждого — свой круг обязанностей, каждый этап — это знание и опыт той или другой отрасли морских знаний. То же

и у механиков — каждый последовательно проходит все ступеньки служебной лестницы — кочегар, машинист, механик.

И потому моряк знает любую морскую работу — дранть палубу, красить корпус, стоять на руле, отдавать якорь, принимать концы, управлять лебедкой... Да разве перечислишь все, что должен уметь и знать моряк. Я уж не говорю о том, что моряк должен уметь бриться при любой качке, сам стирать и гладить свое белье, крутить кинокартину, поставить заплату...

Но прежде всего моряк должен любить труд, любить и уметь работать. Такими и видел я моряков на «Тбилиси».

Настоящий советский моряк — это настоящий мужчина. И этим многое сказано.

Обратный путь от Тикси к Мурманску занял значительно больше времени и потребовал от экипажа судна неизмеримо больше трудовых усилий и напряжений. Почти на всем протяжении обратного пути «Тбилиси» приходилось бороться с тяжелыми льдами.

В этой борьбе мы не отступали. Отступали льды. Мы выходили победителями, несмотря на всю их тяжелую силу, безжалостную, всеокрушающую мощь. Самым тяжелым льдам не удалось преградить путь нашему каравану, во главе которого шел атомный богатырь «Ленин».

Но дело, конечно, не в одной чудесной силе, которой обладает атомоход. И в атомный век, как и раньше, льды остались сильнее металла. Но люди оказались сильнее льдов — наши советские люди, вооруженные техникой, знаниями, опытом, смелые, отважные советские люди. К таким всегда приходит победа.

В самом конце октября, завершая многотрудный арктический рейс «Тбилиси» подходил к Мурманску, и вот уже и срок моего пребывания на судне. Давно оно уже стало для меня родным и близким. Крепко подружился я с матросами и кочегарами, штурманами и механиками. Но вот наступил час расставания.

Я прощаюсь с морем, со льдами, с моряками-соплавателями. Медленно схожу по трапу на берег. Вместе со мной веселой гурьбой выходят моряки. Многих здесь ожидают жены, соскучившиеся по своим мужьям. У всех радостное, чудесное настроение. Трудный рейс окончен. Два, а то и три дня можно пожить на берегу, на твердой земле, которая не качается, не уходит из-под ног, не сотрясается мелкой дрожью. Твердая, родная земля.

Все радуются. И, пожалуй, лишь у меня грустное настроение. Когда еще доведется мне побывать на «Тбилиси», повстречаться с полюбившимися мне людьми. Когда еще удастся мне плотненько морского воздуха.

Быстро проходят два дня. «Тбилиси» уходит в новый рейс. На этот раз к Норвежскому острову Шпицберген. Я уже не на борту парохода, а на пристани, в качестве провожающего. Я вижу, как один за другим покидают мурманский порт рыболовные траулеры, лесовозы, танкеры, суда-рудовозы. У каждого судна свой путь, своя работа, своя судьба.

Над Мурманским портом звучит знакомый, близкий до слез гудок «Тбилиси». Сколько раз слышал я его в море и во льдах, в портах и проливах. «Тбилиси» прощается с Мурманском, а я прощаюсь с «Тбилиси». И при этом стараюсь быть кратким и лаконичным, как исчерпывающе коротки морские команды:

— Счастливого плавания!

Владимир ЗЕМСКОВ

Маяковский рецензирует,

Маяковский говорит

12 декабря 1927 года. Тбилиси. Зал в Закавказском коммунистическом университете. Литературный вечер. Полно студентов, писателей. Выступает Владимир Маяковский. Намечавшийся на 6 часов вечера доклад во Дворце искусств на тему «Стихи и задачи поэта» не состоялся, так как Маяковский пригласил писателей в университет. Разговор о поэзии продолжается. В руках у докладчика небольшая книжечка стихов. Маяковский использует эти стихи в качестве примеров к своему докладу. Атмосфера накаляется. Сыпятся записки. Спрашивают с мест. Потом выступают члены Ассоциации пролетарских писателей Грузии. Берет слово ректор университета М. И. Лисовский. Маяковский слушает, изредка что-то записывая карандашом на обложке книги. Потом снова просит слово и отвечает своим оппонентам.

Стенограммы вечера не велось, но сохранилась книжка Г. Крейтана «Человек на крыше»¹. На ее листках имеются собственноручные пометки и записи Маяковского. Первая группа пометок находится в тексте и на полях сборника и относится непосредственно к стихотворениям Г. Крейтана. Они, вероятно, были сделаны при беглом просмотре книжки. Но тем не менее заметки содержат ценный материал для характеристики взглядов Маяковского на поэзию и во многом перекликаются со статьей «Как делать стихи?».

В. А. Арутчева, присутствовавшая на вечере, вспоминает, что Маяковский

начал свое выступление с упрека издателям книги Крейтана.

«Смотрите, — говорил Маяковский, раскрывая книгу, — чистая страница, еще чистая, еще, еще... Сколько бумаги истратили! Четыре страницы, на которых кроме имени автора и названия книги ничего нет. Целую поэму можно было бы напечатать на этой бумаге».

Действительно, книга Г. Крейтана издана чрезмерно «роскошно» для времени, когда страна испытывала бумажный голод. На одной из чистых страниц рукой Маяковского поперек написано: «пролет(арское) верже». Этим Маяковский как бы сравнивал книгу Крейтана с дореволюционными изданиями любителей-меценатов.

Книга «Человек на крыше» открывается стихотворением «Эпическая крепость». Это стихотворение является как бы предисловием к сборнику и определяет его направление. В нем Г. Крейтан призывает к отказу в поэзии от лирики ради эпического.

Должна быть крепость в жизни
и стихах,
Где вместо лирики мы ставим эпос.
Лирическому свойственно стихать,
Эпическому подобает крепость.

Маяковский подчеркивает третью строку четверостишия и пишет внизу строчки из своего стихотворения «Юбилейное»:

Надо,
чтоб поэт
и в жизни был мастак,
Мы крепки
как спирт...

¹ Хранится в Центральном архиве литературы и искусства СССР.

Эти строки, вероятно, были началом большого разговора о необходимости близости поэта к жизни страны, разговора о борьбе с аполитичностью в искусстве. Увлечение некоторых писателей так называемыми «эпическими полотнами» получило резкую отповедь Маяковского в статье «Как делать стихи?». Он пишет: «Для лучшего выполнения социального заказа надо быть передовым своего класса, надо вместе с классом вести борьбу на всех фронтах. Надо разбить вдребезги сказку об аполитичном искусстве. Эта старая сказка возникает сейчас в новом виде под прикрытием болтовни о «широких эпических полотнах» (сначала эпический, потом объективный и, наконец, беспартийный), о большом стиле (сначала большой, потом возвышенный и, наконец, небесный) и т. д., и т. д.»¹.

Одним из таких «эпических полотен» сборника Крейтана является стихотворение, давшее ему название — «Человек на крыше». Содержание стихотворения следующее: на площади большого капиталистического города происходит митинг. Человек стоит на крыше небоскреба. Войска разгоняют демонстрантов, и человек в порыве энтузиазма бросается с крыши на помощь к своим. Стихотворение кончается строчками:

Площадь была для паденья узка
И череп, конечно, треснул.
На этом кончается данный рассказ,
Дальнейшее — неинтересно.

Сюжет стихотворения сам по себе очень надуман. Поступок человека, бросающегося с крыши, явно бессмыслен. Но если Крейтан и считает этот поступок героическим, то приведенные строчки, которые подчеркнул Маяковский, снижают патетику всего стихотворения.

Если мы посмотрим последующие сборники Крейтана, то увидим, что поэт убрал эти строки из стихотворения, согласившись с критикой Маяковского.

Большой интерес представляют пометки Маяковского к стихотворению Крейтана «В лесу». В двух четверостишиях

И вдруг уткнулось дуло в бровь
И шепчет — словно крик.
Ага! Попался, песья кровь!
Проклятый большевик.

Но сквозь пургу, врагу в глаза,
Как гром средь тишины,

Уже летел за залпом залп
С советской стороны.

Маяковский переделывает слово «буржуй» на «буржуйка», «казак» на «казак» и вместо слова «крик» надписывает слово «кряк».

Спародировав таким образом стихотворение, Маяковский показывает, что художественная беспомощность строк, а отсюда слабость выражения политической идеи произведения, отсутствие социальной направленности позволяют, переиначив два слова, изменить весь его смысл. Недаром Маяковский подписывает под стихотворением вполне обоснованный вопрос: «На чьей стороне?».

Другое стихотворение Крейтана «Ночной перегон», из содержания которого не ясно ни время, ни место, ни идея происходящего события, получило оценку Маяковского — «нейтрально».

Маяковский выступал за самостоятельность творческого лица поэта, против подражательства в литературе. Так, в четверостишии из стихотворения Крейтана «Возвращение»:

В теплушке нашей сон и свет,
Тряси, стучи, толкай.
Четыре сбоку, наших нет
И храп до потолка.

Маяковский подчеркивает третью строчку и приписывает сбоку — «Сельвинский». В эти годы поэт Илья Сельвинский создал ряд произведений, в которых часто использовал воровской жаргон. Так, например, стихотворение «Вор» целиком построено на этом жаргоне. В приведенном четверостишии ясно видно подражание Крейтана Сельвинскому.

Огромную работу Маяковского над выбором слова раскрывают нам черновые рукописи и записные книжки поэта. Так же, как к себе, требовательно относился Маяковский и к другим поэтам. Ряд замечаний в книге Крейтана относится к небрежному употреблению поэтом некоторых слов. Так, например, в стихотворении «Перемена» в четверостишии

По-прежнему стлы, дрожа и мокраясь,
Извозичьи тощие лошади,
Но как-то особенно квакала грязь
Под нервными слишком калошами.

Маяковский подчеркивает слово «нервными». Действительно, определение «нервные» в данном случае совершенно бессмысленно. Это даже не образ.

Стихотворение «Разница» начинается следующими строчками:

Границы, луна — осторожный серп.
Возможна любая версия,

¹ Маяковский. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 116.

Но если налево СССР
То значит направо Персия.

Крейтану, вероятно, понравилась рифма «версия — Персия». Рифма повела поэта за собой, и весь смысл четверостишия получился надуманным, а само оно искусственно прикрепленным к положительному в общем стихотворению. Маяковский соединяет слова «версия», «Персия» чертой и надписывает: «Я знаком по последней версии». Надпись, вероятно, представляет собой начало большой фразы, произнесенной Маяковским. Скорее всего, это замечание было ироническое.

Критикуя Крейтана за небрежное отношение к слову, агитируя за смысловую точность и конкретность выражения, Маяковский в то же время отмечает удачные рифмы, определения, найденные поэтом. Так, в стихотворении «Около смерти», в строке «Сжимают руки холодок ружья» Маяковский подчеркивает последние два слова и надписывает сбоку: «хорошо».

Из упоминаемого выше стихотворения «Эпическая крепость» Маяковский выписывает удачную рифму «эпос-крепость».

Пример хорошей рифмы Маяковский отмечает также в стихотворении «Пути ночные»:

Стальные пути обежали город
Двойным, синеватым, тугим кольцом
И, густо обросшие, смотрят горы
На города выбритое лицо.

Подчеркивая слова «город», «горы», «на города», он с удовлетворением замечает на полях: «наши рифмы».

Что такое «наши рифмы»? Маяковский придавал рифме большое значение. Он считал рифму организующим элементом стиха. Рифма в стихах Маяковского подобрана из точного учета фонетических особенностей русского языка.

К сожалению, мы ничего не знаем о знакомстве Маяковского и Крейтана. В воспоминаниях П. И. Лавута о приезде Маяковского в Тифлис в 1927 году написано: «Писатели, журналисты, просто знакомые целый день приходили к нему. Один поэт специально приехал из Эривани, чтобы повидаться с Маяковским. Не помню фамилии этого поэта, но помню, что Маяковский был немало польщен»¹. Кто знает, может быть, среди этих поэтов был и Георгий Крейтан, являвшийся представителем литературной общественности Тбилиси, секретарем русской секции Ассоциации

пролетарских писателей Грузии. К этому времени он уже выпустил две книги стихов и часто выступал в периодической печати.

Среди сохранившихся записок, данных Маяковскому на вечере в театре Руставели 9 декабря 1927 года, есть одна, в которой упоминается имя Крейтана:

«За какие добродетели вместе со своими стихами продаете стихи Георгия Крейтана...»

Оставляя тон и характер записки на совести ее автора, отметим, что во многих городах Маяковский проводил обследования книжных магазинов, выясняя, как продается поэзия. Он договаривался с заведующими магазинов, чтобы они устраивали на его выступлениях базары книг. Поэт продавал их в перерыве, надписывая свои, пропагандируя книги других поэтов. Вероятно, Маяковский считал, — книга Крейтана достойна того, чтобы она дошла до читателя.

По свидетельству жены Крейтана, Н. А. Орловской, он, возвратясь домой после описываемого вечера, был очень доволен оценкой его стихов Маяковским и оживленно рассказывал ей об этом.

Спустя три года Маяковского не стало. Георгий Крейтан откликнулся на смерть поэта стихотворением «Товарищу Маяковскому»:

Наша жизнь
Стихами растекалась
По фронтам
И по витринам «Роста»;
Вам в итог кладет
Рабочий класс
Памятник крупнейшего роста.
Вам,
В упорный бой
Водившему отряды
Сотен тысяч новых слов и тем,
С Пушкиным в веках
Стоять почти бы рядом,
И не потому,
Что он на «П», а Вы — на «М».

И, разбив существования скрепы,
Были Вы — до боли неправы.
В вашей жизни — умирать — нелепо,
И таким, особенно, как Вы»¹.

Последний чистый лист и обложка книги Крейтана представляют собой три страницы рукописного текста Маяковского. Эти заметки — тезисы ответного выступления Маяковского оппонентам по его докладу.

Как мы уже говорили, на вечере

¹ П. И. Лавут. Маяковский едет по Союзу. «Знамя», 1940, № 6—7, стр. 272.

¹ Г. Крейтан. Земные звезды. Изд. «Зак-кигга», 1931, стр. 98—99.

после доклада Маяковского выступали члены Ассоциации пролетарских писателей Грузии.

Это было время многочисленных литературных группировок и объединений. Острая борьба, происходившая в те годы на литературном фронте, находила свое отражение в группировках. Критика велась с узко групповых позиций. Писатель, пусть даже бездарный, но из «своей» группы всячески ограждался от критики. Маяковский уже в то время ясно видел вред групповщины. В 1928 году, выступая на общем собрании писателей в Доме Герцена, он говорил: «При прикреплении писателя к литературной группировке он становится работником не Советского Союза и социалистического строительства, а становится интриганом своей собственной группы»¹. Такова была обстановка, в которой происходил описываемый вечер. Выступления оппонентов Маяковского во многом носили налет групповщины.

Выступавшие обвиняли Маяковского в поверхностном разборе стихов Крейтана и, в частности, говорили, что поэт не должен отвечать за то, как его издают. Ответ Маяковского записан в начале тезисов:

«Крейтан. Поверхностно.
Не Крейтану, а Заккинге упрек»²

Далее следуют тезисы ответа критику Кикодзе. Платон Кикодзе — литературный критик левацкого толка, по свидетельству присутствовавших на вечере, заушательски критиковал Маяковского. К сожалению, записи Маяковского очень кратки, и поэтому невозможно установить, что скрывается за следующими словами:

«Кикодзе
фиктивной организацией
единицы
Нет бога, кроме Аллаха
и Маяковский пророк его».

Однако, по утверждению некоторых участников вечера, последняя фраза скорее всего принадлежит самому Кикодзе.

На вечере выступал поэт Аркадий Ситковский, который рассказал мне сам о том, что он говорил в своем выступлении. Ему непонятна была платформа, объединяющая группу ЛЕФ, и что в эту группу входят люди различных политических и литературных взглядов и направлений. Аргументируя свою мысль,

¹ В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 370.

² Заккинга — издательство в Тбилиси, выпустившее книгу Г. Крейтана.

Ситковский приводил отрывки из стихов Н. Асеева.

Маяковский записывает для ответа:

«Ситковский
Революционная
Броненосец Потемкин
и Шмидт лейтенант»

Слово «революционная», вероятно, о тематике, над которой работают и которая объединяет представителей ЛЕФа.

«Броненосец Потемкин» — фильм известного кинорежиссера С. М. Эйзенштейна. «Лейтенант Шмидт» — название поэмы Б. Л. Пастернака. Оба они входили в группу ЛЕФ. Маяковский привел названия их произведений для подтверждения своей мысли о революционной тематике.

Положительно относясь к Н. Асееву, Маяковский, конечно, не мог согласиться с оценкой Ситковским творчества этого поэта.

«Асеев
снизить в ремесленный
навык.
в подметки
Как формалист
выдергивает отдельные».

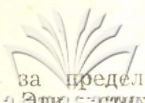
Первые строки являются протестом против попытки снизить творчество Асеева до ремесленного навыка. Следующие фразы относятся, вероятно, к Ситковскому, который для доказательства своей мысли из большой поэмы Асеева «Лирическое отступление» вырвал отдельные строки.

Фразу «учителями, а не союзниками», которую записал Маяковский, А. Ситковский считает своей. Он говорил, что лефовцы держатся в литературной борьбе учителями, а не союзниками. Что отвечал на это Маяковский, мы не знаем. Неизвестно также, почему следом за этой фразой стоит фамилия Саянова.

Ректор Закавказского коммунистического университета М. И. Лисовский в своем выступлении повторил ходовое, тенденциозное, обывательское утверждение, будто стихи Маяковского непонятны рабочим массам. Маяковский после фамилии Лисовского записывает тезисы ответа последнему:

«Рабочим писать по новому.
Зубило в правую руку.
Понятным для массы для своего
времени
Перешел к простому языку».

Можно предположить, что за этими фразами скрывается мысль, которую Маяковский часто повторял в своих выступлениях. Он говорил, что перед со-

временным писателем стоят две трудности — это «привычка писателя сегодняшнего дня писать... литературным языком. Тем языком, который замыкался узким кругом салонов и интересами салонов... С другой стороны, все еще низкий культурный уровень, который ежедневно поднимается, который быстро поднимается, но все же во многом еще стоит на низком уровне»¹. По мнению Маяковского, необходимо было, не «снижая темы», писать тем языком, на котором говорит масса.

Вторая фраза, вероятно, один из излюбленных примеров Маяковского, говорящих о том, что поэт должен правильно разбираться в производственном процессе, о котором пишет.

И, наконец, последняя фраза в ответе Лисовскому скорее всего относится к творчеству самого Маяковского.

Сбоку на странице, как бы второй колонкой, Маяковским записаны следующие отдельные слова и фразы:

«Вывесочники
зачитываются.
Антидюринг.
Может
превратиться.
Потерины
для массы
в которой понимал...»

Каждая из этих фраз обведена Маяковским и явно представляет отдельную мысль. Они, думается, являются продолжением предыдущего разговора о доступности поэзии тем, у которых еще не высокий культурный уровень, тем, которые еще учатся читать по вывескам.

В заключение Маяковский переходит к выводам. Он пишет:

«Об основных вопросах.
Мало обоснованные принципы.»

Последнее, очевидно, о принципах выступающих оппонентов.
Далее следует фраза:

«Смеялись над цифрами
Политически смеяться не приходится.»

Что это за цифры? В эти же годы в своих выступлениях Маяковский приводил пример с цифрами большого количества пишущих стихи. «Я высчитал, — говорил Маяковский, — что в одной Харьковщине 180.000 поэтов. От поэтов не продохнуть. Среднее мясо этих стихов ужасно. Стихотворное на-

воднение выходит далеко за пределы литературных интересов. Эти стихи уже не стихи, а «стихийные бедствия». Они вредны для организации молодого сознания. В результате в магазинах ни одной книжки стихов не берут...»¹

Об этом же «стихийном бедствии» говорят дальнейшие записи Маяковского:

«Неб(ольшой) процент войдет в литературу.
Колич(ество) перех(одит) в качество.
Это еще не значит, что хорошо.»

Первая фраза относится к большому количеству поэтов, небольшой процент из которых войдет в литературу. Две последующие — развивают мысль Маяковского. Но обоснование ее мы не знаем, так как далее идут слишком общие или слишком короткие заметки Маяковского, расшифровать которые нет возможности.

«Культурную политику.
Политические декларации нет.
Грустные размышления.
Злоупотребляем мы.
Чрезвычайно левые кирпичи.
Но не мелочь
целью в конце.
Овладеть
старой культурой».

Можно лишь догадаться, что речь шла, очевидно, о культурной революции, об овладении старой культурой. Цитата из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин»,

Но мелочь
целью в конце
вероятно, была приведена Маяковским, чтобы доказать, что вопросы культурной революции и овладения старой культурой, которые сейчас многим кажутся мелким и будничным делом, в конце концов, в конечной цели своей дадут общее повышение культурного уровня народа.

Драматург А. А. Араксамян, бывший на описываемом вечере, вспоминает, что Маяковский в подтверждение своей точки зрения об овладении старой культурой наизусть читал отрывки из «Евгения Онегина» Пушкина. В зале была овация. Из своих вещей Маяковский читал отрывки из поэмы «Хорошо!».

¹ Цит. по воспоминаниям: П. И. Лавут-Маяковский едет по Союзу. «Знамя», 1940, № 4—5, стр. 209.

¹ В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 425.

Цена 40 коп.

ბ 7186

76117

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა